

Министерство культуры Автономной Республики Крым
Республиканский комитет Автономной Республики Крым по делам
межнациональных отношений и депортированных граждан

Крымское республиканское учреждение
«Этнографический музей»

Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского
Национальной академии наук Украины

ЭТНОГРАФИЯ КРЫМА XIX – XXI вв. И СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Материалы и исследования

Выпуск 2

**Симферополь
2012**

ББК 63.5 (4Укр-6Крм)
Э 916

К 15-летию Крымского этнографического музея

Издание осуществлено в 2012 г. при поддержке Республиканского комитета АРК по делам межнациональных отношений и депортированных граждан

УДК 39-94](477.75):069.8

Редакционная коллегия:

Айбабин А. И., д.и.н., руководитель Крымского отделения института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, председатель;

Араджиони М. А., к. и. н., зав. отделом этноконфессиональных исследований Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины, секретарь;

Вишневская Е. Б., заместитель генерального директора по научной работе Центрального музея Тавриды;

Ганкевич В. Ю., д. и. н., профессор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского;

Лаптев Ю. Н., директор КРУ «Этнографический музей»;

Мальгин А. В., к. ф. н., генеральный директор Центрального музея Тавриды;

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины (протокол № 3 от 04 марта 2008 г.)

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы. Редакционная коллегия может не разделять точку зрения и позицию автора статьи

Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. Вып. 2. / Отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2012. – 304 с.: илл. – Рус., укр.

ISBN 978-966-174-173-6

В сборнике публикуются статьи, подготовленные в 2007–2008 гг. участниками конференции «Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы» (г. Симферополь, 12–14 декабря 2007 г.), посвященной 15-летию Крымского этнографического музея (ныне – КРУ «Этнографический музей»)

© КРУ «Этнографический музей», 2012.

© Авторы статей, 2012.

ISBN 978-966-174-173-6

Раздел I

**Музеи Украины и народная культура:
комплектование коллекций
и их изучение, массово-просветительская
деятельность**

**История этнографических коллекций
и музеев в Крыму**

Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея (2000–2005 гг.)

Одним из основных направлений работы любого музея, и Этнографический музей в этом не исключение, является создание выставок и экспозиций. За время существования нашего музея были созданы десятки выставок самой разнообразной тематики. Сотрудники КЭМ пытались в равной степени показать культуру всех народов, населяющих Крым. На протяжении всего времени своего существования Крымский этнографический музей не раз доказывал свою необходимость и значимость. Постепенно он становился тем общественным и культурным центром, где одновременно могли собраться представители различных национальностей полуострова, местом, абсолютно чуждым политической конъюнктуре и этническим приоритетам. Возможно, именно поэтому с первых дней существования у КЭМ сложились уважительные и плодотворные отношения с национально-культурными обществами Крыма. Итогом такого сотрудничества стали совместные выставки: «Венгрия – любовь моя», «Польские мусульмане», «Армянские художники» [1]. В практику выставочной работы в 2000 г. стали входить и персональные выставки мастеров декоративно-прикладного искусства, народных умельцев. Среди них: «Еврейское ювелирное искусство (по дереву)» Е. Мельниченко и «Традиции в ювелирном искусстве крымских татар» Э. Аблаева [2], а также «Живопись. Народный костюм» художницы О. Чистяковой, на которой были представлены выполненные ею народные костюмы русских и украинцев [3].

Начало 2001 г. ознаменовалось рядом выставок, среди них – «Русское чаепитие», где была представлена коллекция более 40 самоваров симферопольца Ю. К. Наскрипняка. Выставка стала местом проведения театрализованного представления «Масленичные обряды» в течение недели. Благодаря поддержке фонда «Москва – Крым» 500 симферопольских школьников смогли бесплатно познакомиться с русскими традициями и фольклором [4]. В начале апреля в музее открылась выставка «Наследие армян», посвященная 1700-летию принятия христианства в Армении. Центральное место на ней заняли 50 фоторабот И. Липунова об армянской архитектуре Крыма и коллекция Крымского музея этнографии, дополненная предметами из фондов Крымского республиканского краеведческого музея. По окончании выставки работы И. Липунова были переданы в музей.

Также в 2001 г. в рамках VII Крымского международного фестиваля «Крымская радуга» проходила выставка «Декоративно-прикладное искусство народов Крыма». Она представляла культуру и быт народов полуострова во всем богатстве и разнообразии. Экспонаты были выполнены современными мастерами, но в каждом из предметов чувствовался дух старины, история и древние традиции – все, что называется духовным наследием, тесно связанным с обычаями, национальными эстетическими особенностями того или иного народа [5].

Наиболее ярким событием 2002 г. стала выставка «Русские узоры», открытая по инициативе Русского культурного центра, фонда «Москва – Крым» и Ассоциации заповедников и музеев Крыма. В экспозиции были представлены изделия народных промыслов России: платки Павлопосадской платочной мануфактуры, коллекция лаковой миниатюрной живописи (Федоскино, Палех, Мстера, Холуй), полуфаянс Гжели, посуда с хохломской росписью, жостовские подносы, семикаракорский фаянс и другое [6].

В 2002 г. Крымский этнографический музей отмечал свой 10-летний юбилей. Одним из мероприятий, посвященных этому событию, стало открытие выставки «Собираем, храним, изучаем». На ней были представлены экспонаты из фондов музея, собранные за время существования учреждения. Они рассказывали об истории, культуре, обычаях и обрядах многочисленных народов, некогда населявших и населяющих полуостров [7].

В 2003 г. открылась выставка «Узор сплетает нить обряда», посвященная Масленице, которая стала традиционной для музея. На выставке были представлены самовары и посуда для чая из коллекции Ю. К. Наскрипняка, коллекция русских народных женских костюмов (Воронежской, Орловской, Рязанской и Пензенской губерний конца XIX – начала XX в.) О. Н. Чистяковой. Для показа праздничного убранства впервые использованы образцы гипюрно-филейной вышивки супругов А. В. и П. В. Крупновых, вологодские кружева, выполненные учащимися образцовой школы кружевоплетения «Русские узоры» Крымского республиканского центра детского и юношеского творчества (руководитель – Л. Ф. Сорокина), а также образцы русской вышивки и ткачества из фондов Крымского этнографического музея [8].

Примером сотрудничества Крымского этнографического музея и Крымского республиканского общества казахов и киргизов «Бірлік» явилось создание выставки «Быт и культура казахов». Центральное место в экспозиции занимала юрта – кочевое жилище казахов, связан-

ное с целым комплексом традиций этого народа. Также на выставке была представлена серия портретов выдающихся деятелей Казахстана [9].

Из персональных выставок, проводимых в 2003 г., можно выделить такие: «Мелодии крымского леса» В. П. Божченко, «Батики. Народный костюм» О. Н. Чистяковой, а также «Фотографии 1930–1970 гг.» Герберта Листа, созданная совместно с Немецким культурным центром Института имени Гёте в Киеве [10].

В 2004 г. Крымский этнографический музей принимал активное участие в подготовке и проведении выставок и мероприятий, посвященных важным в истории Крыма событиям. К 200-летию переселения немцев в Крым открылась выставка «Немцы Крыма. История и культура», организованная при поддержке Института имени Гёте [11]; к 100-летию юбилею путешествия по Крыму Эдуарда Вильде – выставка «Эстонцы Крыма в XIX–XXI вв.», инициатором которой стал Крымский этнографический музей и мемориальный музей Э. Вильде (г. Таллин) при поддержке посольства Эстонской Республики в Украине [12]; к 10-летию Республиканского общества болгар им. П. Хиллендарского – выставка «Болгарский сувенир», посвященная возрождению традиционных ремесел и сувенирного производства болгар Крыма [13].

Хотелось бы отметить выставку «Греки Крыма в XVIII–XXI вв.», основу которой составил материал, собранный в результате историко-этнографических экспедиций. Они проходили в рамках проекта «Изучение истории, современного состояния традиционной культуры и перспектив развития греческого населения Юга Украины», начатого три года назад филиалом Греческого фонда культуры (г. Одесса). В ее организации, подготовке и оформлении также приняли участие заведующий музеем Ю. Н. Лаптев, кандидат исторических наук М. А. Араджиони, художники Е. А. Мельниченко и В. П. Паращук, экспозиционная группа: Ю. С. Вайсенгольц, Л. А. Науменко, Е. Е. Таратухина. В двух залах (на выставочной площади около 180 кв. м) были размещены 350 редкостных экспонатов, привезенных из 16 населенных пунктов, 250 копий фотографий и архивных документов из фондов крымских музеев, Российского военно-исторического архива, Государственного архива АРК и частных коллекций. Хронологически выставка была разделена на три периода: XVIII – начало XIX в., XIX – начало XX в. и XX–XXI вв. Все материалы были объединены в тематические блоки, которые освещали историю и культуру территориальных этнических групп [14].

В том же году выставка экспонировалась в Одессе в здании филиала Греческого фонда культуры. На ее открытие были приглашены гости из Симферополя, Белогорска и с. Чернополье Белогорского р-на [15].

Одной из интересных персональных выставок 2004 г. была выставка «Искусство, рожденное огнем» феодосийского художника Н. Деменчукова. На выставке были представлены яркие, выразительные изделия, отражающие национальные традиции народов Крыма: греческие амфоры, крымскотатарские гугумы, средневековые амфоры, вазы и кувшины и многие другие предметы, созданные автором по славянским, армянским мотивам. Все они были вылеплены из разных сортов глины со всевозможными добавками, покрыты эмалью определенного состава, украшены специальной росписью либо рисунком [16].

В 2004 г. состоялось открытие выставки под названием «Этническая история Крыма в керамических фигурах». Она стала осуществлением части проекта, работа над которым ведется с середины девяностых годов. Открытие этой экспозиции явилось первым шагом на пути обновления и расширения прежней стационарной выставки «Мозаика культур Крыма», рассказывающей о материальной и духовной культуре крымских народов. Идея создания коллекции керамических фигур принадлежит ведущему научному сотруднику музея Ю. С. Вайсенгольц. В разные годы над реализацией проекта работали и многие другие сотрудники музея. Центральное место в экспозиции занимал подиум в форме Крымского полуострова – так называемая этнографическая карта, на которой расставлены керамические фигуры, отражающие внешний облик и традиционную одежду народов, живших в Крыму в разное время, воспроизводящие особенности их быта и досуга [17].

В 2005 г. Крымский этнографический музей тесно сотрудничал с национально-культурными обществами и общинами Крыма. Результатом стали следующие совместные выставки: выставка фоторабот крымского француза Ю. Менчика в рамках дней французской культуры в Крыму; «В ритме чардаша», посвященная венгерской культуре; «Архитектурное наследие армян Крыма» и «Армянские художники», приуроченные дням армянской культуры в Крыму; «Знакомьтесь, Литва» в рамках празднования дней литовской культуры. Также была организована выставка вне музея в г. Керчь – «Хоро красок в убранстве болгар». В конце года в выставочном зале КЭМ открылась выставка «Мир традиционной культуры казахов и киргизов».

В этом же году прошли мероприятия, посвященные 225-летию основания греческих сел в Приазовье и деятельности Федерации грече-

ских обществ Украины. Они вылились в большой и красочный праздник в Симферополе, Бахчисарае, Севастополе и Феодосии. Крымский этнографический музей также принимал участие в этих мероприятиях, в его выставочном зале состоялась презентация уникальной экспозиции – части бесценной коллекции Музея истории и этнографии Приазовья поселка Сартана. На выставке были представлены предметы быта, элементы традиционной одежды, посуды, кухонная утварь, которой пользовались греки в конце XIX – начале XX в., а также книги о далеком прошлом эллинов, творческой и научной деятельности выдающихся греков, фотографии, рассказывающие о современной жизни греков Приазовья [18].

Таким образом, проведение совместных мероприятий с национально-культурными обществами – это путь к межрегиональному и межнациональному сотрудничеству, что, в свою очередь, укрепляет мир, дружбу и стабильность в полиэтническом Крыму, к чему и стремится коллектив Крымского этнографического музея.

Список источников и литературы

1. Текущий архив КЭМ. Книга учета выставок и массовых мероприятий. – С. 10.
2. Савинова О. В. Музей этнографии приглашает к сотрудничеству // Крымский дом. – 2001. – № 24–25. – С. 11.
3. Владимирова Е. От акварели до костюма // Республика Крым. – 2000. – С. 5.
4. Вернигора М. У самовара // Крымские известия. – 2001. – № 36. – С. 7.
5. Кримська райдуга – кольори згоди // Кримська світлиця. – 2001. – № 89–91. – С. 20.
6. Лиховецька О. Російські візерунки // Кримська світлиця. – 2002. – № 2. – С. 5.
7. Гусарова М. Музей-собирачель: Крымскому этнографическому музею – 10 лет // Крымское время. – 2002. – № 242. – С. 7.
8. Муравский С. От встречи до прощеного дня // Республика Крым. – 2003. – № 10. – С. 12.
9. Зорина Е. Дух далеких времен // Крымские известия. – 2003. – № 145. – С. 4.
10. Гусарова М. Философские откровения Герберта Листа // Крымское время. – 2003. – № 172. – С. 7.
11. События 200-летия // Фонд «Германия – Крым». – 2004. – С. 4.

12. Тарасов С., Главацкий О. Эстонский хвост мисхорской Русалки // Крымская газета. – 2004. – № 175. – С. 3.
13. Болгарский сувенир // Межнациональное согласие. – 2004. – № 27–28. – С. 2.
14. Зорина Е. Птолемаида и Феодосия, остров Родос и Ялта // Крымские известия. – 2004. – № 194. – С. 6.
15. Гусарова М. Экспозиция «Греки Крыма» открылась в Одессе // Крымское время. – 2004. – № 217. – С. 7.
16. Зорина Е. Искусство, рожденное огнем // Крымские известия. – 2004. – № 25. – С. 6.
17. Зорина Е. Этническая история в керамических фигурах // Крымские известия. – 2004. – № 145. – С. 6.
18. Зорина Е. Мега Юрты – большой праздник // Крымские известия. – 2005. – № 190. – С. 5.

Экспозиционное отражение семиотического статуса предметов традиционной культуры (из опыта Крымского этнографического музея)

Современный музей развивается в сложных экономических и культурных условиях. Мощная индустрия развлечений заставляет музеи искать новые формы в жесткой конкурентной борьбе за посетителя. В этих условиях первоочередной задачей видится необходимость создания качественных и захватывающих музейных экспозиций. Однако, как показывает опыт, только некоторые музеи в Украине имеют такие экспозиции. При наличии богатых фондовых коллекций в большинстве современных музеев используются архаический «коллекционный» и «иллюстративный» методы проектирования музейных экспозиций [1], а нередко сохраняются без изменений экспозиции, построенные еще в советское время. В таких экспозициях этнографические коллекции представлены в витринах по той или другой тематике (например, «Орудия труда», «Одежда», «Ткани», «Изделия из дерева» или «Украинцы», «Греки» и т. д.). Это объясняется тем, что до сих пор существует такой подход к предметам материальной культуры, при котором учитывается только сфера их практического применения и игнорируется «знаковость» каждой вещи в народной культуре. Исследовать целый набор функций, которыми наделялся предмет в традиционной культуре, позволяет семиотический подход.

В современной науке существует несколько определений семиотики и понимания ее роли. Наиболее распространенным, классическим определением семиотики является определение по объекту: «Семиотика – это наука о знаках и знаковых системах» [2]. Название происходит от греческого слова «*semeion*», что в переводе означает «знак», «признак». То есть это научная дисциплина, которая изучает производство, здание и функционирование разных знаковых систем, которые сохраняют и передают информацию.

Существует и такое определение семиотики: «под семиотикой можно понимать такой подход к тексту (а текстом есть любая вещь, рассмотренная семиотично), что концентрируется на его знаковой природе и старается истолковать его как феномен языка» [3]. Как метод семиотика используется практически во всех исследованиях че-

ловеческой деятельности. Так, существуют исследования семиотики городской дороги, семиотики гадания, семиотики театрального пространства, семиотики жестов, семиотики туризма, семиотики масок, семиотики часов и зеркал и др.

Семиотические подходы заинтересовали также фольклористов и этнологов. Одним из первых исследователей, обратившихся к семиотическому дискурсу предметов народной культуры, стал А. К. Байбурин – сотрудник Российского этнографического музея. В 1983 г. вышла его книга «Жилье в обрядах и представлениях восточных славян». В ней автор предпринял попытку реконструировать символические аспекты традиционного восточнославянского жилья на материале обрядов, верований, фольклорных и мифологических текстов. В книге впервые рассматривались семиотические аспекты организации внутреннего пространства. Этот новый взгляд на объект материальной культуры – традиционное жилье – стал важным шагом в развитии этнологии. В скором времени появились и другие интересные работы в этом направлении, например книга Э. К. Рославцевой «Одежда в обрядах и обычаях восточных славян». Осмыслению символики тех или иных аспектов традиционной культуры посвящены работы и украинских этнологов [4; 5].

Основу коллекции этнографического музея составляют предметы, искусственно созданные человеком, которые в современной этнографической классификации составляют область материальной культуры. Каждая вещь, кроме своей материальной ценности и практической целесообразности, несет в себе и знаковое содержание.

Вещи характеризуют общество и людей, которые ими пользуются. На своем языке они рассказывают об уровне цивилизации, торговых связях, о характере культуры, социальных отношений и идеологии.

«Двойная природа» вещей – хорошо известная особенность. Любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ, причем вторая, символическая ипостась может пониматься по-разному. В культуре традиционного типа «о каждом предмете, кроме ограниченных сведений, которые касаются его физической природы, существовало еще и другое знание: знание его символического содержания» [6]. Восстановление этого содержания (частично утерянного, частично дошедшего к нам в трансформированном виде) – одна из основных задач историка культуры и этнографа.

Кроме того, символический характер вещей может пониматься и как объективное свойство вещей, которое дает возможность исполь-

зовать их как исторический источник. Ю. М. Лотман в связи с этим пишет: «Следует напомнить, что памятники материальной культуры играют двоякую роль: с одной стороны – они служат практическим целям, с другой, – концентрируя в себе опыт предшествующей трудовой деятельности, выступают как средство сохранения и передачи информации. Для современника, который имеет возможность получить эту информацию по многочисленным, более прямым каналам, в качестве основной выступает первая функция. Но для потомка, например, археолога или историка, она целиком вытесняется второй. При этом, поскольку культура представляет собой структуру, исследователь может вытянуть из орудий труда не только информацию о процессе производства, но и сведения о структуре семьи и других форм организации коллектива» [7].

Есть предметы, знаковый характер которых очевиден. В их числе обрядовая пища, ритуальные здания, церемониальные костюмы, маски и другие предметы, отмеченные в сфере сакрального. Вещи бытового и хозяйственного назначения для подобных целей привлекаются редко, что существенным образом обедняет картину мира, которая воссоздается в тех или иных формах, например в экспозиции.

Однако, как показали исследования последних десятилетий, любая вещь обладает не одной, а целым набором функций, среди которых и символические, и практические. «Возьмем, например, сельские здания, – писал П. Г. Богатырев в выводах своего исследования. – Рядом с практическими функциями, которыми владеет сельский дом и его детали, мы найдем здесь и ряд других функций – эстетическую, магическую, функцию региональной и сословной принадлежности и другие. Крестьянский дом есть не только вещь, но и знаком» [8].

А. К. Байбури́н приводит интересный пример изменения семиотического статуса такой вещи, как хомут – неперменной составляющей этнографических коллекций, которые повествуют о хозяйственной деятельности славян. Иногда хомут можно найти в таких разделах, как «Транспорт», «Сельское хозяйство», «Ремесла». Тем временем область его применения распространяется и на область ритуально-мифологических представлений. Например, в свадебной обрядности: если обнаруживалась, что невеста недобродетельна, на нее одевали хомут. Использование этого предмета как знака возможно по нескольким причинам. Первая из них связана с тем, что хомут соотносил согрешившую с миром животных, в котором не существует культурных запретов. Как способ наказания надевание хомута можно поставить в один

ряд с другими формами изгнания преступников из человеческого коллектива. Во-вторых, хомут имел значение женского детородного органа. Хомут как вещь и хомут как единица религиозно-мифологической картины мира славян относятся к разным семиотическим уровням. В результате их соединения в ритуале возникает ритуальный объект, который относится к высшему уровню модели мира и соответственно владеет высшим семиотическим статусом [9].

Как семиотический статус той или иной вещи можно отразить в экспозиции? При коллекционном методе это крайне затруднительно, так как при распределении экспонатов по рубрикам учитывается лишь одна из функций, чаще всего утилитарная. Чтобы показать, как это обедняет картину мира крестьянина, рассмотрим такой пример. Возьмем обычное веретено. Этот предмет, прежде всего, является орудием труда, участвующим в процессе прядения. На веретено наматывалась нить, полученная в процессе прядения на прялке или самопрялке. Утилитарная функция вещи понятная – получение из пряжи нити, из которой потом на ткацком станке будет соткано полотно. Чаще всего веретено помещают в раздел «Орудия труда» или «Изделия из дерева». Однако эта функция – лишь одна из многих. По представлениям крестьян, веретено имело магическую силу. Водой, слитой на веретено, лечили больных. В русских крестьянских семьях, если рождалась девочка, то бабка-повитуха ей перерезала пуповину на веретене, для того чтобы девочка выросла хорошей хозяйкой. В белорусских селах переход девочки в другую половозрастную группу – подростковую – сопровождался обрядом посвящения в пряжи, в котором важную роль играло веретено: девочка под присмотром бабушки должна была спрясть несколько нитей, потом эту пряжу сжигали в печи и развеивали по ветру. И это еще не полный перечень тех обрядов, в которых используется веретено в магических целях. В коллекционном показе экспонатов этот семиотический статус предмета утрачивается.

Более широкие возможности в этом направлении открывает «образно-сюжетный» метод проектирования, в котором особую роль играет драматический сюжет. В данном аспекте интересен опыт работы Крымского этнографического музея. Так, в экспозиционном комплексе «Рождение ребенка в русской крестьянской семье. Обряды жизненного цикла» «приготовлено» веретено, на котором в случае рождения девочки, бабка-повитуха будет отрезать ей пуповину. А в экспозиционном комплексе, посвященном белорусам, «разыгрывается» обряд посвящения девочки в пряжи, в котором раскрывается и семиотический

статус веретена в показываемом обряде. Весной 2004 г. в КЭМ была подготовлена выставка «Свет Христова Воскресения. Пасхальные обряды русских, украинцев, греков и болгар» (над выставкой работали: Ю. Н. Лаптев – ответственный, Ю. С. Вайсенгольц – экспозиционер, Т. В. Величко и О. Б. Гайворонская – научные сотрудники). В комплексе «Чистый четверг» на пороге дома был показан обряд прядения нитей, которые считались целебными и могли отпугивать нечистую силу. Пряли ее женщины в четверг последней, Страстной недели Великого поста, сидя на пороге дома. Для показа этого обряда был посажен на прялку манекен в украинском женском костюме, к левой руке которого было прикреплено веретено с нитями.

Таким образом, когда вещи как экспонаты не просто помещаются в экспозиционное пространство по одному признаку их практического назначения (как в коллекционном или иллюстративном методе), а с их помощью «разыгрывается» обрядовый сюжет, тогда любая вещь приобретает высокий семиотический статус. А образно-сюжетная экспозиция раскрывает глубокие стороны традиционной культуры, показывает многосторонность картины мира того или иного народа.

Список источников и литературы

1. Существует несколько классификаций методов музейного проектирования. В статье применена терминология из книги: Поляков Т. П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). – М., 1997. – 174 с.
2. Семиотика // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru
3. Горный Е. Что такое семиотика? // Радуга. – 1996. – С. 169.
4. Завадська В. Ложка як антропоморфний образ української міфології // www.rodunna-knuga.iatp.org.ua/center_list
5. Яковлева О. Рушник як символ у когнітивній моделі світу праукраїнців // Народна творчість та етнографія. – 2006. – № 3. – С. 30–35.
6. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и обычаях восточных славян. – Ленинград, 1983. – С. 3.
7. Лотман Ю. Статьи по типологии культуры. Вып.1. – Тарту, 1970. – С. 11.
8. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – С. 363.
9. Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVII. – Ленинград, 1982. – С. 221.

Преемственность традиций на примере массовой работы музея «Степова Україна»

Одной из особенностей исторического развития Причерноморского региона Украины является многонациональный состав его населения. Сегодня в пределах Одесской области живут представители более чем 100 национальностей. Поселившись на юге Украины, они, опираясь на культурное достояние своих предшественников, создали материальные и духовные ценности, которые вошли в сокровищницу народа Украины. Развитие и взаимосвязь самобытных культур этих этносов привлекали внимание историков, этнографов, искусствоведов, фольклористов и краеведов-любителей XIX–XX вв. Собранные ими коллекции, вместе с материалами, переданными из одесских музеев и библиотек, стали основой музея «Степова Україна», созданного в 1925 и открытого в 1927 г. В его собрании, которое насчитывало до 2 тыс. ед. хр., привлекали внимание коллекции вышивок, полотенец, ковров, керамики, «писанок». Экспозиция музея представляла материальную и духовную культуру украинцев, молдаван, болгарских и немецких колонистов. В 1931 г. музей «Степова Україна» прекратил свое существование [1].

В 2005 г. руководство Одесского историко-краеведческого музея (ОИКМ) приняло решение о возрождении музея на базе вновь созданного этнографического отдела ОИКМ, открытие которого стало центральным событием III Международной научно-практической конференции «Музей. История. Одесса», посвященной 50-летию со дня открытия ОИКМ (26–28 апреля 2006 г.).

Экспонаты музея «Степова Україна» показывают материальную культуру и раскрывают духовный мир украинцев, россиян, молдаван, болгар, гагаузов, евреев, греков, немцев, караимов – жителей Одессы и края, кроме того знакомят посетителей с историей создания, основателями, активом музея и положенными ими традициями, а также продолжателями их дела – музейщиками новых времен.

На базе экспозиции музея на протяжении 2006–2007 гг. состоялись выставки «Лицарі козацької доби. XVI–XVIII ст.», «Праздник Будителя», «Лаковая миниатюра», «Спадщина», «Коса – девичья краса», «Аз. Буки. Веди», «Украинские куклы», «Сохраненные и восстановленные святыни» (в рамках семинара-практикума «Экстремальная ситуация

в музеях и заповедниках»), «Рушник національної єдності», «Свадьба: ретроспектива и современность», семинары для студентов Одесского национального университета имени И. Мечникова и Южноукраинского педагогического университета имени К. Ушинского «Соборность Украины – история и современность», благотворительные массовые мероприятия для детей-сирот – фольклорно-этнографические представления, посвященные Рождеству, Масленице, встрече весны, украинскому свадебному обряду.

Большой интерес у посетителей вызвала выставка «Лицарі козацької доби. XVI–XVIII ст.». Казацкая эпоха в Украине характеризуется плодотворной деятельностью выдающихся, ярких исторических личностей – православных магнатов и шляхты, казацких гетманов, атаманов, старшины, представителей церкви и мещанства, народных вожаков. Тема украинского казачества уже не одно столетие привлекает внимание исследователей, художников, просто любознательных граждан и стала своеобразным украинским «брендом». На выставке были представлены малоизвестные рядовым гражданам оригинальные материалы, созвучные времени, о котором идет речь, историей своего нахождения, происхождением и созданием связанные с южноукраинским регионом. Это, прежде всего, портреты деятелей казацкой эпохи; живописные и графические документы и карты XVI–XVIII вв.; книги – старопечатные и издания XVIII – I п. XIX в. (например, Острожская библия, «Требник» 1606 г.); бытовые вещи, среди которых реликвии из запорожских земель; рисунки, гравюры, открытки с сюжетами на темы украинской истории времен казачества [2].

Выставки, посвященные одежде, всегда очень красочны и содержательны: видя, как одевались разные народы, можно много узнать об их укладе, обычаях и даже о темпераменте и характере. Разнообразные наряды были представлены на выставках «Спадщина» (более 100 предметов быта из этнографической коллекции Э. С. Шапкиной); «Коса – девичья краса» (история девичьих и женских головных уборов на экспонатах музея); «Украинские куклы» (уникальные куклы в украинской народной одежде разных историко-этнографических регионов Украины мастерской Ю. Мельничука, г. Киев).

Большой популярностью пользовалась выставка «Свадьба: ретроспектива и современность», открытие которой сопровождалось обрядовыми игровыми элементами и фольклорными песнями «Как в Украине свадьбы играли». На выставке были представлены материалы из архивов, документы о рождении семьи, традиционные свадебные

наряды украинцев, русских-старообрядцев, караимов, евреев, молдаван, болгар, гагаузов, греков, немцев; городская свадебная мода, свадебные фотографии, атрибуты и аксессуары конца XIX – начала XXI в., отражены интересы новобрачных разных периодов отечественной истории.

К первой годовщине создания музея был издан альбом «Моя незрівняна Одещина» [3], основанный на экспонатах возрожденного музея. В перспективе – создание на базе музея «Степова Україна» научно-исследовательского, методически-учебного и просветительского центра изучения материальной и духовной культуры населения юга Украины, возрождение его историко-культурных традиций, народного творчества.

Список источников и литературы

1. Музей «Степова Україна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.history.odessa.ua/publication7/stat05.htm>
2. Там же.
3. Моя незрівняна Одещина [Текст] / В. В. Солодова [и др.]. – О.: Астропринт, 2006. - 84 с.

Русский самовар: история, традиции чаепития (на основе самоваров и предметов чайной церемонии из фондов Крымского этнографического музея)

В апреле 2007 г. Крымский этнографический музей приобрел коллекцию самоваров и предметов чайной церемонии, которую в течение пятнадцати лет собирал житель г. Симферополя Юрий Константинович Наскрипняк. Коллекция насчитывает 98 предметов, из которых 45 – самовары, остальные – подстаканники, кофейники, сливочки, чайники, подносы, коробки из-под сладостей, ситечки для чая и т. п., то есть все то, что мы привыкли понимать под предметами чайной церемонии. В настоящее время коллекция находится на временном хранении в фондах Этнографического музея. Идет процесс атрибуции предметов и записи в книгу поступлений и инвентарные книги. Поэтому все описываемые ниже предметы имеют один номер по книге временного хранения – ВХ – 1472.

Чем интересна для музея эта коллекция? Прежде всего, своим количеством. Вместе собрано около ста единиц предметов, относящихся к одной тематике. Иными словами – это целостный источник, представляющий интерес для исследователей, занимающихся историей русской культуры конца XVIII – начала XX в. Кроме того, следует отметить обилие фабрик-изготовителей, разнообразие форм и объемов самоваров. Большинство представленных в коллекции Ю. К. Наскрипняка самоваров датируется концом XIX – началом XX в.

Когда появились первые самовары? Точного ответа на этот вопрос нет. Известно лишь, что первое упоминание самоваров в письменных источниках содержится в описи имущества Онежского второклассного Крестового монастыря 1746 г., где среди других предметов упоминаются и два самовара с трубами из зеленой меди [1]. Кроме того, приблизительно в это же время, в 40–70-х гг. XVIII в., в Англии в быту использовали т. н. чайные урны или «чайные сосуды, служившие для кипячения воды». Они состояли из двух частей: шарообразного съемного тулова, внутри которого была впаяна конусовидная труба, служившая для тяги, и стационарной подставки с ножкой, на которой крепилась жаровня для углей в виде невысокого цилиндра с многочисленными отверстиями на стенках [2]. Привычную же нам форму

самовары приобрели, очевидно, уже ближе к концу XVIII в. Тогда же, вероятно, возникают и первые известные нам самоварные фабрики. Центрами производства самоваров становятся Москва, Санкт-Петербург и, конечно же, Тула. Следует в связи с этим сказать, что в коллекции КЭМ в основном присутствуют самовары, изготовленные на тульских фабриках.

Из письменных источников известно, что впервые самоварное производство в России было организовано в г. Туле в 1778 г. оружейником Федором Лисицыным. Впоследствии его дело перешло к сыновьям – Ивану и Назару [3].

Постепенно изготовление самоваров становится весьма прибыльным занятием. Кустари быстро превращаются в фабрикантов, мастерские – в фабрики. Ко второй половине XIX в. в России уже насчитывалось около 300 фабрик, производивших самовары. Только в Туле их было около 100. Складываются целые «самоварные династии» – Баташевых, Шемариных, Воронцовых, Сомовых. В Туле к 70-м гг. XIX в. насчитывалось около десяти фабрик однофамильцев Баташевых. Самая ранняя из них основана Иваном Григорьевичем Баташевым в 1825 г., потом она перешла к его сыну, Николаю Ивановичу Баташеву, сдавшему ее в аренду семье фабрикантов Тейле. В 1840 г. возникает фабрика Василия Степановича Баташева, существовавшая затем как фирма «Наследники В. С. Баташева». В 50–60-х гг. XIX в. появляется фабрика Александра Степановича Баташева, переданная впоследствии братьям Алексею и Ивану, при которых она и прекратила свое существование [4]. В коллекции Ю. К. Наскрипняка более половины самоваров сделано на фабриках Баташевых, в том числе и вышеназванных.

Очевидно, что значительная конкуренция в области самоварного производства привела к тому, что каждая из фабрик стремилась производить оригинальную продукцию. Отсюда такое разнообразие форм на рынке самоваров на примере коллекции КЭМ можно проследить, какие из них были самыми распространенными. Наиболее широко в коллекции представлены самовары с туловом в форме «банки», «рюмки» и «вазы». Присутствуют также изделия в виде «дули» (груши), «шара», «яйца», «репки» и т. д.

К концу XIX – началу XX в. самовар окончательно входит в быт русского человека. В некоторых домах имелось по два самовара – повседневный и праздничный. В коллекции Ю. К. Наскрипняка также есть экземпляр праздничного самовара. Это самовар фабрики В. С. Баташева с туловом в форме «пасхального яйца».

Продукция фабрик исчислялась пудами, но наряду с весовыми самоварами простых форм, делали и штучные, т. н. ценовые. Цена их была намного выше. Если пуд самоваров в 1855 г. стоил 15 рублей, то ценовые шли по 3 рубля 15 копеек за штуку [5]. В рассматриваемой коллекции к ценовым можно отнести ряд сосудов, поистине являющихся произведениями декоративно-прикладного искусства. Например, латунный никелированный самовар фабрики Тейле конца XIX – начала XX в., с туловом в форме «гладкой рюмки» и перехватом в его верхней части, круглым ступенчатым основанием на четырех фигурных ножках. Поддувало и конфорка с фигурными прорезями, ручки в виде двух резных пластин, скрепленных деревянным держателем, кран с рельефной розеткой в основании и ключом «веткой».

В коллекции КЭМ выделяется латунный никелированный самовар фабрики Ванькина начала XX в., с туловом в форме «вазы» и перехватом в его верхней части. Борт тулова рельефно оформлен, ручки в виде двух резных пластин, соединенных деревянными держателями, основание круглое, ступенчатое, с четырьмя фигурными ножками, кран с рельефной розеткой в основании.

Хочется также отметить латунный никелированный самовар фабрики Тейле конца XIX – начала XX в., с туловом в форме «граненой рюмки» с двумя колонками. Борт тулова украшен литыми горошинами. Основание круглое, ступенчатое, с четырьмя раздваивающимися ножками. Поддувало и конфорка с фигурными прорезями. Ручки вертикальные, состоящие из двух фигурных пластин, соединенных резными деревянными держателями. Кран граненый, с рельефной розеткой в основании. Ключ крана в виде «решетки».

Кроме формы различной была и вместимость самоваров. Самым маленьким считается самовар вместимостью 200 мл, самым большим – до 20 л. Небольшие самовары использовали в качестве дорожных, большие – как стационарные в трактирах.

Дорожные самовары становятся очень популярными в XIX в. Их, как правило, делали четырех-, шести- и восьмигранными. Такие самовары имели съемные ножки и вислые на вертлюгах ручки. Эти приспособления делались для того, чтобы было удобнее складывать изделия в специальные дорожные сундучки «погребца» [6]. В коллекции Ю. К. Наскрипяка дорожные восьмигранные самовары представлены единственным экземпляром. Клеймо мастера-изготовителя сохранилось очень плохо, оно практически неразборчиво. Самовар латунный, предположительно конца XIX в. Кроме него в коллекции есть еще три

вместимостью от 200 до 300 мл. Два самоварчика сделаны на фабрике Григория Романова в Туле. Один из них с туловом в форме «гладкой рюмки», другой – «вазы». Мастер-изготовитель последнего самовара неизвестен.

В конце XIX в., когда русский человек уже не представлял себе жизни без самовара, в моду входят бульотки – небольшие сосуды на подставке со спиртовкой. Бульотка, уже наполненная горячей водой, обычно ставилась на стол и при помощи спиртовки вода в ней поддерживалась в состоянии кипения до тех пор, пока не закипал новый самовар. Учитывая, что в ходе чаепития обычно выпивали не один самовар, бульотки оказались как нельзя кстати. Наиболее распространены они были в домах столичной аристократии [7; 8]. В коллекции Ю. К. Наскрипняка имеются две бульотки фабрики Фаберже и самовар фабрики Тейле с туловом в форме «банки» со спиртовкой в основании. Особый интерес вызывает бульотка с туловом в форме «чайника» сферической формы, с крышкой, увенчанной костяной шишечкой, и ручкой в виде двух завитков, скрепленных фигурным держателем из слоновой кости. Основание бульотки утеряно. Данный сосуд датируется предположительно серединой XIX в., остальные относятся к более позднему времени, скорее всего, к концу XIX в.

Нужно сказать и о фирмах, подделывавших изделия известных фабрик. Фальшивоизготовители во второй половине XIX в. ориентировались на фирмы, имевшие известность в самоварном деле. К примеру, самовары, клейменные фамилией Баташевых, были наиболее популярны. Поэтому они охотно раскупались и сохранились в больших количествах до настоящего времени. Лжефабриканты пытались подделывать клейма известных фабрик. В коллекции КЭМ есть самовар предположительно фабрики лже-Баташевых – самовар-«дуля» Г. А. Сорокина, преемника «Баташова». Как известно, фабрик Баташевых было очень много, поэтому фабриканты всегда указывали свои инициалы. В данном случае, мы сталкиваемся с надписью только фамилии без инициалов, при этом фамилия «Баташов» ошибочно написана через «о».

Производство самоваров продолжается и после революции 1917 г. В этот период самоварная промышленность почти полностью прекратила свое существование. В 1918 г. происходит национализация предприятий. Фабрика наследников В. С. Баташева была передана в ведение Тулпатронзавода. Однако большая часть самоваров продолжала выпускаться артелями. Их работало большое количество. Наи-

более известные – «Прогресс», «Наше будущее», «Красный пахарь». Самовары артели «Наше будущее» в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке были удостоены диплома первой степени за отличную выработку, доброкачественную сборку и лучший фасон. На самоварах, выпущенных этой артелью, можно прочесть клеймо: «Самоварная фабрика 1-й кооперативной артели, удостоенная диплома 1-й степени» [9]. Именно с такой надписью есть самовар-«банка» и в коллекции Ю. К. Наскрипняка.

В наши дни история самовара продолжается. Самовар стал электрическим. Появляются новые интересные формы. И хотя сейчас нечасто встретишь семью, где самоваром пользовались бы ежедневно, но на праздничном столе, как и сто лет назад, самовар остается вне конкуренции. Ни одно народное гулянье не обходится без него.

Всевозрастающий интерес к истории самовара как самобытного образца русского декоративно-прикладного искусства и русского быта, необычайная его популярность на протяжении почти 300 лет объясняются, наверное, тем, что это «неживое изделие» из металла для нагревания воды имеет «живую душу», т. к. не исчезли те понятия, олицетворением которых всегда был самовар: гостеприимство и радушие, дружеское общение, душевная беседа, домашний покой и уют.

Список источников и литературы

1. Волкова В. С. Русские самовары в собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства // Музей 6. Художественные собрания СССР – М., 1986. – С. 182.
2. Гилодо А. А. Русский самовар. – М., 1991. – С. 8–9.
3. www.samovar.holm.ru
4. Волкова В. С. Ук. соч. – С. 183.
5. Гилодо А. А. Ук. соч. – С. 19–20.
6. Фрайкопф Г. Русские самовары. – М., 1996. – С. 24.
7. Фрайкопф Г. Ук. соч. – С. 18.
8. Гилодо А. А. Ук. соч. – С. 22.
9. www.samovar.holm.ru

Внедрение информационных технологий в работу Крымского этнографического музея

Крымский этнографический музей является одним из ведущих научных и культурно-просветительских учреждений на полуострове и по направлению работы единственным на юге Украины. Музей играет уникальную роль в системе музейных учреждений Автономной Республики Крым, так как здесь сосредоточена наиболее полная информация по этнографии и культуре народов Крыма. Он является важным информационным и воспитательным центром, своего рода «моделью» Крыма и уникальным путеводителем по его народам и культурам. Поэтому в условиях динамично меняющегося мира, в котором в различных сферах деятельности все более широко применяются компьютерные технологии, в котором значительно усилился поток поступающей информации, при этом изменились формы ее подачи, музей обязан реагировать на происходящие перемены [1; 2].

На сегодняшний день коллекция Крымского этнографического музея насчитывает более 7000 экспонатов, отражающих культуру более 20 этнических общностей. Коллекция предметов хранится в фондах музея и экспонируется на стационарной выставке «Мозаика культур Крыма». Учет экспонатов осуществляется традиционным методом, путем занесения их в многотомные Книги поступления (КП) и заведением на каждый экспонат учетных карточек [3], что затрудняет поиск нужной информации. Данную работу можно значительно облегчить, так как именно с компьютеризации учетно-фондовой работы начиналось внедрение информационных технологий в музеях.

Научным сотрудником Крымского этнографического музея Е. А. Прокофьевой был разработан мультимедийный каталог для коллекции предметов по этнографической культуре. Подготовительный этап работы заключался в создании кодированного тематического классификатора коллекции на основе разработок бывшего Ленинградского музея этнографии народов СССР с изменениями и дополнениями, продиктованными специфическими крымскими условиями (были исключены разделы, касающиеся рода занятий, не свойственных нашему региону) и достижениями современной техники (включены аудио-, видеоматериалы).

На следующем этапе отбирались учетные карточки, составлялись легенды экспонатов, а полученная информация вносилась в базу данных,

созданную в программе MS Access. Параллельно с этим происходило сканирование документов и фотографирование экспонатов коллекции. Все эти данные накапливались на жестком диске и заняли объем памяти около 150 Mb. В качестве программы для разработки интерфейса мультимедийного каталога была выбрана программа MS Visual Basic.

Структура мультимедийного каталога включала в себя четыре основных раздела: «Экспонаты», «Поиск», «Литература», «Разработчики». В разделе «Экспонаты» были представлены все материалы эстонской коллекции. Поисковая система позволяла делать выборки по следующим параметрам: любому слову, дате, номеру КП, тематическому классификатору. В разделе «Литература» была помещена информация об источниках и литературе, посвященных вопросам культуры и истории эстонцев в Крыму. Раздел «Разработчики» представил всех, кто принял участие в реализации проекта.

После окончательной доработки программы было проведено ее тестирование на компьютерах различной производительности. По окончании тестирования программа была записана на компакт-диск [4].

Другим направлением использования информационных технологий в Крымском этнографическом музее является презентация. Так, для отчета по экспедиции, проведенной научными сотрудниками летом – осенью 2001 г. по русским селам Верхоречье, Прохладное, Мазанка, Петровка, Барабаново, была разработана презентация «Русские Крыма. Экспедиция лето – осень 2001 г.».

Презентация в Крымском этнографическом музее используется и как иллюстративно-информационная часть различных мероприятий. Например, знакомство туристов из Швейцарии с крымскотатарским обрядом кофепития сопровождалось показом литографий с изображением кофейни, фотографий экспонатов (предметов, используемых во время церемонии) из коллекции музея, при этом звучала крымскотатарская мелодия, что позволило создать необходимую атмосферу; презентации книг «Чехи в Крыму. Очерки истории и культуры» и «Литовский след на крымской земле» проходили на базе музея с использованием мультимедийного оборудования.

Для привлечения аудитории и в образовательных целях в этом году научными сотрудниками музея была начата разработка тематических лекций с использованием информационных технологий. Подобные лекции будут более интересны современной молодежи, для которой персональный компьютер является инструментом и для развлечений, и для учебы. Примером такой презентации является «Переселение рус-

ских в Крым». Источниками создания такой презентации были Интернет и фонды Крымского этнографического музея. Подобная форма работы позволит музею «прийти» к тем, кто по ряду причин (отсутствие транспорта в учебных заведениях, отдаленность расположения и т. д.) не может посещать музей. И главное, что при проведении таких лекций, знакомя большое количество посетителей с коллекциями музея, удастся сохранять экспонаты. Однако проведение выездных лекций-презентаций требует технического оснащения, а на сегодняшний день не все учебные заведения обеспечены нужным оборудованием. К сожалению, и в музее техническая база не достаточна для работы вне музея.

Для проведения различных мероприятий, в том числе и презентаций, в музее существует Информационно-методический центр межкультурного просвещения и толерантности, созданный при финансовой поддержке Международного фонда «Відродження» в рамках проекта «Мультикультурное образование как основа толерантных межнациональных отношений в Крыму» совместно с Информационно-исследовательским центром «Интеграция и развитие».

Использование информационных технологий помогает нам в решении некоторых трудностей, возникающих в ходе экспозиционной работы. Например, во время реэкспозиции стационарной выставки «Мозаика культур Крыма» фотографии, помещенные в комплекс, стали менее доступными и информационно «терялись» для посетителей. В связи с этим возникла идея создания электронного фотоальбома «Этническая история и культура Крыма» на основе фондов Крымского этнографического музея (идея принадлежит заведующему КЭМ Ю. Н. Лаптеву, технически проект был реализован ст. н. с. Е. А. Лагодой и мл. н. с. И. В. Спириной).

На первом этапе была проведена подготовительная работа: научные сотрудники отбирали наиболее интересные открытки и фотографии, отражающие возрождение национальных культур. На следующем этапе отобранный материал был отсканирован и обработан в программе Adobe Photoshop, так как некоторые подлинники нуждались в реставрации. По проекту каждая фотография в альбоме сопровождается краткой информацией о ней, текст подписей набирался в программе MS Word. Затем текстовые файлы и файлы с фотографиями через буфер обмена копировались в программу MS PowerPoint, где и происходила окончательная обработка фотографий и текстов. На завершающем этапе готовый электронный альбом был записан на компакт-диски и перенесен на жесткий диск компьютера, расположенно-

го в экспозиционном зале, где посетители и смогут ознакомиться с ним.

Фотоальбом содержит 661 фотографию и открытки. Он включает следующие тематические разделы: «Армяне», «Ассирийцы», «Белорусы», «Болгары», «Греки», «Евреи», «Итальянцы», «Караимы», «Крымские татары», «Крымчаки», «Молдаване», «Мордва», «Немцы», «Менониты», «Поляки», «Русские», «Украинцы», «Французы», «Цыгане», «Чехи», «Чуваши», «Швейцарцы», «Эстонцы». В дальнейшем, по мере новых поступлений альбом будет пополняться.

На сегодняшний день одним из важнейших источников получения информации является глобальная сеть Интернет. О Крымском этнографическом музее можно узнать, посетив сайт Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (<http://www.ccssu.crimea.ua/crimea/etno/museum/>), но, к сожалению, эти данные давно не обновлялась. В концепции развития музея предполагается создание сайта о народах Крыма (история и современность), который будет включать информацию не только о музее, но и об этнографии Крыма в целом.

Таким образом, несмотря на то что в музее нет специализированного отдела, техническое и программное обеспечение не достаточно, имеющееся оборудование требует обновления, все же внедрение информационных технологий позволяет повысить эффективность и качество работы, предоставляет новые возможности в развитии и совершенствовании различных видов деятельности Крымского этнографического музея.

Список источников и литературы

1. Матющенко О. И. Исторический костюм в проведении интерактивных программ // Роль научных учреждений и музеев в деле сохранения, популяризации и использования культурного наследия народов Сибири: материалы Научного совета музеев Сибири. – Омск, 2001. – С. 70.
2. Морозкина Л. Музеям с любовью // Мир музейных технологий. – 2006. – Июнь. – С. 16.
3. Годовые отчеты о работе Крымского этнографического музея за 1992–2003 гг.
4. Прокофьева Е. А. Создание мультимедийного каталога экспонатов Крымского этнографического музея (на примере эстонской коллекции) // Арсений Иванович Маркевич. I Таврические международные научные чтения. – Симферополь, 2000. – С. 112–115.

Коллекция ювелирных изделий в фондах КЭМ

Коллекции ювелирных изделий всегда являются наиболее интересными в музейных собраниях. Объясняется это тем, что предметы, во-первых, сделаны из имеющих значительную материальную ценность драгметаллов; во-вторых, нередко являются настоящими произведениями искусства; в-третьих, из-за недостаточной оснащенности музея современными приборами охранно-пожарной сигнализации практически не экспонируются, а хранятся в запасниках.

Для изготовления ювелирных изделий из коллекции КЭМ использовались различные приемы ручной обработки и украшения драгоценных металлов [1].

Литье: в первую очередь делали модель предмета из глины, воска или дерева. По этой модели изготавливалась разъемная форма (из формовочной земли в опоке), в которую вливался расплавленный металл. Когда металл в форме застывал, форму разнимали. В местах соединения половины формы получались швы, на поверхности – неровности; все это спиливали или заделывали вставками. Другой способ – потеря восковой модели, при котором разъемную форму не делали. Восковая модель заливалась формовочной массой из глины, земли, навоза. При отливке воск вытапливался вливаемым металлом, модель гибла.

Ковка: основана на свойстве золота и серебра расплющиваться и растягиваться, не ломаясь, под давлением или ударом. Серебро ковали в горячем и холодном виде, золото только в холодном. Чтобы изготовить предмет, мастер должен был перековать слиток в лист нужной толщины, из которого уже и выковывалась основная форма предмета.

Чеканка: «чокать» означает звонко постукивать по чекану (стальному прутику) на металле молоточком. Литые предметы чеканили, зажимая в тисках, или на специально приготовленной смоле, которая заливалась в форму, а сверху помещался лист металла. Из инструментов использовались молоток с круглой или квадратной ударной площадкой; чекан – стальной прутик длиной 12–15 см, его рабочий конец был закален и имел различные формы. В работе мастер использовал от 100 до 200 чеканов.

Резьба (гравировка) и обoron: нанесение изображения с помощью стальных инструментов. На поверхность наносили рисунок, стружку снимали резцом. При обороне фон «обирался» резцом, а рисунок оставался рельефным.

Скань (филигрань): ажурный орнамент из тонкой проволоки. Гладкая проволока получалась при протягивании через стальные пластины, установленные в тисках, имеющие уменьшающиеся по диаметру отверстия. Самая тонкая проволока протаскивалась через медные кружки с вставленным внутрь алмазом или сапфиром. Плоская проволока пропусклась через вальцы, перевитая – скручивалась на специальном сушильном станке. Различают филигрань фоновую и ажурную.

Фоновая филигрань: рисунок наносили на металл, сверху щипчиками укладывали скань на клей. Затем пластину с рисунком плотно скручивали железной проволокой, смачивали водой, посыпали легкоплавким серебряным припоем и с помощью паяльной трубки «февк» напаивали скань, направляя пламя.

Ажурная скань выкладывалась на бумаге, которая потом сгорала. В заключение сканый предмет отбеливали, т. е. кипятили в 5%-м растворе серной кислоты.

Зернь: из проволоки нарезают отрезки, раскладывают на куске древесного угля со специально сделанными углублениями. Затем плавят, колечки скатываются в углубления в угле, превращаясь в шарики. Напаивали так же, как скань.

Чернь: особый сернистый сплав из серебра, меди, свинца и серы, который накладывался на глубоко вырезанный рисунок на металле. Сплав готовили заранее, остывший толкли в порошок и хранили. Перед нанесением черни на предмет его смачивали раствором буры и нагревали до испарения влаги. Затем изделие покрывали ровным слоем черни, обжигали. После обжига лишнюю чернь спиливали, поверхность шлифовали. Получался либо блестящий орнамент на черном фоне, либо наоборот.

Золочение осуществлялось разными способами:

- 1) набиванием на металлическую пластину тонких листов золота;
- 2) при помощи золотой амальгамы (соединения ртути и золота) – ртуть испаряется при нагревании предмета, а золото остается);
- 3) гальваническим способом, получившим широкое распространение с середины XIX в.

Перечисленные способы ручной обработки драгметаллов во многом определяют художественную ценность ювелирных изделий коллекции КЭМ. Материальную же ценность и историческую подчеркивают клейма.

Клеймение изделий из драгметаллов в России имеет свою историю [2]. После монетной реформы в 1700 г. Петр I издал указ, определяв-

ший 4 золотых и 4 серебряных пробы (96, 90, 84, 62 для серебра), которые нужно было ставить на изделиях. Проба – количество драгметалла в сплаве. Для надзора выбирались старосты из мастеров. Для мастеров были введены клейма, а затем клеймо с пробой ставил староста. Изготовление золотых и серебряных изделий ниже указанной пробы наказывалось. Без клейма запрещали торговать изделиями. Эти правила легли в основу пробирной системы вплоть до 1917 г. В середине XVIII в. пробирных мастеров обучали специально, высылая из провинции в Москву. С начала XIX в. пробирные операции стали проводить в специально оборудованных пробирных палатках. К 1896 г. название «пробирная палатка» заменяется на «окружное пробирное управление».

Таким образом, на изделиях нередко присутствуют три клейма – клеймо мастера, клеймо окружного пробирного управления с инициалами управляющего и клеймо с цифрами пробы. Отсутствие клейм на предметах говорит о том, что это был частный заказ и заказчик абсолютно доверял мастеру.

В коллекции ювелирных изделий КЭМ прежде всего обращают на себя внимание украшения крымских татар и кубачинские пояса. Ювелирные изделия крымских татар отличались большим разнообразием. На их характер, так же как и на характер украшений многих других народов, большое влияние оказали традиции, привнесенные из Египта, Греции, Рима, Византии, а также восточные традиции. Вместе с тем ювелирным украшениям крымских татар свойственно особое изящество исполнения, свои формы, орнаменты, отличающие их от ювелирных украшений других народов [3]. Наиболее популярными были украшения из серебра. Серебру приписывалась магическая связь с луной, само серебро выступало в роли оберега и к тому же было более доступно, чем золото.

В средневековье и вплоть до начала XX в. Бахчисарай был одним из главных ювелирных центров Крыма [4]. Из всего разнообразия форм крымскотатарских ювелирных изделий в коллекции КЭМ представлены навершия «тепелик» на шапочки «фес» и пояса.

Фес носили женщины, делали их из бархата и украшали золотым шитьем, отделявали по краям монетами. Часто сверху на фес пришивали тепелик – украшение в виде ажурной розетки. По размеру и форме тепелик обычно совпадал с доньшком шапочки и представлял собой композицию из цветов с камнем в центре или выполнялся в виде шестиконечной звезды, солнца со многими лучами, окруженного полумесяцами [5].

В коллекции КЭМ есть два серебряных позолоченных навершия на фес конца XIX в., выполненных в техниках ажурной филигрании и зерни. Один из них (КП – 531) в форме шестиконечной звезды, другой (КП – 1678) круглый, с ажурным краем. Украшены они изображениями цветков лотоса, лилий, распутившихся и в бутоне, с изогнутыми остроконечными листьями. В обоих случаях мастер не известен, это был частный заказ.

Платье у крымских татар часто было распашным и поэтому стягивалось поясом с пряжкой. Пояс мог быть полностью металлическим, кожаным, бархатным. На плотную основу пояса нанизывались металлические звенья «сулюк», имеющие S-образную форму (реже бант или цветок). Пряжка была парная, в виде крыльев бабочки, двух зеркально отраженных листьев винограда, на которые накладывались два цветочных листа, и все это скреплялось крупной цветочной розеткой. Наряду с филигранными были крупные, массивные чеканные пряжки, украшенные гравировкой и скрепленные кинжалом с цепочкой.

У девушек пояса были более изящные, у женщин на поясах были пряжки весом до 400 г и длиной до 18 см [6]. Пояса во многих семьях были реликвией, передавались по наследству, играли важную роль в свадебной церемонии – ими благословляли (трижды отец обходил вокруг невесты, потом застегивал пояс). Вообще же украшения на свадьбу дарил жених.

Наиболее распространенными техниками, в которых изготавливались крымскотатарские пояса, были фоновая или ажурная филигрань, зернь и золочение.

Поскольку пояса всегда наряду с их функциональным назначением играли роль оберега, изображения на них следует рассматривать не только с эстетической точки зрения, но и как апотропеи, как ожидание счастливой судьбы их владельцев [7].

Наиболее интересным в коллекции КЭМ является женский пояс работы XVIII в. (КП – 532). Он парчовый, пряжка и сулюки серебряные, позолоченные, выполнены в техниках фоновой и ажурной филигрании, зерни. На пряжке доцифрованное клеймо, которым отмечали серебро. Хотя, возможно, это и клеймо мастера. Сканный орнамент растительный – остроконечные листья, лилии, распутившиеся и в бутонах.

Еще три парчовых пояса коллекции КЭМ – работы конца XVIII – середины XIX в. (КП – 1087, КП – 1677, КП – 1655). Пряжки у них в виде листьев винограда в зеркальном отражении, украшены бирюзовыми вставками, сканным растительным орнаментом. Сулюки – S-видной

формы и в форме банта. На одном из поясов, на пряжке, есть прямоугольное клеймо мастера – «Цыгоев», два других без клейм.

Парчовый пояс с пряжкой в форме крыльев бабочки датируется XIX в. (КП – 1307). На нем шесть S-видных сулюков. Выполнен он в традиционных техниках. На пряжке два клейма: одно с инициалами мастера «КБ», другое Закавказского окружного пробирного управления с пробой серебра (84-й) и буквой «О».

В коллекции музея есть пояса, представляющие промысел, которому более 1000 лет – это кубачинские пояса (название от с. Кубачи в Дагестане). Кубачи (в переводе с турецкого – «оружейники») хорошо известно в наши дни работами мастеров-ювелиров, бережно сохраняющих и развивающих традиции своих предков. В XIX в. основным занятием кубачинцев была художественная отделка оружия, изготовление различных ювелирных изделий и некоторых видов бронзовых вещей. Богатые семьи имели лавки и мастерские не только в родном селении, но и в крупных городах – Краснодаре, Тифлисе, Баку, Лабинске, Дербенте и др. Предметы КЭМ происходят именно из таких мастерских [8].

Для изготовления ювелирных изделий, оружия мастера использовали литье, кузнечные работы, чеканку, гравировку, чернение, насечки золотом по серебру и железу, инкрустацию, скань и зернь. В орнаменте использовались главным образом растительные мотивы – ветви, листочки, цветы. Традиционные узоры – «тутта» – стилизованная ветка дерева с симметричными побегами и «мархарай» – заросль, асимметричный орнамент из спиралей и стеблей. Очень часто в узоры вплетались арабские слова, изречения, целые стихи из Корана [9].

Кубачинские пояса коллекции КЭМ столь разнообразны по типам и формам, что следует остановиться на их интерпретации подробнее.

Женский пояс (КП – 1643) работы конца XIX в. (а точнее 1882 г.) выполнен в виде одетых на кожаную основу плотно прилегающих друг к другу прямоугольных звеньев, украшенных гравировкой и чернением. Пряжка его в виде трех литых конусовидных деталей. На ближайших к пряжке звеньях дата «1882» и надпись на армянском языке, возможно, имя мастера.

Еще один пояс (КП – 103), происходящий из армянской семьи, состоит из серебряных, украшенных чернением, фигурных, слегка изогнутых звеньев, соединенных проволочными колечками, и одной детали пряжки (вторая, которая была с кинжальчиком, утрачена). На звеньях клеймо «АВ» – это инициалы мастера, работавшего в 1873–

1883 гг. На пряжке клеймо «ЛК» – неизвестный мастер Киевского пробирного управления с 1908 по 1915 гг. и клеймо Киевского окружного пробирного управления с инициалами пробирного инспектора Олекса Льва Фридриховича.

Кожаный пояс (КП – 1824) с массивной пряжкой и фигурными бляшками работы XIX в. выполнен в традиционных техниках. На крестообразной бляшке клеймо мастера «П». Клейма пробирного управления на поясе нет, это был частный заказ.

Очень изящно смотрится женский пояс начала XX в. (КП – 1823), состоящий из литых пластин, украшенных сканью и рельефным орнаментом, надетых на кожаный ремешок. Пояс серебряный, позолоченный, выполнен в техниках оборон, чернение, чеканка, скань. На звеньях пояса клеймо мастера «МГ» (1899–1908 гг.) и клеймо Тифлисского пробирного управления (ответственный за пробнадзор И. А. Шмидецкий, 1903–1904 гг.)

Один из поясов коллекции КЭМ был куплен в начале XX в. на Кавказе проходившим там срочную службу П. Н. Сосенко для своей сестры Александры (КП – 3978). Сам пояс парчовый, пряжка серебряная, фигурная, закрывается с помощью кинжальчика. На пояс нанизано пять узких фигурных звеньев. Украшен он гравировкой и чернением. На пряжке клеймо мастера «КЯ» и клеймо инспектора Донского пробирного округа Ф. Коновалова (1899–1908 гг.).

Украшения в национальном костюме всех народов занимают важное место. Издавна они выполняли не только эстетические функции, но и служили оберегами, имели прикладное назначение: ими застегивалась одежда, укреплялась прическа. Украшения, как и костюм, свидетельствовали о материальном достатке, семейном, социальном положении, возрасте их обладателя. Все это придает им историческую и культурную ценность, делает их изучение интересным и познавательным.

Список источников и литературы

1. Русское золотое и серебряное дело XV–XX веков / Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова. – М., 1967. – С. 70–81.
2. Указ. соч. – С. 141–143.
3. Желтухина О. Исчезающее искусство филиграни // Qasevet. – 2000. – № 27. – С. 10–14.
4. Никольский П. В. Бахчисарай. Культурно-историческая экскурсия. – Симферополь, 1924. – С. 11–29.

5. Заатов И. Крымскотатарское декоративно-прикладное и изобразительное искусство. – Симферополь, 2003. – С. 276.
6. Заатов И. Указ. соч. – С. 278–280.
7. Аблямитова Л. Х. Обрядовое значение платка и пояса – деталей национальной одежды крымских татар // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы. – Симферополь, 2002. – С. 154–158.
8. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. – М. – Л., 1949.
9. Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1953. – С. 590.

Лекция-презентация как одна из форм изучения русской культуры в Крыму

Крым с древнейших времен являлся полиэтническим регионом. Трудно назвать этнос, который бы не оставил свой след в истории полуострова. Самым многочисленным этносом, проживающим в настоящее время в Крыму, являются русские. Изучение русских в нашем регионе началось еще XIX в. В трудах В. Кондараки [1], П. Татаринова [2], П. Свиньина [3], В. Семенова-Тян-Шанского [4], Е. Маркова [5] уделялось внимание истории появления восточных славян в Крыму, процессу заселения края после присоединения Крыма к Российской империи, описывались хозяйственная деятельность, занятия, быт. Епископ Гермоген в своем сборнике «Таврическая епархия» рассказал об особенностях духовной культуры русских в Крыму [6].

К сожалению, в XX в. исследованию культуры русского этноса в Крыму не уделялось достаточно внимания. Ситуация стала меняться в лучшую сторону только после создания в 1992 г. Крымского этнографического музея. Его сотрудники неоднократно совершали выезды в места компактного проживания русского населения, первый из которых осуществила в 1993–1994 гг. О. В. Савинова. В период проведения полевых исследований были собраны не только сведения о русской культуре, но и первые экспонаты. Таким образом было положено начало формирования русской коллекции Крымского этнографического музея. Изучение традиционной культуры русских в Крыму было продолжено в экспедиции 2001 г., которая прошла при поддержке РКЦ и фонда «Москва – Крым». Поскольку особый научный интерес вызывали села, в которых русские проживали с конца XVIII в., полевые исследования проводились в следующих населенных пунктах Бахчисарайского, Белогорского и Симферопольского районов: Баланово, Верхоречье, Зуя, Мазанка, Петрово, Прохладное. Детальному изучению русского свадебного обряда была посвящена поездка Т. В. Величко в с. Мазанку в начале апреля 2003 г. За несколько дней работы были опрошены информанты, сделаны аудио- и видеозаписи элементов свадебного ритуала и свадебных обрядовых песен [7].

К главным направлениям работы музея относится не только сбор экспонатов, их сохранение и показ, но и культурно-образовательная деятельность. Остановимся более подробно на третьем направлении.

В КЭМ используется ряд форм работы с посетителями (музейной аудиторией):

1. Экскурсия – «коллективный осмотр музея, выставки по определенному маршруту под руководством экскурсовода с познавательными, образовательными, научными и воспитательными целями, а также для удовлетворения эстетических потребностей при использовании свободного времени» [8].

По характеру тематики проводятся экскурсии:

а) обзорные, предназначенные для посетителей, которые впервые пришли в музей и желают получить общее представление о его истории и коллекциях [9];

б) тематические, наиболее детально освещающие одну тему или проблему.

По целевой направленности в Крымском этнографическом музее предлагаются экскурсии, непосредственно связанные с программами различных учебных заведений. Так, например, по стационарной экспозиции «Мозаика культур народов Крыма» проводятся экскурсии по трем залам, условно обозначенным как «Восточный», «Европейский», «Восточных славян». На каждый зал отводится от 1 до 1,5 часов, что позволяет более подробно ознакомиться с народами, которым посвящены залы, и остановиться на вопросах, интересующих аудиторию.

2. Лекция. В то время как в экскурсии зрительное восприятие является приоритетным, в лекции оно играет второстепенную роль. Основная цель лекции – донести до слушателей теоретический материал, сопроводив его материалами музейных коллекций [10]. Сейчас музейная лекция в определенной степени изживает себя как форма работы с музейной аудиторией, она не выдерживает конкуренции с современными техническими средствами получения информации. КЭМ постепенно отказывается от данной формы работы в ее традиционном понимании и все чаще обращается к лекции-презентации.

3. Консультации. Проводятся возле экспозиции или в научных отделах по интересующему посетителя вопросу.

4. Музейные праздники. В них объединены элементы экскурсии, тематического вечера, театрального представления. Они проводятся на основе тщательно разработанного сценария иногда при участии творческих работников театра, музыкальных учреждений. Так, например, традиционными праздниками в Крымском этнографическом музее стали «Масленица», «Рождество», болгарский праздник «Баба Марта», крымскотатарский «Наврез».

5. **Мастер-классы** – встречи учащихся вузов, средних школ с учеными, мастерами декоративно-прикладного искусства – профессионалами и аматерами, со знатоками или носителями народных традиций.

Хотелось бы особо акцентировать внимание на одной из новых для КЭМ форм работы – лекции-презентации с использованием мультимедийных технологий. Внедрение информационных технологий в работу КЭМ началось буквально с первых лет его существования. Научными сотрудниками музея были разработаны мультимедийные каталоги, создан электронный фотоальбом, неоднократно в музее проходили презентации по той или иной теме (в форме презентации в 2001 г. прошел отчет экспедиции по русским селам Крыма). Презентации в КЭМ использовались и как иллюстративный материал во время проведения различных мероприятий. Так, например, был показан крымскотатарский обряд кофепития, разработанный для туристов.

В последнее время особенно активно лекции-презентации стали использоваться в работе с детьми и молодежью, поскольку КЭМ является своеобразным центром межкультурного просвещения в Крыму и очень активно работает с учебными заведениями разного уровня и национально-культурными обществами. Так, например, на основании собранного сотрудниками КЭМ этнографического материала по русской культуре, а также письменных источников, существующей библиографии [7; 11; 12; 13; 14; 15; 16] был обобщен, проанализирован и дополнен материал для подготовки лекции-презентации «Русская культура в Крыму в конце XVIII – начале XX в.». Цель данной лекции – познакомить учащихся средних школ с русской культурой Крыма конца XVIII – начала XX в., используя новые мультимедийные технологии (слайд-шоу). Ее задачи:

- 1) показать историю формирования русского населения Крыма с конца XVIII в. и по настоящее время;
- 2) познакомить с историей заселения крымских сел русскими отставными солдатами на примере с. Мазанка;
- 3) представить материальную и духовную культуру русских переселенцев Крыма на примере экспозиции «Мозаика народов Крыма».

Подготовка лекции-презентации состояла из нескольких этапов: формулировка темы, определение цели и задач, сбор материала, создание чернового варианта, отбор объектов для показа. В результате проведенной работы был отобран наглядный фотоматериал:

- карты, отражающие первый период заселения русскими Крымского полуострова начиная с 1783 г.;

– портреты выдающихся деятелей этого периода (Екатерины II, Г. А. Потемкина);

– фотографии экспонатов, презентующих русскую культуру;

– фотографии русских из фондов КЭМ.

Затем в программе Microsoft Power Point проходил монтаж лекции-презентации, создавались подписи к иллюстрациям и окончательно формировался текст лекции.

В ходе разработки лекции-презентации были выявлены положительные и отрицательные стороны в данной форме работы.

Положительные:

1) музей эффективно осуществляет свои просвещенческие функции и, применяя новые мультимедийные технологии, знакомит школьную аудиторию с историей и культурой русского этноса в Крыму, а также расширяет и углубляет уже имеющиеся у детей знания по этому вопросу;

2) подобная форма работы позволит музейным сотрудникам выехать в те школы, которые из-за отсутствия транспорта, отдаленности расположения не могут посещать музей;

3) повышается сохранность экспонатов, т. к. нет необходимости вывозить музейные предметы для показа;

4) улучшается восприятие материала, т. к. кроме слухового активизируется и зрительное восприятие. Доказано, что рассказ, который сопровождается показом, быстрее запоминается человеком; лекция-презентация позволит зрителю запомнить не только теоретический материал, но и картинку, которая его сопровождает;

5) лекция-презентация в дальнейшем может использоваться учителями как наглядный материал на уроках.

Препятствием для осуществления данной формы работы является отсутствие технического оборудования в некоторых учебных заведениях и недостаточность технической базы музея для работы за его пределами.

В дальнейшем планируется продолжить работу над лекцией-презентацией «Русская культура в Крыму конца XVIII – начала XX в.», модернизируя и дополняя ее или выделяя какие-то отдельные аспекты (например, русская свадьба), используя не только фотоиллюстрации, но и видеофрагменты. Подобная работа предполагается и для ознакомления с другими этносами, представленными в КЭМ. В перспективе – разработка лекции-презентации для студентов вузов, туристических групп и одиночных посетителей на электронном носителе (компакт-диске).

Список источников и литературы

1. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875.
2. Татаринов П. Очерк Таврической губернии в историко-географическом отношении. – Симферополь, 1894.
3. Свиньин П. П. Картины России и быт ее разноплеменных народов. – Ч. 1. – СПб., 1839.
4. Семенов-Тянь-Шанский С. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – Т. 14: Новороссия и Крым. – СПб., 1910.
5. Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. – СПб., 1902.
6. Гермоген. Таврическая епархия. – Псков, 1887.
7. Величко Т. В. Русская свадьба. Село Мазанка // Культурно-этнографический туризм в Крыму. – Симферополь, 2004. – С. 232–240.
8. Музейные термины // Терминологические проблемы музееведения: сб. науч. тр. ЦМР. – М., 1986. – 128 с.
9. Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – М., 2003.
10. Там же.
11. Потехин В. Е., Потехин Д. В. Крым многонациональный // КЛИО. – 2002. – № 1. – С. 9–13.
12. Савинова О. В. Восточные славяне в Крыму: историко-этнографический экскурс // КЛИО. – 1996. – № 1–4.
13. Савинова О. В. К истокам русского жилища в Крыму // Известия КРКМ. – Симферополь, 1996. – № 14. – С. 36–41.
14. Савинова О. В. Некоторые аспекты развития русского этноса в Крыму // Культурно-этнографический туризм в Крыму. – Симферополь, 2004. – С. 131–138.
15. Савинова О. В. Полевой отчет по командировке в Мазанку Симферопольского р-на в июле 1993 г. // Фонды КРКМ.
16. Савинова О. В. Этническая самоидентичность восточных славян Крыма // I Таврические международные научные чтения. – Симферополь, 2000. – С. 99–101.

Раздел II

**Теория и практика этнологических исследований на современном этапе:
отечественный и зарубежный опыт**

**Тенденции и проблемы развития
этнических культур, структуры
идентичности населения Крыма**

**Проблемы этнического просвещения
населения и формирования толерантности
в полиэтнических регионах**

Этнические особенности и формирование толерантности на Николаевщине

Вопрос развития национальных отношений в Николаевской области сегодня очень актуален. В Николаевской области по данным переписи 2001 г. проживают 1264,7 тыс. жителей, представителей 133 национальностей, из которых 13 наиболее многочисленны. 81,9% населения составляют украинцы. К национальным меньшинствам (18,1%) относятся: русские – 177 530 чел., что составляет 14,1%; молдаване – 13 171 чел., 1%; белорусы – 8369 чел., 0,7%; болгары – 5614 чел., 0,4%; евреи – 3263 чел., 0,3%; армяне – 4277 чел., 0,3%; корейцы – 1751 чел., 0,1%; азербайджанцы 1482 чел., 0,1%; ромы (цыгане) – 1449 чел., 0,1%; поляки – 1317 чел., 0,1%; татары – 1255 чел., 0,1%; немцы – 1220 чел., 0,1%; другие (чехи, дагестанцы, грузины, греки, курды, месхетинские турки, латыши, эстонцы) – меньше чем 0,1%. Компактно в области проживают болгары, месхетинские турки, курды, чехи.

Заселение степной зоны региона нижнего Побужья и Поингулья осуществлялось разными народами, земли которых входили в состав Российской империи в XVIII–XIX вв. Наибольшую группу населения составляли украинцы, переселенные сюда из Полтавской, Черниговской, Подольской и Киевской губерний. С начала XIX в. земли юга Украины начали заселять иностранцы, в частности, болгары и выходцы из германских государств. Так, например, в Херсонской губернии с 1801 по 1809 г. возникает 31 немецкое поселение, 8 еврейских, 8 греческих и болгарских. В течение почти полувека с начала колонизации края на Николаевщине поселилось более 120 тыс. крестьян [1]. Особенно много было выходцев из губерний Центрального Черноземья. Например, только в Братском р-не Николаевской области выходцев из Орловской губернии было 1561 чел., из Курской – 596 чел., Воронежской – 217 чел., Рязанской и Тульской – по 204 чел. [2].

Массовый характер носило переселение болгар, которые получили для себя права «иностранных колонистов». Первых прибывших болгарских переселенцев устроили в Херсонской губернии, где они основали две колонии: Малый Кючюк в 22 верстах от Одессы и Терновку в 5 верстах от Николаева. Сейчас Терновка – микрорайон г. Николаева, в котором проживает более 5 тыс. чел., из них более 3 тыс. – болга-

ры. Изучение родного болгарского языка ведется факультативно в общеобразовательной школе № 16. Действует Дружество болгарской культуры, музей, фольклорный коллектив. Богатый песенный и словесный фольклор болгар-переселенцев наряду с исследователями из Болгарии изучали и изучают и ученые Украины, среди которых Сергей Ильич Цветко (1884–1946 гг.) – болгарин из Терновки, фольклорист, известный педагог, этнограф-краевед, написавший ряд научных работ: «Свадебные обычаи и песни болгар на Херсонщине» (с. Терновка на Николаевщине, 1925 г.), «Обзор литературы про болгарские колонии на Украине, в Крыму и Бессарабии» (1929 г.), «Песни болгар Украины и Крыма» (1930 г.) и др. Вместе с крымскими песнями поданы описания некоторых фольклорных ритуалов и обрядовых правил, а также короткие рассказы и легенды. В болгарских поселениях Крыма (Старом Крыму, Коктебеле) исследователь нашел очень интересные образцы болгарского песенного эпоса – хороводные песни, колядки и др. жанровые разновидности.

Русско-турецкие войны конца XVIII – начала XIX в. вызвали волну греческой эмиграции. В Одессе, Николаеве, Херсоне эмигранты селились со времен основания городов. 326 потомков греков и сейчас живут на Николаевщине. В 1996 г. они создали греческое общество. В 2003 г. 1-й раз провели праздник на территории национального историко-археологического заповедника «Ольвия» в связи с 2600-летием основания в Северном Причерноморье этого греческого города-государства. Праздник назвали «Музы Ольвии». В 2004 г. античная Ольвия встречала гостей праздника «Ольвия Олимпийская», посвященного Международным олимпийским играм в Афинах. Ежегодно греческое общество проводит праздник детского творчества «Муза радости», цель которого – учить детей щедро дарить радость людям, учить их радости творчества, показать радость жизни в ежедневном труде. Есть в Николаевской области и чешское село. Оно, как и село в Джанкойском р-не АРК, называется Богемка. Только в Джанкойском р-не село основали в 1861 г. выходцы из Северной Чехии, а Богемку во Врадиевском р-не Николаевской области основали в 1905 г. потомки побелогорских евангельских эмигрантов из Польши и Чехии. Все время они старались сберечь свою национальную идентичность. Чешские традиции сохранились до сегодняшнего дня. В Богемке сейчас проживают представители 13 национальностей; из 452 чел. 344 – чехи.

У диаспорных групп возникла необходимость приспособления к непривычным нормам жизни в новом для них пространстве, пози-

тивного решения вопросов хозяйственно-экономического, бытового и культурного содержания. Процессу адаптации славян (болгар, русских, белорусов) способствовала определенная общность их бытовых и религиозных традиций и праздников с украинскими, например таких религиозных праздников, как день святого Николая, день святых Кирилла и Мефодия, Спасов день, Рождество, Пасха и др.

Толерантность между такими традициями сначала проявлялась во взаимном признании. Со временем между ними появились новые признаки взаимодействий. Например, использование в литературных текстах песен иностранных слов и оборотов, отдельных инструментальных пьес и музыкального инструментария из фонда других художественных культур и др. При таких условиях в фольклоре нередко возникают новые музыкальные произведения, в основном песни, слова которых принадлежат одной культуре, а музыкальная интонация – другой. Так, популярная на Николаевщине народная песня «Біля річки, біля броду» имеет текст украинский, а поется с интонацией молдавской народной песни «Лист зеленый» [3]. Подобные примеры еще чаще встречаются в музыке – украинско-российской, украинско-еврейской, молдавско-болгарской; в мелодиях свадебного репертуара; в танцевальном фольклоре и т. д. На свадьбы и другие праздники в селах нередко приглашают еврейских музыкантов, давно пользуется уважением молдавская народная музыка. Ведь молдаване живут рядом с украинцами еще со времен основания Бугского казачьего войска, в которое входили представители этих двух этносов, что в немалой степени способствовало их сближению во многих жизненных обстоятельствах. В свою очередь, для местных молдаван украинский музыкальный фольклор давно уже стал понятным и близким. Подобные параллели можно проводить на уровне болгарско-украинских, болгарско-русских, украинско-чешских и других взаимоотношений.

Национальные творческие процессы в Украине высветили ряд важных проблем, которые требуют внимательного изучения и цивилизованного решения. Среди них – такая сложная и многогранная проблема, как возрождение и развитие национальных культур и самобытности этнических обществ страны. Каждое этническое общество согласно ст. 6 Закона Украины «О национальных меньшинствах» имеет право на изучение родного языка, развитие национально-культурных традиций, вероисповедание, создание национально-культурных и учебных заведений и другую деятельность. Важную роль в реализации законодательно закрепленных прав этнических меньшинств вы-

полняют их общественные объединения. Николаевская облгосадминистрация и ее структурные подразделения способствуют созданию и деятельности национально-культурных обществ региона. Первые национально-культурные общества на Николаевщине возникли в начале 90-х гг. XX ст., а в 1992 г. был создан Совет национальных обществ Николаевской области. Главным заданием Совета стало представление интересов национальных меньшинств в области, сохранение и развитие их языков, защита прав и сохранение мира и согласия в обществе, методическая помощь обществам, научно-просветительская работа. В области функционируют 20 национально-культурных обществ, которые объединяют около 300 тыс. чел., 31 национальный коллектив художественной самодеятельности. С целью обеспечения своих потребностей и интересов в развитии духовно-культурного наследия этнические общества устанавливают и поддерживают связи с разными организациями и обществами своей национальности как в Украине, так и за рубежом, получают от них помощь для развития языка, культуры и традиций, для работы воскресных школ, которых в области 13. В создании и работе этих школ большую помощь оказывают посольства Германии, России, Армении, Израиля, Кореи, Греции, Турции, Болгарии (бесплатные учебники, помощь в оборудовании компьютерных классов). Это дает возможность реализовать право этнических обществ на развитие их религиозной самобытности. Открыты храмы, синагога, римско-католический костел, кирха и т. д. Особое место в деятельности национально-культурных обществ в Николаевской области занимают вопросы возрождения и развития этнических культурно-художественных традиций, прежде всего, организации национальных праздников. Творческие коллективы национальных меньшинств принимают участие в фестивалях, конкурсах, смотрах народного самодеятельного искусства, в праздновании Дня города Николаева и дней городов и сел области. По инициативе болгарского дружества «Христо Ботев» на Николаевщине ежегодно проводится День славянской письменности и культуры, в котором участвуют все национально-культурные общества области, трудовые и художественные коллективы. На этом празднике организовываются выставки-продажи картин, изделий народного творчества, художественной литературы. Областной краеведческий музей каждый год совместно с Музеем судостроения и флота и с Советом национальных обществ представляет населению города выставки, где посетители знакомятся с историей, традициями, современной жизнью и бытом этнического

населения Николаевщины. На всех областных краеведческих конференциях «История. Этнография. Культура. Новые исследования», которых было 6 начиная с 1995 г., освещаются научные и исследовательские работы об этнических обществах и представителях разных национальностей. Пропаганде духовного наследия этнических обществ способствует проведение с 1995 г. традиционного областного фестиваля национальных культур «Дружба», освещающего вопросы деятельности всех культурологических обществ, на котором звучат песни и стихи разных народов, исполняются танцы многих стран мира, демонстрируются изделия народных умельцев, выставки по истории и культуре разных народов, национальная кухня. За это время фестиваль стал акцией, которая объединяет людей вокруг таких понятий, как взаимопонимание и взаимоуважение, толерантное отношение к представителям другой культуры, вероисповедания, национальности.

Список источников и литературы

1. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса, 1850. – Ч.1. – С. 27.
2. Койко Я. В., Данилова Н. Л. Формирование этнического состава населения южной Украины // Украинский исторический журнал. – 1992. – № 9. – С. 7.
3. Макаренко О. П. Еволюція фольклорного мислення в умовах багатокультурності Північного Причорномор'я // VI Миколаївська обласна краєзнавча конференція «Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження». – Миколаїв, 2006. – С. 206–210.

Патриархальность вчера и сегодня: греки Крыма в начале XXI в.

Патриархальность как одна из основополагающих характеристик института семьи является базовой платформой для формирования семейной иерархии и внутрисемейных отношений. В рамках патриархальных традиций сохраняется механизм социальной трансмиссии накопленных веками знаний и опыта, проходит формирование и становление идентичности нового поколения. Патриархальность во многом является гарантом сохранения традиционной культуры определенной этнической общности. Большой энциклопедический словарь кратко определяет термин «патриархальная семья» как «форму семьи, во главе которой стоит мужчина».

Основные акценты настоящего исследования основаны на материалах, связанных с жизнедеятельностью групп греков-переселенцев из Грузии, сформировавшихся в результате вынужденных миграций в период с 1992 по 1996 г. и проживающих в с. Садовое Нижнегорского р-на и с. Луговое Ленинского р-на.

Переселившись на Кавказ в первой трети XIX в. и образовав там компактные поселения, греки перенесли в новые земли свой семейный уклад, традиции в социальной организации и нормы обычного права. На новой родине греческие переселенцы как единоверные братья пользовались поддержкой царского правительства и имели все возможности для самостоятельного развития, сохранения своего языка, культуры и национальных традиций [1].

Одним из отрицательных результатов такого рода миграционных процессов является разрушение структуры значительного числа семей. Это связано прежде всего с нежеланием старшего поколения, достигшего пожилого возраста, менять место жительства и покидать земли своих предков. Трансформации же в структуре семьи приводят и к изменениям внутрисемейных устоев.

Патриархальность взаимоотношений внутри семьи, на наш взгляд, проявляется в полной мере при наличии трех поколений в семье. Исключительными являются варианты четырехпоколенных семей. По сведениям ряда авторов, средняя численность семьи греков-переселенцев в первые годы их проживания в Грузии, т. е. на 1829 и 1831 гг., составляла 6,6 чел. [2]. Эта цифра достаточно высока для семьи пере-

селенца, однако она представляется таковой в основном не за счет трехпоколенности семей, а за счет их многодетности, которая является отличительной чертой греческой семьи на протяжении двух веков проживания греков на территории Грузии.

«К 1864 году на Цалке было уже 1075 греческих дворов, в которых проживало 9245 душ обоого пола» [3]. То есть средняя численность семьи спустя чуть более 30 лет составила 8,6 чел. Именно столько лет понадобилось для появления третьего поколения в греческих семьях, что дало возможность традиционным нормам взаимоотношений функционировать в полную силу. В дальнейшем размер семьи у греков Кавказа сохранялся приблизительно на этом уровне с небольшими колебаниями. Например, в 1880-е гг. в Горийском уезде греческий «дым» в среднем насчитывал более 9 чел. [4].

Традиционный семейный быт кавказских греков характеризовался строгой патриархальностью. Главой семьи обычно был старший по возрасту мужчина, который распоряжался всем имуществом. Браки зависели от воли родителей юноши и девушки. Нередки были «обручения в колыбели». В семье был принят обычай избегания, при котором невестка долгие годы не имела права разговаривать с родителями мужа и другими его родственниками, пока свекор не разрешал ей говорить. В присутствии старших и гостей невестка не имела также права сидеть [5].

Таким образом, компактное проживание греков-переселенцев и благоприятные условия жизнедеятельности, предоставленные Российской империей, сыграли решающую роль в процессах регенерации разрушенных семейных структур, функционировании и сохранении на протяжении XIX – начала XX в. традиционных патриархальных устоев греческой семьи.

Этнографические данные исследователей греческой культуры XX в. и полевые материалы «Историко-этнографической экспедиции по исследованию греков Крыма», проведенной по инициативе и финансовой поддержке Одесского филиала Греческого фонда культуры в 2001–2002 гг., демонстрируют интенсификацию трансформационных процессов в традиционной культуре греков первоначально на Кавказе, а затем и на территории Крыма.

В частности, Н. Г. Волкова отмечает, что некоторые семейные традиции греков Кавказа постепенно подвергались изменениям. Срок избегания, например, невесткой своего свекра и старшего брата мужа сократился до нескольких месяцев, причем и такой срок выполняется не

в каждой семье. В отношении свекрови невестка в настоящее время не придерживается обычая избегания и сразу после свадьбы имеет право разговаривать с ней. В некоторых селениях (Ирага, Цинцкаро, Абелиани) встречаются единичные примеры более долгого по срокам избегания невесткой свекра и старшего брата мужа (от 1 года до 3 лет) [6].

Добавим несколько примеров из материалов историко-этнографической экспедиции по исследованию греков Крыма:

1. Значительное число информантов отметило, что раньше выбор будущей жены (мужа) являлся исключительным правом родителей молодых. Причем браки без согласия молодых были довольно обычным явлением, тогда как сегодня это правилом не является.

2. Большинство респондентов вступали в брак в 16–17 лет. Этот факт они объясняют в основном появлением закона об ограничении брачного возраста, так как исследования на Кавказе указывают на более ранний брачный возраст у девушек – 11–12 лет [7].

3. Приведем цитату из интервью с одним из жителей с. Садовое: «Смешанных семей было очень мало. У нас в селе было только 2 армянки, а с азербайджанцами вообще не было из-за религии. Греки старались жениться на греках, чтобы сохранить все свое. На армянках стали жениться в последнее время. А до этого никого не было. Сейчас у нас в поселке 6 русских невест. Было и такое, что женщина брала русского. До войны даже с русскими не смешивалась, а с 50-х годов после войны это и началось. В 1953 году стали брать парней в армию, и после этого появились в селе русские невестки и до сих пор появляются».

В последние десятилетия для семейного быта греков характерно сочетание традиционного и нового. Сохраняется предпочтительность браков с представителями своей национальности. Как правило, этнически-смешанные семьи возникали и возникают во время совместной работы или учебы будущих супругов.

Этнодемографическая характеристика состояния исследованных поселений на 2001–2002 гг. также демонстрирует определенные трансформационные процессы. В с. Садовое в указанный период из 28 греческих семей 24 относятся к простым двупоколенным. Среднее количество членов семьи – 4,7 для Садового и 3,9 для Лугового. Это почти в 2 раза выше среднего показателя по Украине. Аналогичный индекс для негреческого населения в селах составляет в среднем 2,6 чел. на семью [8].

Конечно же, следует учитывать тот фактор, что на момент исследования прошло всего 10 лет со времени вынужденной миграции, и вре-

мя покажет, восстановят ли греки трехпоколенную структуру семей или перейдут на современный европейский тип. При втором варианте существует опасность исчезновения целого ряда патриархальных взаимоотношений, связанных с наличием третьего, наиболее взрослого поколения в семье.

Как в прошлом, так и в настоящем наблюдаются два одновременно протекающих процесса – сохранения и трансформации патриархальных традиций в греческой семье. К факторам, оказавшим наибольшее воздействие на сохранение, относятся: диаспорное компактное проживание греков на Кавказе и выбор такой же формы в Крыму; благоприятная законодательно-административная база Российской империи и немаловажное влияние иноэтничного окружения в Грузии, известной и по сей день своей патриархальностью.

К факторам, повлиявшим на произошедшие и происходящие изменения, относятся: влияние советской системы как комплекса векторов воздействия на традиционное общество и становление демократического общества, которое для исследуемых групп вылилось в вынужденную миграцию, разрушившую немало семейных устоев. Помимо этого, на семейный быт современной греческой семьи огромное влияние оказывают средства массовой информации – телевидение, радио, печать, система образования.

Однако, как показывают современные наблюдения за культурой групп, патриархальные традиции в семьях греков Крыма демонстрирует устойчивый комплекс отношений, во многом поддерживающий непрерывность социальной трансмиссии и обеспечивающий сохранение индивидуальной и групповой этнической идентичности.

Список источников и литературы

1. Коцонис А. Н. Депортация греков Кавказа в 30–50-е гг. // http://history.kubsu.ru/pdf/kn6_6-14.pdf
2. Колесов В. И. Материалы по истории и этнографии греков-урумов // Понтийские греки (Studia Pontocausica. III). – Краснодар, 1997; Корелов И. А. Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии // Известия АН ГССР. Серия истории искусства. – Тбилиси, 1990. – № 2.
3. Акритас П. Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. – М., 1962.
4. Мачабели С. В. Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда Тифлисской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1887. – Т. 6. – Ч. 2. – С. 226.

5. Волкова Н. Г. Греки Кавказа // http://history.kubsu.ru/centr/pdf/kn6_15-43.pdf
6. Там же.
7. Колесов В. И. Указ. соч. – С. 98.
8. Пригарин А. А. Этнодемографическая характеристика современного греческого населения Крыма: группа переселенцев с Кавказа // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования / Отв. ред. М. А. Араджиони и Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С. 106.

Образы истории крымчан как фактор идентичности

Какова роль Р. Шухевича и какое значение имеет битва при Конопте 1659 г.? Почему нас волнует ситуация вокруг памятника Екатерине II в Симферополе? Кому ставить памятник – жертвам или героям ОУН-УПА? Что праздновать 9 мая – день победы или день Европы? Как оценивать присоединение Крыма к России? А к Украине? А главное, почему постановка таких вопросов получает конфликтное развитие? Каким образом событие, имевшее место столетия назад, или активность личности, давно умершей, вызывают к жизни конфликты сегодняшнего дня?

Чтобы ответить на эти вопросы, ученому необходимо их сформулировать в таком виде, который поможет найти некоторую закономерность. Безусловно, не само событие или историческая личность являются источниками напряженности в современном обществе, а их оценка «общественным мнением», в которой доминирует схематизированное представление с сильной эмоциональной окраской. И чем проще представление, тем сильнее эмоция, тем проще ее цветовая гамма и тем, соответственно, легче мобилизовать ту или иную группу населения на основе идентичности на «борьбу» за право называть свою оценку «единственно верным пониманием истории» против другой группы, чья оценка называется «искажением, извращением истории». Такими мобилизуемыми группами, как правило, являются этнические, лингвокультурные, религиозные группы, а еще лучше – все в «одном наборе».

Примерно такие «наборы» мы имеем в Крыму, где основная линия потенциально конфликтного водораздела проходит по границе групп с такими комплексными характеристиками: русские, украинцы, крымские татары. Поэтому основную цель данной статьи мы видим в том, чтобы на основе психологических методов исследования выявить те субъективные различия в образах истории, в ее оценках, которые, с одной стороны, являются факторами группового самосознания, с другой – могут быть использованы в качестве инструментов этнических конфликтов.

Основная особенность вопросов сегодняшней социальной практики, в частности в сфере этничности и этнических конфликтов, заключается в том, что на них нельзя ответить в рамках одной науки, в

данном случае – истории или этнологии. Поэтому, занимаясь исследованием в указанной области психологическими методами, мы будем также обращаться к этнологическим, этносоциологическим и этнополитологическим объяснениям.

Описываемые нами феномены могут быть отнесены к проявлениям исторической памяти народа. Однако насколько такая их трактовка действительно проясняет искомый механизм? Попробуем разобраться с понятиями, в первую очередь с понятием «историческая память народа».

Среди большого многообразия определений терминов «этнос», «этничность» мы остановимся на близком нам конструктивистском подходе, представленном В. А. Тишковым. «Народ в смысле этнической общности... – группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, *обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью* (курсив - наш), ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» [1]. В данном определении мы обратили внимание на часть, выделенную нами курсивом. И попытались рассмотреть, что же такое «историческая память» этноса, какую роль она играет в конструировании этнической идентичности или шире – этнического самосознания, а главное, каким образом такая историческая память начинает функционировать как фактор межэтнических конфликтов.

С одной стороны, понятно, что, идентифицируя себя с определенным народом, с некоторой этнической группой, мы рассматриваем события, в которые эта группа была включена, как «свою историю», «историю своего народа». С другой же, формирование интеллигенцией, политическими элитами этнического самосознания неизбежно включает в себя и «формирование», а точнее – реинтерпретацию истории, соответствующую задачам конструирования идентичности сегодняшнего дня. В. А. Тишков так пишет о современном понимании роли истории для этнической группы: «Последний [конструктивистский подход] достаточно радикально меняет взгляд также на место исторического материала и на роль исторических интерпретаций, которые обычно рассматривались как объективный источник и детерминанта этничности <...> В данном случае история скорее выступает как синхронизированный в современности дискурс, или как „борьба за обладание прошлым“» [2].

Причин этому есть как минимум две. Одну из них – особенности памяти как психологического процесса – достаточно подробно опи-

сывает В. С. Полянский. Важной такой особенностью является ее страстность, в том смысле, что память отражает событийный ряд, преломляясь в личностном восприятии человека, его собственных мотивах, потребностях, прошлом опыте и т. д., в результате чего «в исторической памяти закрепляется... своеобразное понимание исторической правды» [3]. Именно поэтому историческая память, как и любой другой вид памяти, избирательна. Как справедливо указывает далее автор: «В памяти актуализируется далеко не все..., а лишь то, что у человека вызывает эмоциональный отклик, подкрепляя оценки дня сегодняшнего. В этом смысле историческая память есть рефлексия современности» [4].

Вторая причина конструирования истории в дискурсе современности кроется, на наш взгляд, в психологических особенностях этнического самосознания. В. Ю. Хотинец определяет этническое самосознание следующим образом: «Этническое самосознание есть относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков жизнедеятельности этноса» [5]. Таким образом, своеобразии оценок исторических событий и личностей в исторической памяти – это этноинтегрирующий признак этнического самосознания группы, позволяющий ей «обладать солидарностью», и этнодифференцирующий признак, отличающий ее от других этнических групп. Иными словами, сегодня вызываются к дискурсивной жизни те исторические события и личности, которые позволят промаркировать сегодняшнюю границу сегодняшней этнической группы в ее актуальной жизнедеятельности, с актуальными потребностями, целями и ситуацией взаимодействия с другими этническими группами. Проще говоря, мы распознаем представителя другой группы по его отношению к установке памятника Екатерине II или по его оценке роли Р. Шухевича, поскольку дифференциация «русский – крымский татарин», «русский – украинец» стала именно сегодня актуальной для той или иной части населения, для политических элит, которые, в свою очередь, преследуют разные политические цели. В таком ракурсе этническая идентичность становится чувством принадлежности к группе на основе общих оценок исторического прошлого в этническом самосознании, в том числе «проговариваемых» этнополитическими элитами.

Именно в этом смысле мы согласны с В. С. Малаховым, что: «написание „истории“ той или иной „нации“ представляет собой часть формирования последней» [6], что также вполне применимо и к этнической

истории, «написание» которой формирует сегодняшнее самосознание этнической группы. Отличая «этническое» от «национального», по сути, мы полагаем, что описанный механизм функционирует сходным образом как на уровне этнической группы, так и на уровне нации. И проблема возникает как раз тогда, когда история, объединяющая одну этническую составляющую нации, дифференцирует другие ее этнические компоненты. Поэтому одна из задач формирования национальной идеи состоит в том, чтобы найти такие исторические события, которые позволили бы объединить полиэтничное население в единую нацию.

Эта проблема на уровне отдельного индивида, если мы говорим о социальной идентичности индивида, выглядит как иерархия идентичностей. Степень эмоциональной оценки того или иного исторического события для индивида зависит не только от того, к какой этнической группе он себя относит, но и от того, насколько именно этническая идентичность является для него доминирующей по сравнению с региональной, национальной (в смысле гражданственности) и другими идентичностями. Можно ли говорить о том, что львовский украинец (этнический, идентифицирующий себя с украинским этносом не столько по паспорту, президенту и границам государства, сколько по культурным, языковым, религиозным маркерам) и такой же украинец Сумщины будут одинаково оценивать значение битвы при Конотопе или деятельность Р. Шухевича? И основной вопрос тут не столько даже в теоретическом различии этнической, культурной, региональной или национальной идентичностей, сколько в том, насколько для индивида они различны, иерархически выстроены, а главное – в какой степени актуализируются при оценке конкретного исторического события. Выявить эти взаимосвязи, их причины и роль конструируемой истории в них, по нашему мнению, вполне возможно как раз психологическими методами.

В качестве основного метода исследования мы использовали психологическую технику анализа жизненного пути личности – «каузометрию» [7], которую модифицировали в соответствии с нашей задачей. Для начала мы предлагали респондентам выбрать из списка ту идентичность, которая отвечает их индивидуальному самоощущению: я – гражданин Украины, я – житель Крыма, я – русский, я – украинец, я – крымский татарин, я – славянин, я – человек, я – мужчина (женщина) и т. д. Затем мы просили их написать список тех исторических событий прошлого, настоящего и будущего, которые являются, по их мнению,

значимыми для их народа (в соответствии с указанной ими идентичностью – народа Украины, жителей Крыма, русских, крымских татар). Затем респондентов также просили дать оценку тем событиям, которые они посчитали важными для истории своего народа.

Казалось бы, «историческая память» отсылает нас исключительно к прошлому. Тем не менее, как мы уже обсуждали выше, она имеет не просто тесную связь с днем сегодняшним, но зачастую именно сегодня и конструируется, видоизменяется под влиянием как исключительно психологических факторов, связанных с особенностями памяти как процесса, так и с политическими, социальными и другими факторами. Поэтому в интервью мы задавали вопросы, касающиеся сегодняшних событий, связь которых с видением прошлого очевидна. Не менее очевидной является для нас и значимость представлений о будущем, поскольку на основе оценок прошлого и настоящего строится тот или иной сценарий будущего, ожидания будущих возможных событий, которые в свою очередь влияют на поведение людей в текущий момент. Безусловно, человек, отождествляющий себя с народом, пережившим депортацию, военный конфликт, другие трагические события, будет совершать те или иные действия, предотвращающие, по его мнению, повторение такой же трагедии в дне завтрашнем. Ожидание негативных событий ставит психологически человека в защитную позицию. Если же такие негативные сценарии разделяются большинством этнической группы, весьма вероятно нарастание напряженности в обществе и последующее конфликтное развитие событий, поскольку именно страхи порождают искажения восприятия действий другой группы, властных структур, оборонительные тактики в ответ на любые амбивалентные поступки или их отсутствие и т. д.

Мы полагаем, что данная методика позволяет как раз выявить те особенности исторической памяти соответствующих этнических, региональных, национальных сообществ, которые конструируются сегодняшним днем. И далее по свидетельствам, оценкам современных нам очевидцев завтрашние историки будут описывать то, что для нас является современностью. Поэтому для нас очевидно, что субъективный образ истории заканчивается совсем не там, где он заканчивается у профессионального историка. Именно это привело нас к необходимости исследовать все три временных направления – образы прошлого, настоящего и будущего.

Следует особо остановиться на выборке и условиях исследования, которое проводилось совместно со студенткой факультета психоло-

гии Е. В. Савченко. Поскольку мы рассматриваем данное исследование как пилотажное, в том смысле, что прежде всего видели свою задачу в том, чтобы выяснить возможности психологической техники каузометрии для исследований такого феномена как «историческая память» народа, выборка была небольшой (мужчины и женщины в возрасте 18–50 лет в количестве 30 чел., среди которых 46,7% определили себя как крымские татары, по 23,3% – как русские и жители Крыма, и лишь 0,7% – как граждане Украины) и локальной (жители Керченского полуострова), и потому к результатам не следует относиться как к репрезентирующим все население Крыма, не говоря уже об Украине. Однако вполне возможно даже на такой выборке увидеть, как выглядят субъективные образы истории крымчан и каким образом различия в них могут быть использованы для мобилизации таких групп в конфликтной ситуации.

Поскольку дискурс конструирования этничности – материя очень динамичная, при анализе полученных результатов мы ориентировались в большей степени на обсуждение качественных, а не количественных различий. В связи с логикой исследования мы полагаем, что, только определив качественные различия в исторической памяти и те точки потенциального или реального конфликта, основой которых могут быть эти различия, можно далее продолжить количественные исследования этих параметров, степени их актуальности и значимости, динамики, распространенности и т. д.

В целом мы обнаружили, что в зависимости от идентичности «событийный состав» исторической памяти отличается по ряду параметров, в частности, ниже представлены такие параметры, как упоминание тех или иных событий, а также их оценка.

Различия в упоминаемых событиях. Вполне естественным результатом оказалось то, что история разных социальных групп складывается из разных событий. Так, для тех, кто предпочел гражданскую идентичность, важными оказались такие события прошлого, как голодомор 1930–1937 гг., авария на ЧАЭС. В настоящем они также отмечают установление более тесных дружеских контактов с США. В будущем граждане Украины опасаются III мировой войны, возможные причины которой видят в борьбе за энергетические ресурсы.

Респонденты, выбравшие идентичность русского человека, начали «свою» историю с революции 1917 г. В настоящем эту группу населения волнует отсутствие статуса государственного у русского языка, коррупция. Негативно оценивают евроатлантические устремления

Украины 60% респондентов данной группы. В будущем русские ожидают нового президента, который будет не лучше предыдущего.

Те опрашиваемые, кто идентифицировал себя по региональному признаку (житель Крыма), в прошлом не указывают специфически крымских событий, которые не упоминались бы другими группами респондентов. В событиях текущего момента больше обсуждают кадровые вопросы высшего эшелона власти – премьерство Ю. Тимошенко, В. Януковича, президентство В. Ющенко и т. д. В будущем опасаются того, что США «захватит» Украину.

Респонденты, отметившие свою крымскотатарскую идентичность, как и жители Крыма, в прошлом народа не указывали дифференцирующих событий. В настоящий период времени эта часть выборки отмечает возрождение крымскотатарской культуры, поддержку медрес в социальных вопросах, в то же время переживает относительно ассимиляции народа вследствие увеличения числа смешанных браков, снижения интереса к языку. Такие оценки текущего положения дел, в частности возможной ассимиляции и в итоге исчезновения народа, проецируются и на будущее.

В данной части ответов речь, безусловно, идет об этнодифференцирующих признаках этнонационального самосознания, выраженных в образах истории. Вполне естественно, что авария на ЧАЭС является событием, имеющим значение для всей Украины, а страх ассимиляции крымскотатарского народа – конечно же, определяет крымскотатарскую идентичность. Образ врага в лице США – один из компонентов конструирования идентичности «русского человека», вследствие чего события ожидаются в будущем именно в таком ключе, как указали респонденты с этой идентичностью. В этом смысле конструирование исторической памяти состоит из отбора тех событий, которые имеют значение именно для данной конструируемой идентичности. Вполне очевидно, что процесс в своем роде циклический – существующая и актуальная идентичность помогает человеку отбирать и оценивать определенным образом те исторические события и те интерпретации истории, которые послужат подкреплением этой идентичности, лягут еще одним «кирпичиком» в ее конструкцию. Этот процесс протекает в актуальности, поскольку идентичность «украинца», «крымского татарина», «русского» сегодня требует актуализации и имеет возможность задействовать иные исторические «факты», чем, например, сто лет назад. В результате становится понятным, что для человека с одной «историей» остается неизвестной, непознанной и потому «чужой» история другого.

Различия в оценках событий. Еще более показательными в контексте конструирования идентичности оказались различия в интерпретации ключевых исторических событий. Так, большинство опрошенных нами респондентов, идентифицировавших себя как русских и жителей Крыма (за небольшим исключением), оценивают депортацию крымских татар как позитивное событие, что, конечно же, не может совпадать с оценками самих крымских татар, для которых это событие не просто трагедия, а в терминах конфликтологии основная на сегодняшний день «избранная травма». Очевидно, что такие различия в оценках событий 1944 г. порождают один из основных векторов напряженности в сегодняшней жизни в регионе и в определенной степени влияют на его будущее. Это один из самых ярких примеров того, как различия в эмоциональной оценке одного и того же исторического события, значимого для нескольких групп, могут использоваться в качестве факторов конфликтного развития межэтнических отношений.

Вхождение Крыма в состав Украины респондентами, относящими себя к гражданам Украины, оценивается как положительный факт, а теми, кто определил себя русским или жителем Крыма, – как негативный. Данное различие проявляется не только в явной, указываемой ими самими оценке респондентов, но и на лингвистическом уровне. Для граждан это было «присоединение Крыма к Украине», тогда как для двух других названных групп – «передача Крыма Украине», «подарок Хрущева».

По-разному оценили опрашиваемые и распад СССР: однозначно негативно русские, жители Крыма и 50% крымских татар, тогда как еще 50% крымских татар оценили это событие как положительное, вероятно, вследствие того, что именно это позволило им вернуться на родину.

Если граждане Украины отмечают в настоящем напряженные отношения с Россией, то русские наоборот отмечают, что отношения с Россией налаживаются. Безусловно, взаимоотношения России и Украины в современной истории – это сложный и комплексный процесс, для полного всестороннего понимания и оценки которого обычный житель не имеет ни возможности, ни специальных знаний и навыков. Потому выбираются неосознанно те элементы отношений и их оценок из всего многообразия информации, которые значимы именно для конструирования того или иного типа идентичности.

Несомненно, что и ожидания от будущего отличаются у представленных групп населения. Если граждане Украины огорчаются тем,

что экономические факторы не позволят Украине вступить в Евросоюз, жители Крыма опасаются того, что Украина тем не менее войдет в состав ЕС. В отношении экономического развития страны граждане Украины, русские и жители Крыма настроены очень пессимистично, тогда как крымские татары ожидают от будущего стабильности и завершения кризиса. В то время как русские, жители Крыма ожидают воссоединения стран СНГ и присоединения Крыма к России, ожидания крымских татар несколько иные – «крымскотатарский народ получит свои земли назад, Крым будет принадлежать крымскотатарскому народу». Для русских такое будущее, понятное дело, звучит негативно: «татары поднимут бунт, будем делить территорию с татарами».

Если русские опасаются разделения Украины на восточную и западную, то крымские татары ожидают объединения Украины.

В различных оценках одних и тех же событий этнодифференцирующая функция исторической памяти и ее проекций на будущее выражена еще отчетливее. Для пояснения этой функции обратимся снова к психологической концепции этнического самосознания. Как справедливо с психологической точки зрения замечает В. Ю. Хотинец, «...этническое самосознание можно рассматривать как систему осознанных представлений (значений) и оценок (смыслов) этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков (компонентов) культурного мира» [8]. И далее: «Этнические смыслы заключают в себе субъективное эмоционально-оценочное отношение к „этническим значениям“, т. е. к объектам этнического мира, к системе их взаимосвязи» [9]. В нашем случае объектом этнического мира выступает некоторое историческое событие, в которое включен народ или которое может повлиять на народ, например возможное членство Украины в Европейском союзе. В качестве «этнического значения» такое событие описывается этническим самосознанием как важное, имеющее определенные последствия для того или иного народа. А вот субъективная и эмоционально-окрашенная оценка этих последствий для конкретной этнической группы является «этническим смыслом». Именно поэтому для индивида с ведущей идентичностью гражданина Украины отсутствие такого события, как членство государства в ЕС, окрашивается негативно, тогда как его наличие окрашивается негативно для тех, кто желал бы объединения Украины с Россией и Беларусью. Таким образом, этническое самосознание этнической группы – это не только событийный состав истории, но и та негативная или позитивная оценка, которая имеет смысл для данного народа, для данной социальной

группы населения. Иными словами, усваивая идентичность, индивид «овладевает» не только и не столько ее историей, фактажом, сколько системой оценок тех или иных исторических событий.

Поскольку речь идет о формировании идентичности, в том числе и через систему эмоциональных субъективных оценок истории, становится очевидным, что формальное государственное переписывание истории приводит к конфликтным ситуациям, поскольку этот процесс затрагивает эмоционально-оценочный компонент идентичности, но зачастую не учитывает этого. Попытка объяснить «русскому человеку» позитивную роль Р. Шухевича во Второй мировой войне рассматривается им как направленная в большей степени на разрушение его идентичности, чем на любое иное действие, связанное с историей, в частности ее переосмысление, что совершенно естественно приводит его в оборонительную позицию.

То, что это именно система взаимосвязанных оценок, также очевидно из наших результатов, поскольку позитивная оценка «русскими» депортации крымскотатарского народа для респондентов этой группы как раз и провоцирует страх ассимиляции и стремление добиваться в будущем иного статуса крымскотатарского народа, чем существующий на сегодняшний день.

Наиболее позитивный результат мы видим в том, что все группы без исключения в оценках возможных будущих событий указали на то, что межэтнические столкновения в Крыму провоцируются политическими и экономическими интересами. В этом смысле мы считаем позитивным, что для респондентов возможные конфликты не выглядят как нечто само собой разумеющееся и неизбежное вследствие «невозможности нормальных отношений с „другими“», что свидетельствовало бы о крайней, весьма взрывоопасной, напряженности в регионе. К нашей радости, сложно манипулировать человеком, который осознает эту манипуляцию, а тем более – ее мотивы.

Изложенные выше размышления на тему роли исторической памяти в процессе конструирования этнической идентичности привели нас к выводу о том, что интерперативность современного исторического знания предоставляет широкие возможности для вариаций этнической, региональной, национальной идентичностей, их содержания и взаимосвязей. И еще большие возможности – для манипуляций значимыми ценностями, на которых основан эмоционально-оценочный компонент этнического самосознания. Таким образом, перед специалистами, связанными с историей того или иного народа, сегодня стоит задача не

только выяснить тот или иной исторический факт, но и доопределить его ценностный аспект, особенно если исторический факт связан с взаимоотношениями с другими народами. Безусловно, эта работа требует междисциплинарного и межкультурного сотрудничества, где только и возможно интегрировать различные точки зрения.

Пожалуй, значимость данного небольшого исследования мы видим в том, что оно поставило перед нами новые вопросы, а именно: возможно ли в принципе говорить о «правильной» и «неправильной истории», насколько восприятие истории этнической группой влияет на формирование историка, продуцирующего новое историческое знание. Практический же результат мы видим в том, что опробованный нами метод и полученные с его помощью данные могут быть использованы как для анализа текущей ситуации межэтнических отношений, так и для мониторинга такого фактора формирования единой национальной идеи, как общая история.

Список источников и литературы

1. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 2003. – С. 60.
2. Там же. – С. 68.
3. Полянский В. С. Историческая память в этническом самосознании народов. // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 11–20.
4. Там же. – С. 18.
5. Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. – 1999. – № 9. – С. 69.
6. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. – М., 2005. – С. 56.
7. Кроник А. А., Кроник Е. А. Психология человеческих отношений. – Дубна, 1998. – 224 с.
8. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. – СПб., 2000. – С. 54.
9. Там же. – С. 55.

Национальные школы Севастополя в системе народного образования в 1920–1930-е гг.

Национальные школы возникли в Севастополе в конце XIX в. (в 1875 г. открыто еврейское училище [1], в 1886 г. – греческая общественная школа [2]). К 1 января 1915 г. в городе было 10 национальных учебных заведений: частное училище Греческого благотворительного общества, частное женское училище Еврейского благотворительного общества, частное женское училище при караимской кенасе, еврейское общественное училище «Талмуд Тора», церковно-приходские училища армяно-григорианской и римско-католической церквей, 3 еврейских хедера, мусульманское мектебе. В 1918 г. была открыта украинская гимназия им. Шевченко.

После окончания гражданской войны и установления советской власти в Севастополе начинается процесс становления новой, советской системы народного образования.

Все учебные заведения находились в ведении Отдела народного образования (ОНО) Севастопольского исполкома, который подчинялся Крымскому отделу Наробраз. В ноябре 1920 г. был издан приказ Крымского отдела народного образования о подготовке к школьной реформе, которая предполагала переподчинение учебных заведений органам народного образования, отделение церкви от школы, изъятие из учебных планов религиозных и введение новых предметов школы социалистического типа. С 1920/21 учебного года в Севастополе, как и во всей РСФСР, был создан единый тип семилетней школы с двумя ступенями: I ступень – 1–4-е классы, II ступень – 5–7-е классы. Единая трудовая школа должна была охватить детей в возрасте от 8 до 15 лет.

В начале 20-х гг. XX в. Крым являлся одним из самых многонациональных регионов страны. По данным переписи населения 1921 г. здесь проживали представители более 70 национальностей [3]. Поэтому, решая задачи организации и развития народного образования в целом, партийные и советские органы были вынуждены решать и задачи организации национальных школ. В Севастополе национальную структуру населения определяли 7 основных этнических групп: русские (79,8%),

евреи (7,2%), греки (2,3%), поляки (2%), украинцы (1,8%), армяне (1,4%), татары (1,3%) [4]. В процессе формирования школьной сети города существующие до революции учебные заведения греческого, еврейского благотворительных обществ, бывшая гимназия им. Шевченко, мусульманское мектебе были преобразованы в школы I ступени: татарскую, греческую, украинскую и еврейскую [5].

В селах Севастопольского р-на в 1920 г. было 35 частных, общественных и земских школ. Между 1920 и 1922 гг. вследствие экономической разрухи, голода и недостаточного внимания со стороны властей все три типа школ исчезли, и, когда в начале декабря 1922 г. татарский инструктор ОНО объехал район для заключения договоров с сельскими обществами, он нашел только три: в Байдарах, Уркусте и Бельбеке, все три – общественные. В связи с проведенной в 1922 г. договорной кампанией в селах были открыты 13 школ, 8 однокомплектных и 5 двухкомплектных, с 18 постоянными учителями, принятыми на содержание сельских обществ [6].

Состоявшийся в 1923 г. XII съезд РКП(б) в резолюции по национальному вопросу признал необходимость проведения в национальных республиках политики коренизации, то есть обеспечения в них приоритета национальных языков, широкого использования их в делопроизводстве всех советских учреждений, средствах массовой информации, культурно-просветительных учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком [7]. В Крымском отделе народного образования была учреждена специальная коллегия по работе среди татар и созданы специальные секции по работе среди национальных меньшинств.

Проводимая политика коренизации, преодоление последствий голода и разрухи, увеличение финансирования сферы образования к середине 1920-х гг. привели к увеличению количества национальных школ в Севастополе. В сеть учреждений ОНО была включена польская школа. Она была открыта по просьбе польских коммунистов, с которой они выступили на общем собрании поляков-коммунистов и членов РКСМ Севастопольской организации 9 марта 1924 г. [8]. В украинской и греческой школах открыты 5-е классы.

На конец 1923/24 учебного года сеть национальных школ города была следующей:

№ школы	По национальности	Кол-во классов	Количество учащихся			Кол-во педагогов
			мальчиков	девочек	всего	
19	украинская	5	122	67	189	7
21	еврейская	4	83	62	145	4
22	татарская	4	43	29	72	4
23	греческая	5	83	80	163	6
24	польская	3	15	26	41	1
	итого по городу	21	346	264	610	22
	по району	19 школ			1137	39

Национальные школы составляли 20% всех школ города, в них обучалось 11,06% учащихся. Всего в школах I и II ступени учащиеся разных национальностей составляли 27% [9]. На основании решения I Всекрымской армянской беспартийной конференции, прошедшей в Симферополе в 1926 г., в Севастополе была открыта еще одна национальная школа – армянская.

В педагогике этот период стал временем экспериментов. Документы Севастопольского ОНО за 1923–1925 гг. свидетельствуют о разнообразных формах и методах обучения и воспитания, применяемых в школах, несмотря на огромные материальные трудности. Обучение велось по программам Крымского НКП, разработанным в 1922 г. Отдельных программ для национальных школ не было. Особенно остро стоял вопрос снабжения школ учебниками и литературой на национальных языках. Достаточное количество хрестоматий на греческом языке и несколько книг для еврейской школы были получены только в январе 1924 г. [10]. Как учебные пособия использовались периодические издания: газета «Червоні квіти» в украинской школе, греческая газета «Коммунист», издаваемая в Батуми, а также книги, поступившие из костела, в польской школе [11]. Тем не менее учебные программы были выполнены во всех школах, кроме польской, где долгое время не было учителя, владеющего польским языком.

Было установлено шефство над сельскими школами: украинская школа им. Шевченко взяла шефство над татарской школой деревни

Узунджа, греческая – над греческой школой деревни Карань Балаклавского р-на [12]. Учащиеся всех школ принимали участие в экскурсиях, целью которых было знакомство с природой и бытом края и «смычка» с подшефными деревенскими школами.

В школах действовала следующая система самоуправления: коллектив учащихся, дежурные (в греческой школе президиум от дежурных групп), организация юных пионеров в еврейской школе, комиссии в греческой школе (хозяйственная, трудовая, учебная, взаимопомощи). В украинской школе была более развернутая схема: коллектив учащихся, учебный совет (10 чел. от трех старших групп), учисполком, ученические клубные организации (кружки изобразительного искусства, литературный, спортивный, читальни и библиотеки, «Червоний юнак») и комиссии (культпросвет, «комхоз» и «юнженотдел») [13]. Работники национальных школ активно участвовали в работе греческого, татарского клубов, польского культурно-просветительного общества «Праца». Результатом проведенной работы по развитию национального творчества стал проведенный в 1925 г. «интернациональный вечер в пользу беспризорного ребенка», который подготовили и провели татарская, греческая, украинская, еврейская, польская школы и армянский детский сад. «Подготовка к вечеру-концерту, – говорилось в отчете СевОНО, – установила глубокую спайку детей означенных детучреждений и положила основание сближению национально далеких детских групп» [14].

Необходимо отметить, что первые детские политические объединения появились именно в национальных школах: в еврейской школе им. Свердлова (к концу 1927 г. реорганизована в пионер-школу) это был «кружок юных ленинцев», в украинской школе – кружок «Червоний юнак», о котором хотелось бы рассказать подробнее. В тяжелый голодный 1921 г. группой учеников севастопольской украинской школы им. Шевченко был создан ученический клуб, задачей которого было, как вспоминает вожатый школы, «хоть немного рассеять ту апатичность ребят, которую создала голодовка». Была устроена «читальня», иногда ставили спектакли, стали выпускать рукописный журнал «Краса Украины». По примеру комсомольской ячейки ребята впервые организовали отряд и назвали его «Спортгруппа Червоний юнак». Было выбрано «Бюро группы», раз в неделю устраивали собрания, где принимали и исключали из своих рядов, вырабатывали планы работ по школе. Выбрали школьный «Исполком», «Комхоз», «Милицию», «Юротдел» и т. п., куда вошли и «червоны юнаки».

В состав группы «Червоний юнак» входили: 1) бюро группы – выбиралось собранием; 2) «кошевые атамань» – выбирались от класса; 3) патрульный – от патруля в 5 человек. У патруля были значки – красные ромбики с цифрой. У патрульного – звездочка на ромбе с цифрой, у «кошевого» – серп и молот. Ребята занимались строевой подготовкой, разучивали гимнастические упражнения, ставили спектакли. Большую поддержку и помощь отряду оказывал завшколой Алексей Васильевич Коломийцев.

В 1924 г., прочитав объявление райкома РЛКСМ о регистрации всех детских организаций, помещенное в «Маяке Коммуны», по поручению бюро «Червоних юнаків» вожатый отряда пошел в райком, где группе предложили влиться в организующиеся пионерские отряды. 20 июля группа «Червоний юнак» надела красные галстуки и стала 11-м отрядом юных пионеров [15].

Политика коренизации в Крыму, как известно, проводилась в отношении татарского населения, которому уделялось особенное внимание со стороны органов власти, в том числе в организации их образования. В первую очередь расширялась сеть татарских школ в городе и селе, решались проблемы их обеспечения учебными программами, методической литературой на татарском языке, подготовленными педагогическими кадрами, учебниками и литературой.

В 1924 г. в Севастопольском р-не было уже 19 татарских школ с 39 учителями (27 татар и 12 русских). Охват учащихся с 39% в 1922 г. увеличился до 50% (1137 чел.) всего школьного населения района [16]. Татарским школам, в том числе районным, было отпущено 600 учебников по природоведению, хрестоматий, грамматик, букварей, около 2000 тетрадей и других пособий [17].

В городе остро стоял вопрос организации татарского интерната, где могли проживать дети, приезжавшие на учебу из района. В 1925 г. под интернат было выделено небольшое одноэтажное здание по ул. Восставших, 3, в котором разместились 62 чел., из них 11 девочек.

Севастопольский Горсовет принял решение об открытии в татарской школе 5-го класса, и уже 26 ноября 1925 г. новая татарская школа II ступени праздновала первую годовщину своего существования. Школа, в которой обучалось 142 чел., из них 55 девочек, была единственным учреждением в районе, где можно было получить среднее образование на двух языках: татарском и русском [18].

Начало 1930-х гг. в области просвещения характеризовалось энергичной работой органов власти по введению всеобщего обязатель-

ного начального образования, полной ликвидации безграмотности, политехнизации школы. В постановлении ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г. отмечалось, что наступает новый этап перестройки советской школы. Важной задачей в свете этого постановления становится открытие школ повышенного типа, в частности школ II ступени, обеспечивающих преемственность воспитания и обучения на родном языке. На заседании Президиума Севастопольского горсовета 1 декабря 1931 г. были отмечены значительные успехи в области народного образования: «введено всеобщее обязательное 7-летнее обучение в школах г. Севастополя и его окраин, открыты осенью 1931 г. 2 нацменсемилетки: греческая с количеством уч-ся 156 чел. и армянская – 86 чел., вдвое увеличена татарская семилетка (275 чел.), развернут татарский интернат на 150 чел.» [19]. Всего в национальных школах Севастополя в 1931/32 учебном году обучалось:

№ школы	По национальности	Количество учащихся		
		I ступень	II ступень	Всего
№ 5	Татарская фабрично-заводская семилетка	114	161	275
№ 22	Армянская	74	12	86
№ 23	Греческая	133	23	156
№ 24	Польская	37	-	37
№ 25	Украинская	114	-	114
№ 26	Татарская	66	-	66

Итого 734 чел., что составляло 9,06% всех учащихся школ города [20].

Введение семилетнего обучения многократно увеличило потребность в учителях. Отсутствие систематической работы по подготовке педагогических кадров и неудовлетворительное обслуживание их бытовых нужд создали большую текучесть, особенно по нацменшколам. Проводимая с 1926 г. акция по лишению иностранноподданных граждан избирательных прав привела к массовой эмиграции греков и армян. В 1927/28 учебном году из греческой школы ушли 3 педагога из 7, в армянской школе за 1932/33 учебный год сменилось 3 зав. школой и 2 педагога [21]. Текучести педкадров способствовала и проводи-

мая «чистка» советской школы, целью которой было «предотвратить классовую засоряемость» педагогической среды. Как «чуждые антисоветские элементы» из национальных школ были уволены преподаватели татарской школы Николай Александрович Попов, Мустафа Дэвлетович Аргинский, Никифор Иванович Скородинский [22].

Прошли тщательную проверку, но были оставлены в должности заведующий украинской школой с 1925 г. Евгений Андреевич Тарановский и обвиненная в религиозной пропаганде учительница греческой школы Елена Димитриу [23].

К середине 30-х гг. программа коренизации постепенно сворачивается. Введение всеобщего обязательного начального обучения охватило часть национальной молодежи, остававшейся вне школ, и в то же время привело к тому, что прием в нацшколы осуществлялся уже не по национальному, а по территориальному признаку, в результате чего появляются смешанные классы. Все большее значение приобретает изучение русского языка. Это было необходимо, так как большинство учащихся, закончив национальные школы-семилетки, переходило в русские учебные заведения, чтобы получить дальнейшее образование. В дополнение к новым учебным программам, разработанным Крымнаркомпросом к 1931/32 учебному году, выпускаются программы по русскому языку для татарских школ и школ нацменьшинств. Вследствие низкой квалификации учителей, слабой адаптации программ к уровню подготовки учащихся успеваемость в национальных школах значительно понизилась. Так, на весенних испытаниях по итогам 1935/36 учебного года были фактически провалены экзамены по русскому языку в татарской и греческой школах. В 7-м классе татарской школы из 18 учеников написали диктант по русскому языку на «хорошо» и «отлично» только 7 чел., а в 5-м классе все 34 ученика, 20 из которых пришли в начале года из деревенских школ, получили оценку «плохо». В греческой школе в трех старших классах из 50 чел. 14 получили оценку «плохо» и 10 – «очень плохо». В 7-м классе не было ни одной хорошей оценки. Аналогичная ситуация сложилась в 1938 г. [24].

Принятая в 1937 г. вторая Конституция Крымской АССР изменила не только структуру высших органов государственной власти и управления автономии, но и ее национальную политику. Ликвидируются и реорганизуются национальные сельсоветы, исчезают национальные особенности культурных и образовательных учреждений, закрываются многие школы национальных меньшинств. Система национального образования была практически ликвидирована вышедшим 24 января

1938 г. постановлением Бюро ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ», согласно которому особые национальные школы и отделения при обычных школах и педучилищах реорганизовывались в советские школы обычного типа. В Севастополе была закрыта греческая школа № 23. Решением президиума Севастопольского горсовета от 21 апреля 1939 г. удовлетворено ходатайство педсовета и родителей школы № 25 о реорганизации украинских классов в русские [25]. В сети школ на 1939/40 год школа № 5 значится уже как «бывшая татарская» [26].

Система национального просвещения, сформированная в 1920–30-е гг., имела определенные достижения и успехи в своем развитии. Учеба стала несравненно доступней, улучшилось женское образование, применялись новые программы обучения. Изменение государственной национальной политики, русификация образования привели к исчезновению национальных школ как типа учебных заведений, а массовая депортация 40-х гг. уничтожила их окончательно.

Список источников и литературы

1. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), Отчет Севастопольского градоначальства за 1875 год. – м/п № 339.
2. ГАГС, Отчет Севастопольского градоначальства за 1886 год. – м/п № 350.
3. Крымская АССР. (1921–1945). – С. 101.
4. Крылов С. Красный Севастополь. – Севастополь, 1921. – С. 63.
5. ГАГС, ф. Р-420, оп.1, д. 58, л. 284.
6. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 301–302.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. – Т. 2. – М., 1970. – С. 433–442.
8. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 72.
9. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 311–312.
10. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 39.
11. Там же, ф. Р-223, оп. 2, д. 40, л. 42.
12. Там же, ф. Р-420, оп.1, д. 58, л. 162.
13. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 306 об. – 307.
14. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 285–300.
15. Маяк Коммуны. – 1924. – 11 сент. (м/п № 48).
16. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 231.
17. Там же, ф. Р-420, оп. 1, д. 58, л. 4.
18. Маяк Коммуны. – 1925. – 29 нояб.

19. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 617-а, л. 355.
20. Там же, ф. Р-223, оп. 1, д. 33, л. 52 об.
21. Там же, ф. Р-79, оп. 1, д. 707, л. 183.
22. Там же, ф. Р-223, оп. 2, д. 40, л. 25-26.
23. Там же, ф. Р-223, оп. 2, д. 15, л. 28-29, д. 40, л. 73, 76.
24. Маяк Коммуны. - 1936. - 4, 17 июня; 1938. - 4 июня.
25. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 740, л. 49.
26. Там же, ф. Р-359, оп. 1, д. 2, л. 40.

Обеспечение общественного согласия – задача органов власти

Одной из основных задач Совета министров Автономной Республики Крым является обеспечение свободного и равноправного развития граждан всех национальностей, проживающих в Крыму.

Этнический аспект на сегодняшний день является одним из главных в обеспечении общественного согласия. Учитывая важность этого вопроса, и проводятся заседания Общественной коллегии при председателе Совета министров Автономной Республики Крым.

Деятельность Совета министров проходит в условиях, которые являются уникальными для Украины и характеризуются значительным этническим и конфессиональным разнообразием. Автономная Республика Крым – это единственное административно-территориальное образование в Украине, где в силу исторических причин в составе населения доминируют представители национальных меньшинств.

По итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. русские составляют 58,5% от общей численности населения, этнические украинцы – 24,4%, крымские татары – 12%, представители других более чем 120 этнических групп – 5%.

В соответствии с Конституцией и законами Украины в Крыму созданы правовые основы для реализации этнических прав, в том числе на использование и развитие национальных языков и культур, исповедание своей религии и отправление религиозных обрядов, обеспечение сохранения и развития этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности всех этносов. Для этой цели в структуре Совета министров создан Республиканский комитет Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

Приоритетными направлениями деятельности Рескомитета являются:

- обеспечение межнационального согласия и этнополитической стабильности;
- обустройство и социально-культурная адаптация депортированных граждан, возвращающихся в Крым;
- удовлетворение этнокультурных и образовательных потребностей, а также сохранение этнической самобытности национальных меньшинств, проживающих в автономии.

С целью эффективной реализации этих задач в 2007 г. разработан ряд нормативных актов, в частности:

- Постановление Совета министров «О плане мероприятий по обустройству и социально-культурному развитию депортированных граждан в Автономной Республике Крым на 2007 год, осуществляемом за счет средств бюджета Автономной Республики Крым»;
- Постановление Верховной Рады «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2008 год»;
- Постановление Совета министров «Об утверждении Комплексного плана мероприятий по развитию национальных традиций и культур и совершенствованию межнациональных отношений в Автономной Республике Крым на 2008–2010 годы».

Принятие этих нормативных актов позволило достичь определенного уровня этнополитической стабильности и создания необходимых предпосылок для решения социально-экономических и этнокультурных потребностей представителей различных этнических групп в Крыму.

Одним из наиболее острых вопросов в сфере межнациональных отношений остается обустройство и социально-культурная адаптация депортированных граждан.

В 2007 г. в Автономной Республике Крым реализовывалась Программа расселения и обустройства депортированных крымских татар и лиц других национальностей, возвратившихся на проживание в Украину, их адаптации и интеграции в украинское общество на период до 2010 г., утвержденная постановлением Кабинета министров Украины № 637 от 11 мая 2006 г., и Программа обустройства и социально-культурного развития депортированных граждан в Автономной Республике Крым на 2006–2010 гг., осуществляемая за счет средств бюджета Автономной Республики Крым. В целом программы по основным статьями расходов выполнялись стабильно.

На реализацию мероприятий программ в 2007 г. фактически выделено более 85 млн грн.

Эти средства направляются в первую очередь на строительство жилья, обустройство массивов компактного проживания репатриантов. Немаловажную роль в интеграции депортированных граждан в украинское общество играют социально-культурные мероприятия.

За счет выделенных средств оказана единовременная материальная помощь 220 остро нуждающимся семьям, а также помощь на приобретение лекарств, слуховых аппаратов, протезов, осуществление

операций, подвоз питьевой воды в 6 массивов компактного проживания депортированных граждан. В летний период оздоровлено в детских лагерях 387 детей.

Кроме того, профинансировано издание 12 наименований художественной литературы и 11 учебных пособий. Оказывалась поддержка печатным изданиям крымских татар, армян, болгар, греков, немцев.

Важнейшим аспектом межнациональных отношений остается обеспечение этнокультурных прав этнических сообществ.

В последние годы ощутима тенденция возрастания общественной активности этнических сообществ, которая проявляется в увеличении количества общественных организаций. В настоящее время зарегистрировано около 70 республиканских общественных организаций, имеющих национальную направленность, 30 из которых активно и плодотворно работают.

Республиканский комитет Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан оказывает содействие национально-культурным обществам в проведении мероприятий, направленных на сохранение и развитие национальных традиций и культур, оказывает им консультативную и правовую помощь.

Начиная с 2001 г. из бюджета Автономной Республики Крым на развитие традиций и культур национальных меньшинств ежегодно выделяются денежные средства. При этом следует отметить, что многие области Украины не могут изыскать средства на эти цели.

В 2007 г. на развитие традиций и культур национальных меньшинств из бюджета автономии выделено 826 тыс. грн, за счет которых организовано и проведено более 50 культурно-массовых мероприятий: фестивали (русского народного творчества, «Язык – душа народа», «Болгарские встречи»), национальные праздники (Сабантуй, Вардавар, св. Константина и Елены), дни национальных культур эстонцев, евреев, французов, белорусов, русских и ряд других мероприятий.

Рескомитет продуктивно сотрудничает с Крымским этнографическим музеем, где при его содействии создана постоянно действующая экспозиция «Мозаика культур народов Крыма».

Верховной Радой Автономной Республики Крым, лично Анатолием Павловичем Гриценко, Советом министров совместно с Крымским армянским обществом активно проводится работа по подготовке мероприятий, посвященных 650-летию монастырского комплекса Сурб-Хач.

Значительная работа проведена по сохранению культуры крымских караимов и крымчаков. Осуществлены мероприятия по развитию этно-

культурного центра крымчаков в г. Симферополе, проведен Международный этнографический фестиваль «Караи собирают друзей», профинансировано издание альманаха «Крымчахар», словаря караимского языка, 2-й части 6-го тома Караимской народной энциклопедии, караимского народного календаря и многие другие мероприятия.

Кроме того, в 2007 г. из Государственного бюджета Украины профинансировано создание музейной экспозиции «Обряды и традиции крымчаков», издание книг «Эстонцы в Крыму», «В Крымском доме», литовской газеты «Тилтас».

Необходимо отметить, что решение проблем, связанных с совершенствованием межнациональных отношений, – это большая и кропотливая работа, требующая пристального внимания и заботы со стороны государства и совместной деятельности всех ветвей власти и общественности Крыма.

Ряд острых вопросов, связанных с деятельностью национально-культурных обществ, до сих пор не находит своего решения.

К сожалению, не работает образованный при Совете министров Автономной Республики Крым Межнациональный Совет, призванный предупреждать межнациональные конфликты на территории Автономной Республики Крым.

Беспокоит ситуация, связанная с развитием взаимоотношений между национально-культурными обществами, их объединениями и государственными структурами. Сам факт определенного размежевания национально-культурных обществ является тревожным признаком, поскольку противоречит девизу нашей автономии, начертанному на его гербе, – «Процветание в единстве».

Нездоровую обстановку порождает также борьба вокруг распределения средств между объединениями национально-культурных обществ при проведении ими мероприятий.

На наш взгляд, недопустимым является давление на руководителей и сотрудников государственных структур в отношении любых вопросов и особенно вопросов финансирования, представление их в негативном свете перед вышестоящими органами Совета министров и Верховной Рады Автономной Республики Крым, а также перед руководителями национально-культурных обществ. Все это в конечном итоге приводит к снижению уровня доверия между субъектами межнациональных отношений в Крыму.

Хочу внести ясность в вопросы, связанные с финансированием национально-культурных обществ за счет бюджетных средств. Их распре-

деление является исключительной компетенцией соответствующих государственных структур, в первую очередь Республиканского комитета Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан, вмешательство в этот процесс недопустимо. Совет министров утвердил Порядок использования средств, выделяемых на развитие традиций и культур национальных меньшинств, и мы можем действовать только в пределах нормативно-правовой базы.

Мы, конечно, далеки от мысли о вмешательстве во внутренние дела общественных организаций, но хотелось бы видеть единую организацию, объединяющую все республиканские национальные объединения, в том числе и различные фонды, которые в результате самостоятельной деятельности могли бы привлекать дополнительные средства и материальные ресурсы с целью содействия уставной деятельности национально-культурных обществ, а не существовали только за счет бюджета.

Некоторые руководители общественных организаций национальных меньшинств видят поддержку государства только в виде финансовых дотаций на проведение мероприятий. Таким образом, получая регулярную помощь, иногда даже не представляя всю общественность, эти люди подсаживаются на так называемую «дотационную иглу», создавая нереальный образ культурной жизни этнической группы.

Закончить с этой отрицательной практикой можно только путем конкурсного распределения субвенций, а также требования от обществ самостоятельно привлекать средства на свои нужды (например, спонсорская поддержка со стороны национального бизнеса).

Естественно, это не исключает поддержки со стороны государства. Но она, на наш взгляд, должна заключаться в предоставлении налоговых льгот и льготных кредитов, например на создание национального кафе. Такое кафе может стать центром сохранения и развития национальных традиций и культуры, местом встречи членов общества. Таким образом, государство будет помогать общественным организациям не «рыбой», а «удочкой».

Серьезной проблемой является отсутствие необходимой законодательной и нормативно-правовой базы, в том числе Концепции государственной этнополитики Украины, новой редакции Закона Украины «О национальных меньшинствах в Украине», в которой было бы предусмотрено научное определение терминов «национальные меньшинства», «национально-культурная автономия», «коренные народы» и др.

Имеются и другие актуальные вопросы, связанные с деятельностью национально-культурных обществ. Нерешенным пока остается вопрос о создании Дома дружбы народов (Центра развития национальных традиций и культур), и я считаю необходимым вернуться к нему и вместе с Симферопольским горисполкомом найти решение в ближайшее время.

Актуальной проблемой является предоставление национально-культурным обществам помещений, находящихся в государственной и коммунальной собственности в бесплатное пользование или на льготных условиях для проведения культурных, образовательных, научно-краеведческих и других мероприятий, а также установление минимального размера платы за аренду помещений.

В заключение еще раз хотелось бы подчеркнуть необходимость последовательных совместных усилий всех органов власти, представительных структур и общественности по созданию в Крыму климата межнационального доверия и согласия, а также выразить надежду на то, что все мы независимо от национальной принадлежности и вероисповедания приложим максимум усилий для обустройства и процветания нашей малой родины, Автономной Республики Крым. Для созидания всегда можно найти пути разрешения проблем. Двери Рескомнаца всегда открыты для всех, чья деятельность направлена на сохранение межнационального согласия.

Методологические проблемы этнографических исследований в городе: на примере изучения греков Измаила

Изучение культуры города и горожан в этнографической науке развернулось еще в 50-е гг. XX в. Были сформулированы отдельные проблемы этнографии городов, прежде всего, проблемы этнодемографии, городской культуры и быта, хозяйства горожан, этнических процессов. Тогда же в исследованиях городской культуры была сформулирована важная в научном плане задача выявления общезнаковой и собственно городской специфики культуры и быта изучаемого населения. Были разработаны методы и формы изучения городской культуры разных исторических периодов. Город в исследовательских проектах представлялся как особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство, особая организация среды обитания человека. Город как системный организм становится объектом изучения социологов, демографов, политиков и этнологов. Для последних актуальность исследования приобретала бесспорный характер, если социальная структура в городе коррелировалась с этнической. В исследованиях города стали широко использовать историко-сравнительный метод и его разновидность – историко-генетический метод, а также методы классификации, типологии, статистического и социологического анализа, научного описания. Город как объект исследования стал интересен для многих отраслей науки [1].

Тем не менее проблемой остается изучение именно городского населения определенной национальности. Следует различить по методам и формам организации: исследование города как целостного социально-культурного объекта и этнографическое исследование в городе, когда преобладают методы этнографической науки, а объект исследования хотя и приобретает своеобразные социально-культурные очертания, но в целом сохраняет формы культурного и социально-экономического феномена: группа может иметь компактное расселение, сохранять специфику экономической деятельности и даже эндогамные барьеры, но при этом обитать в специфической среде – городе. В таком случае методы, обычно применяемые при изучении этнических групп, имеющих компактное расселение в сельской ме-

стности, должны быть адаптированы к городской среде, и формы их применения должны учитывать особенности «поля». Примером такой адаптации и создания комплексной методологии изучения этнической группы в условиях города стала работа экспедиции, которая проходила в рамках Международной научной программы «Греки Украины: история и культура». Исследование проводилось Одесским филиалом фонда греческой культуры и кафедрой археологии и этнологии Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова. Этнографическая экспедиция в Бессарабии имела своей целью исследование истории и культуры греков в регионе. Этапным моментом в проводимом исследовании стало изучение культурно-исторического наследия греков Измаила, выяснение сохранности комплекса этнической культуры народа, чья история в силу исторических и социально-политических процессов тесно связана с Украиной в целом и особым образом с Бессарабией.

Особенностью исходных предпосылок данного исследования стало несколько моментов. **Первое:** греки играли в этносоциальной и экономико-политической истории региона одну из ведущих ролей. Так, появившись на территории Бессарабии в I тысячелетии до н. э. и основав здесь сеть аграрных поселков и городов, греки надолго закрепились в этом регионе. В эпоху раннего средневековья греки выступают проводниками христианства и в качестве христианской элиты занимают социально активное положение. С XI в. сначала с перерывами, а с XV в. непрерывно православное население края находилось под руководством Константинопольского патриархата, включая весь османский период до первого десятилетия XIX в. Позже устойчивая православная традиция региона и политика, проводимая в отношении христиан в Османской империи, способствовали притоку греков в районы Бессарабии.

Второе: греческое население региона в османский период принадлежало в основном к городскому населению и имело черты социальной группы. Это было вызвано спецификой этнополитических процессов в Османской империи, где греки сохранили влияние в таких важных социально-политических сферах, как дипломатия, международная морская торговля и судостроение. Эвлия Челеби отмечал, что в Измаиле есть три мусульманских квартала, а «остальные населены греческими, армянскими и еврейскими реая», о других же этносах вообще не упоминал [2].

Период XVIII – начала XIX в. для Бессарабии часто называют «эпохой фанариотов» (в Измаиле до сих пор есть улица Фанариотская). Бывшая Византийская знать, получив право на престол в вассальных

княжествах – Молдавии и Валахии – стала настойчивым проводником греческой культуры в регионе. Массы греческого населения среднего и низшего классов отправились на жительство в Молдаво-Валахию как в «землю обетованную», где правили князья их национальности. Это были ростовщики – кредиторы, купцы, ремесленники и, конечно, моряки. Согласно городским переписям начала XIX в. греки относились к «коренным жителям» [3].

В целом не изменилась ситуация и после присоединения Бессарабии к России: повысилась внешнеторговая значимость городских центров, что увеличило приток греческих поселенцев. Из греческих общин Бессарабии самой богатой и развитой была община Измаила. Важно, что большинство греков Бессарабии сохраняли иностранное подданство, что соответствовало их основному занятию – торговле. По данным 1820 г. из 8439 жителей крепости Измаил и г. Тучков греков-россиян, английских и турецких подданных насчитывалось 369 душ [4]. В городе был греческий квартал, греческая церковь и большое количество купеческих и ремесленных лавочек, принадлежавших грекам. В состав греческих общин входили богатые купцы, которые занимались крупными финансовыми операциями, экспортом, посреднической торговлей между Россией, Италией, югом Франции, Испанией и Португалией. Такой состав греческой диаспоры в Бессарабии сохранялся и в румынский период истории края.

Третье: в 40-е гг. XX в. положение греков в регионе изменилось. Греки были в основном выселены, депортированы либо как иностранно-подданные, либо как «неблагонадежные» граждане. Часть из них бежали в Румынию, часть стали причислять себя к другим этносам: болгарскому, молдавскому, гагаузскому и др. С этих пор греческая диаспора перестала существовать как социально- и культурно-организованная целостность. Небольшая часть тех, кто все-таки вернулся после депортации, и тех, кто в составе других этносов выжил, составила основу группы, с которой предстояло работать членам экспедиции. Воспоминания и биографии именно этого поколения должны были составить основу полевого материала.

Четвертое: современная община греков г. Измаил в 2006 г. не имела четко выраженной этносоциальной и этнокультурной основы, что требовало комплексного подхода в процессе организации системы поиска материала и составления выборки.

Все эти моменты создавали определенные сложности в организации и проведении исследования. Пути поиска информации были

сгруппированы в несколько магистральных направлений: поиск и систематизация архивных материалов, анализ музейных коллекций в регионе, диалог с горожанами, который предполагал сбор воспоминаний и материалов о греках города и региона, и, наконец, выявление и исследование самой этнической группы в городе, анализ современного состояния ее этносоциальных характеристик.

Работа в архиве и в музеях (помимо самих материалов и документов) должна была дать отправные точки для поиска респондентов в городе: известные фамилии, адреса принадлежавших грекам домов, лавок, магазинов, школ, церквей и т. д. должны были помочь в преодолении дистанции между исследователями – членами экспедиции и этнической группой, которую еще предстояло выявить не только как исторический факт, но и как этнокультурную реальность.

Сложности в организации выборочной совокупности можно очертить несколькими позициями:

1. В городе сложно преодолевать «барьер недоверия», «культурную дистанцию», которые в ситуации живущей компактно группы преодолеваются благодаря распространяющемуся позитивному «слуху», что позволяет в процессе организации диалога «ссылаться» на уже состоявшиеся интервью-встречи, «авторитетные мнения» членов этнической или социальной группы.

2. «Визитка» экспедиции должна была учесть сложную структуру предполагаемой общины греков города, которая включала:

– Людей, переживших репрессии и вернувшихся на родину через десятилетия. Эта группа была готова к воспоминаниям и охотно шла на контакт с членами экспедиции, желая таким образом восстановить справедливость – рассказать о событиях, свидетелями которых они оказались.

– Детей и членов семей репрессированных, которые не были вывезены за пределы региона и на данный момент причисляли себя к другим этносам региона. Представители этой группы, как правило, бизитичны и идут на диалог только в случае, если видят в этом рациональность. Многие опасаются повторных репрессий и не готовы к диалогу.

– Переселенцев – греков из других регионов Украины (Крыма, Приазовья). Эта группа наиболее открыта, сюда входят греки, выросшие и прожившие большую часть жизни в окружении «своей» культуры (компактные сельские поселения, сохранившие свои этносоциальные черты с времен переселения в пределы Российской империи). В Бесса-

рабии именно эта небольшая группа, ностальгирующая за групповой солидарностью и этнокультурным общением, стала активно выражать потребность в создании городской общины греков в Измаиле и охотно шла на диалог с членами экспедиции.

Каждая группа должна была получить то объяснение, которое позволило бы ей сократить существующую дистанцию. Последняя, таким образом, включала не только культурную составляющую, но и социально-политическую. «Официальный статус» экспедиции мог как облегчить, так и усложнить диалог (недоверие властям).

Для придания экспедиции публичного, официального характера были использованы следующие моменты: на местном телевидении снят репортаж, а в местной прессе напечатаны сообщения о работе научной экспедиции, которая собирает материал по истории края и в частности по истории и культуре греков. Отмечалось, что в ее составе работают не только научные работники Одесского университета, но и представители греческого культурного центра. Факт участия греков в составе экспедиции оказался привлекательным для большинства респондентов первой и третьей групп. Желание диалога с представителем «своей» культуры (даже в случае утраты этнокультурных маркеров: языка, обрядов...) часто предопределяло исход встреч. Представители второй группы, напротив, охотнее шли на диалог с «представителями науки», рассчитывая получить разъяснения и понимание ситуации, в которой оказались их семьи.

Кроме того на протяжении всего периода пребывания экспедиции в городе в новостях (в бегущей строке) сообщалось о работе экспедиции и указывался стационарный (городской) телефон, по которому можно было связаться с членами экспедиции. Это давало возможность респондентам убедиться в реальности и легальности данного мероприятия. Звонки с мобильных телефонов и предложение мобильного номера в качестве средства связи пугали потенциальных респондентов и вели к срыву встреч.

Важным оказался и выбор места для возможных встреч с респондентами на территории работы экспедиции (в случае невозможности/нежелания проводить встречу на территории респондента). В качестве такого места было использовано помещение городского архива, работники которого любезно предоставили такую возможность. Официальный статус архива снимал определенное напряжение и даже в некоторой степени привлекал тех, кто был заинтересован в последующем поиске своих «личных» документов, связанном с восста-

новлением этничности, и дальнейшем поиске родственников уже на территории Греции.

Необходимость формирования списка членов изучаемой группы в процессе исследования обусловила выбор методов, точнее группы методов, для подбора нужного числа и «качества» респондентов. Были комплексно использованы метод «фильтра», метод «снежного кома», метод «отбора по косвенным данным».

Метод «фильтра», при котором опрашивались жители отдельных улиц, домов, некоторых близлежащих поселков (Утконосовки, Ларжанки, Александровки), выходцы из которых на данный момент проживали в городе. В качестве «фильтра» выступал вопрос о национальности, в условиях Измаила этот метод дал своеобразные результаты. Он ощутимо не изменил состав основной выборки, но дал хорошие результаты по дополнительной, в которую вошли все опрошенные, имевшие информацию об истории греческой общины города.

Данная информация в последствии сложилась в несколько тематических блоков: рассказы о «греческом кладбище» – его особенностях и фактах разрушения; о греческой церкви, тех, кто ее посещал, и об истории ее уничтожения (эта информация, как правило, сопровождалась информацией и о других национальных церквях в городе); о «греческом» сквере – месте досуга и встречи греков города; о городских ресторанах, лавках, которые принадлежали грекам; о рабочих порта и их быте; об истории некоторых зданий в городе и их прежних владельцах.

Метод «снежного кома», как и предыдущий, эффективен при наличии группы, которая имеет устойчивую социально-культурную организацию и реальные внутригрупповые связи. В качестве «стартовой точки» был использован начальный список членов греческой общины города. Однако надежды на «нарастание кома» не оправдались. Молодая и слабо организованная община не дала ожидаемого результата.

Единственным методом, который дал реальные результаты, оказался метод «отбора по косвенным данным». Косвенным определителем в нашем случае могли быть только фамилии, так как другие этнические маркеры (внешность, язык, бытовые особенности) в условиях города были недоступны. При отборе по фамилиям обычно используются поименные списки постоянно или временно прописанного населения. В нашем случае за основу был взят городской телефонный справочник. В целом этот источник малоэффективен, так как не возможно правильно определить национальную принадлежность из-за того, что фамилии

тех, кто считает себя молдаванами, гагаузами, болгарами, греками и даже русскими, в регионе могут звучать одинаково. Более того, применим он мог быть только при помощи телефонного опроса, что существенно усложняло работу. За короткую фразу, которую человек в состоянии дослушать до конца, не прервав разговора, нужно не только представиться и вызвать доверие, а еще и узнать: согласны ли с вами говорить, к какой национальности относит себя говорящий, есть ли в его генеалогии греки, согласен ли он на встречу! «Здравствуйте, с вами говорит участник исследовательского проекта «Греки Украины», мы совместно с греческим фондом культуры и кафедрой этнографии изучаем историю греков вашего города, вы вероятно слышали в новостях или читали о нашей работе. Если вас не затруднит ответить на некоторые вопросы, мы были бы вам очень благодарны», – примерно так начиналась беседа. В случае продолжения диалога далее шел короткий опрос и, если выяснялось, что на противоположном конце провода находился представитель нужной нам группы или человек, в семье которого помнили о своих «греческих» предках, предлагалась встреча в удобное для респондента время. В беседе предварительно старались выяснить, с кем хотел бы встретиться респондент, знает ли он язык, сохранил ли документы, фото, бытовые предметы и др. Эти данные помогали правильно составить группу, которая выезжала на встречу, давали возможность правильно «оснастить» ее техническими средствами: фото-, кино- и аудиоаппаратурой, при необходимости сканером. Респонденты не всегда готовы говорить сразу. Отложенные встречи, как правило, имели своей целью проверку и сбор данных об экспедиции.

Тем не менее данный метод дал результаты и позволил провести исследование. В результате такого телефонного опроса 26% опрошенных назвали себя греками по национальности, из них 4% отнесли себя к переселенцам из других регионов Украины. 20,6% опрошенных рассказали, что в их семья были греки, но сегодня они считают себя членами других этнических групп. Показательно, что русскими назвали носители фамилий Капатос, Папазогло, Делигиоз, Греку и др.; украинцами – Чепалисы, Семирина и др., молдаванами – представители фамилий Карагеорги, Греку, Стахи, Продуис; болгарами себя считали носители фамилий Христофоров, Янаки, Урум, Карагеорги, Буюкли и др.; гагаузами – представители фамилий Урум, Ангиоз, Чифликли, Хаджиогло и др.

Сложность проходивших в регионе этнополитических процессов ярко отразилась в процессах антропонимических. Так, представители

одинаковых фамилий причисляли себя к различным этносам. Например, носители характерной фамилии Урум оказались представителями трех этносов: греками, гагаузами, болгарами. Фамилии Мариоглу и Стополис принадлежали молаванам и болгарам, а Сапунджи – гагаузам и грекам и т. д.

Сбор этнографического материала предполагает непосредственное наблюдение: фиксирование норм этикета, обстановки, в которой проходит интервью, бытовых особенностей и др. В условиях работы экспедиции наблюдение не стало в ряд основных методов сбора информации, так как оказалось малодоступным. Только 35% респондентов, которые составили основную выборку, изъявили желание провести встречу на своей территории. Примерно 14% опрошенных согласились на встречу на территории экспедиции, и большая часть респондентов ограничилась телефонным разговором, аргументируя отказ от встречи отсутствием дополнительной информации и утратой документов при переезде или депортации, неосведомленностью в истории семьи.

Большой процент телефонных интервью (которые не переросли в непосредственную встречу) давал возможность фиксировать «одномоментную» информацию (синхронную) и использовать получаемые данные для создания хронологических срезов в истории греческого населения города.

Диахронная информация, которая позволяла реконструировать этносоциальные процессы в группе на протяжении нескольких поколений, собиралась при помощи использования биографического метода (благо, несмотря на сложные исторические события, которые произошли с группой измаильских греков, тотального разрушения социально-этнических корней не произошло) и экспертных интервью, которые предполагали «кейс-исследования» – исследования случая:

- История переселения (попадания) в Бессарабию предков респондентов.

В целом история семей вписывалась в процессы, которые шли в регионе в XIX в. Если сначала греки ехали в Россию главным образом из страха перед турками, то во второй половине столетия российская власть сама стала зазывать их на свою территорию.

Греки селились в Буджаке компактными группами; достаточно крупными для середины XIX в. оставались греческие диаспоры в Аккермане, Килие, Измаиле и небольших селах в предместьях города: Ларжанке, Утконосовке. Встречались греческие семьи и в других селах,

где они занимались ремеслом. В селе Нерушай семья грека Донеско(у) держала швейную мастерскую, которая обшивала военных, в Лоциновке и в Каменке предки семьи Карапидисов и Аврамиди(с) – три брата, приехавшие из Греции в начале XX в., занимались лудильным ремеслом, в Александровке, в Лоржанке греки Митаки, Патрики, в Утконосовке – Хуляридис и Калига(с) имели большие участки земли и занимались земледелием. В семье Калигасов мужчины были кузнецами. Крупным землевладельцем была семья Сталаки, их потомки, ныне живущие в Измаиле, до сих пор хранят семейные предания о тех годах.

Многие греки Турции часто бывали в России наездами и рассматривали ее как страну, где в случае чего можно найти вторую родину, при этом они оставались подданными Турции или Румынии. Эти данные подтверждаются и архивными документами, и семейными легендами. Вот некоторые из них: *«Наши предки из Греции приехали, дед был лоцманом, а семьи их в Греции остались»;* *«Мой отец Георгий Арменопулос, 1888 года рождения, был грекоподданный, он с братьями и сестрами приехал сюда, я родилась уже в Измаиле в 1932 году»;* *«Наш прадед Георгий Караянис прибыл сюда (Измаил) где-то в 1870 году, он был торговец, коммерсант, имел лавки»;* *«Мой дед родился на Кипре, на границе с Турцией, их там уничтожали турки. Отец деда был состоятельным... имел ювелирный магазин... деду (Хуляридис Николаю Федоровичу) было 4 года, когда его спас русский корабль, и дети жили в Одессе... Второй дед (Калигас Спирия) приехал из Солоник, был торговец и нашел себе в Измаиле жену...»;* *«Мой дед Хионодаки(с) Стомати приехал со своей сестренкой Софией сюда из г. Сватья к своему дяде Маноле, который уже жил здесь. В Греции остались родственники, сейчас племянница восстанавливает право называться гречанкой, она все документы увезла в Грецию»;* *«Мой дед (Патрики(и) приехал из г. Пиниш, но сначала они в Кагул прибыли, а уж потом в Измаил».*

• Характеристика социально-культурного положения вытекала из рассказов самих греков и их соседей.

В конце XIX – начале XX в. большое количество портовых рабочих, моряков, судовладельцев в Измаильском порту было греками. Многие суда принадлежали греческим торговым домам или отдельным предпринимателям-грекам и ходили под греческим флагом. В порту и на судах тоже работали греки, поэтому большинство домов, которые принадлежали грекам, были в районе современного рынка и порта. Рядом с домами устраивали и свои мастерские, магазины, чайные, рестораны. Их внуки и правнуки сегодня вспоминают: *«Яни Караяни(с) имел*

самый престижный ресторан в Измаиле и владел домами по улице Котовского (возле архива); «Арменопулос Аристотель владел чайной в Измаильском порту, для грузчиков, среди которых было много греков»; «Были известны магазины и рестораны Армараки и Неофитуса, а Стириопулос шил обувь даже королю Михая и его придворным».

В Измаиле жители помнят знаменитый греческий сквер (его до сих пор называют «греческим»), где принято было собираться семьями, говорить о важном со «своими» и на «своем» языке, рядом были кофейни, греческие рестораны, лавки, была своя церковь, в которую ходили всей семьей.

- Судьба семьи и восприятие исторических событий в контексте семьи и ее перспектив.

В этой связи актуальной оказалась проблема поиска и легализации документов – признания со стороны греческих и украинских властей права за потомками на восстановление родства и «возврата» этничности.

Многие семьи сохранили документы или память о их существовании. Желание найти поддержку и помощь в поиске документов и дальнейшем их признании часто становилось мотивом встреч и диалога со стороны респондентов. Во время экспедиции многие изъявляли желание вернуть утраченную этничность *«Я по матери молдаванин, но мой дед был греком, хочу, чтобы мой сын унаследовал право быть греком; мы сейчас русские, но дома есть документ – паспорт деда, где написано, что он подданный Греции».*

- Отдельный блок составили воспоминания о выселении в Казахстан и об организации жизни в спецпоселениях.

Среди выселенцев были семьи Костантинидас, Василиопуло, Карapidис, Арменопулосов, Папазогло, Папандопуло и др., воспоминания которых и составили этот блок информации. Власти конфисковали все: греческие паспорта, фотографии и письма с родины. На сборы давали минимум времени (один час / один день), что успевали взять, с тем и уезжали, оставив все нажитое, часто не успев попрощаться с близкими. После 1956 г. грекам разрешили покинуть спецпоселения, но возвращаться в места, откуда их вывозили, было запрещено. Единицы вернулись, но через много лет, прожив жизни вдали от родных мест. Были такие, что остались в Казахстане.

Взгляд со стороны на процесс депортации и жизнь греков в изгнании представился в воспоминаниях Абраменковой Веры Алексеевны (1929 г. р.), русской по национальности, которая работала учительни-

цей в Казахстане, в поселке Чилик Алма-Атинского р-на, в месте, где жили и работали депортированные из Бессарабии; многих она помнит по фамилиям. Удивительно, что и ее вспоминают те, кто вернулся.

Следует отметить, что в экспедиционных материалах в силу особенностей истории общины оказалось мало материалов, которые бы характеризовали бытовые и этнокультурные традиции греков (костюмы, утварь, предметы быта). Косвенную информацию дали фотографии из семейных архивов горожан. Они и компенсировали в основном недостающий пласт этнокультурной информации, даже в том случае, если единственным комментарием было следующее: *«Эти фотографии всегда хранились у нас дома, но я не знаю, кто на них. Старшие не рассказывали – боялись. Вы же понимаете».*

Сегодня ситуация иная. Работа с этнической группой измаильских греков показала, что существует устойчивый интерес со стороны группы в целом и общины в частности к своему социальному и этнокультурному прошлому, более или менее отчетливое и реализуемое на практике стремление к осознанию своего места в мире и к восстановлению исторической памяти и исторической справедливости.

Безусловно, интерес к социальным и историческим корням связан с резкой сменой социальных ориентиров и процессами этнической реидентификации. Этнический ренессанс, переживаемый многими этническими группами в регионе, затрагивает и группу греков. Не последнюю роль играет интерес Греции к процессам этнического возрождения в греческой диаспоре в Украине.

Подобные исследования дают возможность оценить соотношение социальной структуры населения города и отдельных этнокультурных сообществ в нем.

Таким образом, полевой этнографический материал, собранный с помощью комплекса специальных и междисциплинарных методов, в процессе обработки, вероятно, потребует привлечения дополнительных методик, которые позволят не только систематизировать, но и реконструировать этнические процессы, затронувшие данную группу. Важно отметить, что этнографическое исследование в городе для повышения уровня достоверности информации требует проведения «панельного исследования», которое позволит вернуться к наиболее важным, но не полностью освещенным проблемам через небольшой промежуток времени. Экспедиционные интервью, как правило, являются определенным катализатором этноисторической памяти, и такой шаг может принести важные поправки и уточнения.

Список источников и литературы

1. Белоусов А. Ф. Городской фольклор. – Таллин, 1989; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских: по материалам Центрального района РСФСР. – М., 1989; Боярский А. Я. Население и методы его изучения. – М., 1975; Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном городе. – М., 1987; Проблемы культуры городов России. – Омск, 1996; Рабинович М. Г. Город и этнические процессы // Советская этнография. – 1984. – № 2; Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. – 1983. – № 3; Проблемы культуры городов России. – Омск, 1996.
2. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Сейяхатнаме. Земли Молдавии и Украины. – Т. 5. – М., 1961.
3. Жуков В. И. Города Бессарабии. 1812–1861 гг. (Очерки социально-экономического развития). – Кишинев, 1964.
4. Филиал Государственного архива Одесской области в Измаиле, ф. 514, д. 33, л. 1–240.

Современное греческое население Крыма в этнодемографических измерениях: группа «Перевала» (сельсовет Доброе)

В 2001–2003 гг. состоялась «Историко-этнографическая экспедиция по исследованию греков Крыма» по инициативе и финансовой поддержке Одесского филиала Греческого фонда культуры (руководитель экспедиции – Е. С. Самаритаки) [1]. Среди направлений полевой работы было изучение современного положения греческого населения Автономной Республики: расселение, районирование, демографические характеристики и т. д. Одним из методов, применявшихся в исследовании, стала этносоциальная паспортизация данных похозяйственных книг [2]. Она была реализована во всех сельских анклавах современного греческого населения АР Крым (Садовое Нижнегорского [3], Чернополье Белогорского, Доброе Симферопольского и Луговое Ленинского р-нов).

В результате получена посемейная перепись на момент исследований с указанием для каждого жителя следующих показателей: внутрисемейный статус, возраст, образование, социальное положение. Обработка этих первичных данных существенно дополняет материалы современной официальной статистики [4] в отношении греков полуострова. Полученные данные коррелировались с реалиями в ходе опроса местных жителей, а также с документами греческих обществ. В данной публикации предлагаем ознакомиться с материалами, полученными в селах, входящих в Добровский сельсовет Симферопольского района.

Начало формирования греческого населения в районе сел Перевала относится к концу XIX в. На отдельных хуторах селились греки-пантийцы, приезжавшие в Крым. Проживали они совместно с крымскими татарами, украинцами, русскими. Многие из них сохраняли иностранное подданство. *«В Крым мы приехали с Греции, там тоже ш война була, – вспоминала жительница Перевального Софья Христофоровна Лебёдкина (Сарваниди), 1940 г. р. – Привезли сюда на корабле... сначала в Алушту, а потом в Заречном жили. Там много греков. А потом, у кого была возможность, назад в Грецию уехали. Мы сюда приехали и у чужих людей жили. Работала в наймычках, ходила и стирала, и белила у кого*

что. А греки, кто здесь жил, табак сеяли, земля своя была, сады были. И в 44-м всех депортировали. Мы сейчас между своими только на русском общаемся. Но тогда говорили только на греческом».

В 1944 г. греки Перевала были депортированы на Северный Кавказ и в Среднюю Азию [5]. Начиная с 1960-х гг. отдельные семьи начали возвращаться, однако это следует признать исключительным явлением. Тогда же здесь поселилось несколько семей «мариупольских греков» из Приазовья.

В 1990–1995 гг. на территорию Добровского сельсовета начали возвращаться греки из депортации (в основном из Коканда), а также переселяться кавказские «урумы» из Цалкинского района Грузии. В результате был образован квартал «Понтос». Официально здесь «поселилось» более 100 семей (выделяли участки: №28, №50 и №30). *«Сейчас здесь живет 23 семьи греков, а должно было жить 180, все остальные уехали в Грецию»* [6]. *«В 91-м году мы приехали в Крым, и 5 июля с 4 человеками мы начали разбивать первые колышки квартала Понтос»* [7]. В силу таких обстоятельств заселения греки сегодня проживают компактно в данном квартале и дисперсно по другим селам Перевала.

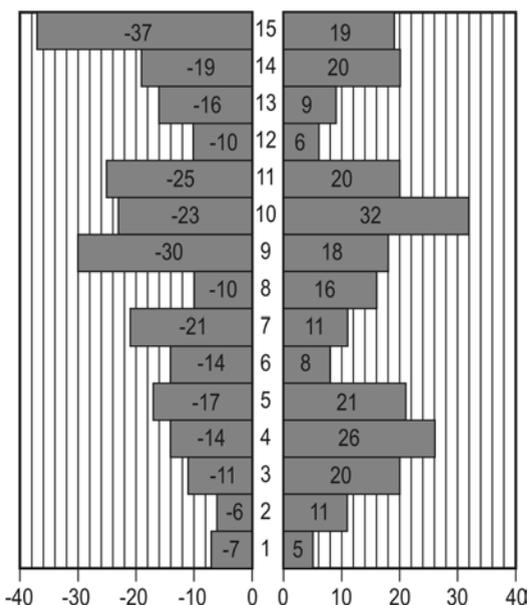
На момент нашей экспедиции (2002 г.) в селе доминировали количественно русские, украинцы и крымские татары. Общее количество жителей – около 5 тыс. чел. Греки составляли около 10% от всего населения, т. е. немногим более 500 чел. Сложность подсчета заключалась в разнице между официально декларируемой национальностью (в советских паспортах и похозяйственных книгах сельсовета) и реальной. Часть греков, сохраняя свою этническую идентичность, обозначены в официальных документах как представители других народов. Особенно это было характерно для небольшой группы коренных греков, избежавших депортации.

Демографическая характеристика возможна по 502 жителям сел Перевала, о которых имеются необходимые сведения. Как и в целом по Украине, в греческой общине данной группы сел наблюдается преобладание представителей женского пола над мужским. В среднем, на 9,3 представителей мужского пола приходится 10 женского (0,930%). Показательно распределение по возрастным когортам (см. табл. 1): среди детей количественно доминируют мальчики (10 к 7), в средней группе мужчин лишь немногим меньше, а в старшей когорте значительную долю составляют женщины (10 к 6).

Таблица 1

Половозрастные характеристики греческого населения
Добровского сельсовета (2002 г.)

Возраст	м	ж
0–5	5	7
6–10	11	6
11–15	20	11
16–20	26	14
21–25	21	17
26–30	8	14
31–35	11	21
36–40	16	10
41–45	18	30
46–50	32	23
51–55	20	25
56–60	6	10
61–65	9	16
66–70	20	19
старше 71	19	37
Всего	242	260

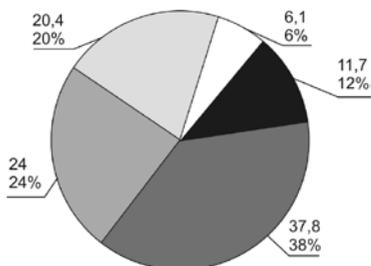

По половозрастному признаку греческая община Доброго может быть отнесена к регрессирующей. Тут три возрастные группы – дети (до 15 лет), взрослое население (16–50 лет) и старики (51 год и старше) распределялись: 11,8%, 52,2% и 36,0% соответственно [8].

Таблица 2

Уровень образования греческого населения Доброго

Образование	чел.	%
Начальное	12	6,1
Неполное среднее	23	11,7
Среднее	74	37,8
Средне-специальное	47	24,0
Высшее	40	20,4
Всего	196	100,0

На одно домохозяйство в среднем приходилось 2,65 человек (610 греков и членов их семей на 230 дворов). Официальные указания на временную отлучку или переезд констатируют, что каждый 10-й житель числился в Добром лишь номинально. Это люди в социально активном возрасте, которые находились на заработках – примерно в равных долях в Симферополе и Греции. Реальные же показатели миграции были намного выше.

Для естественного движения населения важно отметить, что средняя продолжительность жизни греков Доброго была выше средней по Украине – 44 года у мужчин и 46 – у женщин. При этом самому старшему мужчине было почти 90 (1913 г. р.), а женщине – 93. Высокий коэффициент смертности [9] – 55% в сочетании с практически минимальным рождением – 2% дает отрицательный естественный прирост, что дополнительно подтверждает регрессирующий характер общины. При этом старше 80 лет было 6 мужчин и 10 женщин, а до 10 лет – 16 и 13 соответственно. Помимо общих объективных тенденций спада рождаемости, здесь, по-видимому, повлияло переселение и обустройство на новых местах. Общий прирост составил:

$$K = \frac{P_n - P_o}{P_{ср}} \times 100\% \quad (\text{где } P_n - \text{конечное количество, } P_o - \text{первоначальное население, } P_{ср} - \text{среднее}) = -0,05\%.$$

Следует признать высокую профессиональную подготовку представителей группы (см. табл. 2). Укажем, что лишь представители старших поколений имеют начальное и неполное среднее образование. Каждый 3-й в группе имеет среднее, а каждый 4-й – среднее специальное образование. Высшее образование получили представители современной средней когорты в советский период (каждый 5-й из группы). Укажем, что сегодняшние студенты вузов в наши подсчеты не попали.

Структура семей. Анализ внутрисемейных связей в греческой среде сел Добренского сельсовета показывает, что, как и у других этнических групп по Украине, в настоящее время доминирует простая (нуклеарная) семья. Немногим более половины всех греческих семей в селе – брачная пара с детьми или без них (средняя численность – почти 3 человека на семью). В таких семьях проживает почти половина всех греческих жителей.

Каждая третья греческая семья может быть охарактеризована как сложная. Наиболее типичной такой структурой является отцовская/

материнская однолинейная с тремя-четырьмя поколениями потомков. Такую семью образуют две, реже три супружеские пары поколений родителей и детей. Средняя численность данной семьи в Добром достигает почти 6 человек. В двух случаях выявлены семейные отцовские коллективы, в которых проживало более 10 человек.

Зафиксирована и значительная доля (6%) сложных братских семей. Особо часто случаи совместного ведения хозяйства женатыми братьями наблюдались у урумов с Кавказа. Это может быть объяснено социальной адаптацией в обстоятельствах переселения. В братских семейных коллективах предельно высокий индекс численности – более 7 человек на одну семью, состоящую из нескольких супружеских пар одной когорты. В 2 случаях из 3 в таких семьях присутствует и одинокий представитель старшего «дедовского» поколения, объединяющего эти братские или сестринские семьи.

О высокой социальной солидарности говорит факт небольшой доли одиноких (вдовых и холостых) – лишь 14% всех греков села.

Структура греческих семей с. Доброе

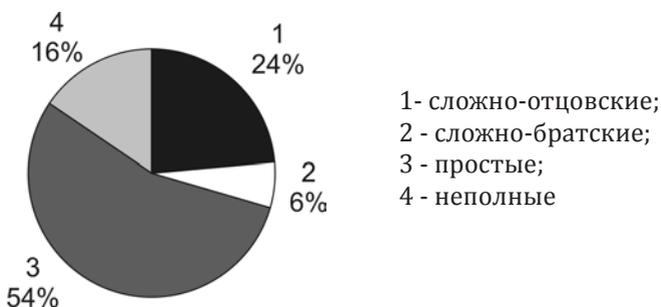

Таблица 3

Семьи	Кол-во	Мужчин в них	Женщин	Всего	Индекс
Сложно-отцовские	28	78	87	165	5,9
Сложно-братские	10	37	37	74	7,4
Простые	97	142	134	276	2,8
Неполные	95	44	51	95	1,0
Всего	230	301	309	610	

Еще одним типологически важным показателем является количество детей на одну семью (см. табл. 4). Подсчеты показывают, что у греков Перевала он составляет 1,6. Бездетными указаны в основном пожилые пары, дети которых проживают отдельно. В большинстве семей (62) по одному ребенку (62), немногим менее (48) – по два. В каждой десятой семье – по три. Лишь в 4 семьях имелось четверо детей. В целом такая ситуация вполне соотносима с большинством этнических групп Украины на современном этапе. При этом респонденты отмечали, что до депортации количество детей было значительно большим.

Таблица 4

Количество детей в греческих семьях Доброго

Кол-во детей	0	1	2	3	4
Кол-во семей	115	62	48	10	4

В контексте этнологического изучения греков Крыма показательным также является этнический состав греческих семей Перевала (см. табл. 5). Немногим менее половины греков данного сельсовета проживают в моноэтнических греческих семьях, что, несомненно, способствует воспроизводству собственной этничности. Вместе с тем политические события XX в. повлияли на то, что часть греков Доброго, сохраняя ряд выразительных признаков (в том числе и самосознание), вынуждены были официально декларировать другую национальность. Примером такого являются греческие семьи записанные как «русские». Сохранение моноэтнических семей вполне отвечает тенденциям в брачном поведении греков – стремлению к созданию гомогенных союзов.

Тем не менее треть греческих семей Доброго относятся к смешанным, т. е. к тем, которые были созданы с представителями другой национальности. Показательно, что доминируют в таких семьях в качестве брачных партнеров «русские» (больше 90% от всех биэтнических семей). Существенную часть составляют греко-украино-русские семьи. Условия совместного проживания в депортации привели к появлению в греческих семьях татар, немцев, узбеков, армян. Однако такие брачные союзы единичны.

Таблица 5
Этнический состав греческих семей Добровского с/с

Состав семей	Кол-во	%
Греческие	69	47,9
Греческие*	23	16,0
Греко-русские	33	22,9
Греко-украино-русские	11	7,6
Греко-татарские	2	
Греко-армянские	2	
Греко-украинские	1	
Греко-узбекская	1	
Греко-немецкая	1	
Греко-азербайджанская	1	
Всего	144	100,0

*Моноэтнические греческие семьи, декларируемая национальность которых не совпадала с идентичностью (в официальных документах фиксируются как «русские»).

Интересны результаты предоставляют похозяйственные книги для раскрытия особенностей антропонимии – имена и фамилии жителей.

Мужские имена характеризуются широким диапазоном – на 296 человек зафиксировано 67 вариантов. Наиболее популярными можно признать имена Георгий (более 11%), Иван (9%), Константин (8%). Имен Александр, Николай и Юрий – по 7%. Немногим меньше – Дмитрий, Владимир, Федор и Василий (от 6 до 3%). Эти десять имен носят 182 мужчины, или 61,5 % от всех греков мужского пола общины. Греческую самобытность подчеркивает наличие таких форм, как Харлампий, Христофор и Анастас (по 4 человека), Янис и Демосфен (по 2), а также Ахиллес, Кириаки, Панайот, Ставрий, Триандафил, Фемистокл. Межкультурное взаимодействие иллюстрируют имена: Шота, Ян, Альберт, Тигран, Фарид.

Частота мужских имен в греческом населении Добровского с/с

Георгий	34
Иван	26
Константин	21
Александр, Николай, Юрий	18
Дмитрий	15
Владимир	13
Федор	10
Василий	9
Алексей	7
Виктор, Григорий, Павел, Петр, Сергей	5
Анатолий, Андрей, Евгений, Харлампий, Христофор	4
Анастас, Валерий, Олег, Савва	3
Агафон, Демосфен, Денис, Илья, Леонид, Михаил, Степан, Янис	2
Авраам, Автондил, Альберт, Артем, Ахиллес, Богдан, Борис, Вадим, Демьян, Евстафий, Ефим, Захар, Игорь, Кириаки, Кирилл, Лазарь, Максим, Марис, Марс, Панайот, Спиридон, Ставрий, Тигран, Тимофей, Триандафил, Фарид, Феликс, Фемистокл, Феодосий, Феофан, Филипп, Фома, Шота, Ян	1

Женские имена распределялись примерно в таком же диапазоне – 67 вариантов на 312 человек. Это парадоксально, поскольку женский именник обычно значительно более бедный. Абсолютным лидером здесь являлось имя Елена – его носили почти 14% всех женщин. Примерно по 7% были названы Валентинами и Мариями; по 6% – Софьями и Татьянами, немногим меньше – Натальями, Нинами, Ольгами. Далее у женщин наблюдается более равномерное распределение имен, частота их снижается постепенно – лишь 156 человек или ровно половина носили 10 самых популярных имен. Этнокультурную принадлежность маркировало присутствие таких имен, как Афина, Деспина, Симела, Клеомара, Минадора, Муза, Паласа, Сишела, Ставрия и др. Кросскультурные заимствования проявляются в бытовании имен Алие, Виолетта, Жанетта, Каринэ, Фариды, Элеонора, Эльмира, Эмма.

Таблица 7

Частота женских имен в греческом населении Добровского с/с

Елена	43
Валентина	20
Мария	18
София	15
Татьяна	14
Наталья, Нина, Ольга	12
Анна	10
Екатерина, Людмила	9
Ирина	8
Марина	7
Александра, Анастасия, Галина, Елизавета, Светлана	6
Лидия, Лилия, Любовь	5
Вера, Виктория, Лариса, Надежда	4
Алла, Антонина, Деспина, Евгения, Полина, Тамара	3
Варвара, Евдокия, Зинаида, Зоя, Прасковья, Раиса, Рената, Симела	2
Акилина, Алена, Алие, Алине, Ангелина, Афина, Виолетта, Дарья, Жанетта, Инна, Каринэ, Клеомара, Клеонора, Ксения, Маргарита, Мелания, Минадора, Муза, Паласа, Сисела, Ставрия, Таисия, Фарида, Христина, Элеонора, Эльмира, Эмма, Юлия	1

Важным показателем в антропонимии являются фамилии. На 394 греков Доброго приходилось 177 фамилий. На самом деле еще меньше, т. к. проживание в иноэтнической среде значительно трансформировали исходные формы. Так, например, Томарлиди фиксируются и как Томарли, Томарлы, Томирли. Менялись также фамилии в результате замужества и трагических обстоятельств XX в. – греков с явно негреческими фамилиями в Добром проживало около 70 человек, т. е. каждый седьмой. Но в основном были сохранены и корневая семантика, и грамматические конструкции.

Все фамилии греков Доброго выразительно отображают этнокультурное прошлое. В морфологическом плане показательно распределе-

ние суффиксов. Немногим более половины (200 из 394) фамилий завершаются на -иди (Треандофилиди, Кириакиди, Макриди, Сарваниди и т. п.). Еще 16% – на -пуло (Саввопуло, Папандопуло, Сидиропуло, Кинегопуло, Кондопуло и т. д.). Т. е. не менее двух третей сохраняют свои исходные «понтийско-греческие» формы. Значительна также группа антропонимических названий с суффиксами -ик (10), -чи, -джи, -оглу (6) – реликтами османской семейной системы. Маргинальным типом являются безсуффиксные фамилии, часть из которых – простая патронимическая форма (например, Яни) – бывшая кличка. Таких мы насчитали 22. И наконец, группы суффиксов, которые отражают российскую семейную систему: -ов, -ев (68) и -ин (7) (например, Авджи-ев, Апостолов, Ахмадулин и др.) или польско-украинскую (-ко, -цкий, -айло (17)). Вместе они составляют почти четверть от всего числа фамилий греков Доброго, что следует расценивать как результат ассимиляционных процессов в условиях периодических репрессий.

Таким образом, обобщенные данные этносоциальной паспортизации греческого населения сельсовета Доброе на 2002 г. позволяют охарактеризовать некоторые общие тенденции начала XXI в. При введении аналогичных источников по другим поселениям региона станет возможным создание общей модели этнических и социальных свойств населения в условиях перехода. А пока из проведенного анализа одного села очевидны следующие моменты.

1. Греческое население в районе Перевала составляет значительную группу в абсолютных данных и долевым отношении. Оно сочетает в себе свойства коренной группы с миграционными качествами – возвращение из депортации и переселения кавказских урумов, достаточно массовый отъезд на заработки или постоянное место жительства.

2. В демографическом плане население представляло собой регрессивную общность. И по половозрастному составу, и по коэффициентам естественного движения отмечена негативная тенденция к убыли группы. Количество греков в сравнении с материалами Переписи 2001 г. в регионе (всего по району – 517) оказывается несколько большим по нашим подсчетам (только по одному, пусть и базовому сельсовету – 610).

3. Анализ структуры и состава семей позволяет говорить о доминировании нуклеарной семьи с существенным присутствием сложно-семейных коллективов (30%), в которых проживают более трети всего греческого населения поселка. Это наблюдение может способствовать пересмотру господствующей в историографии мысли о фрагментар-

ном и эпизодическом присутствии сложных семей в Украине на современном этапе. При общей схеме перехода от большой к малой семье эти трансформации имели свои многочисленные варианты. В нашем случае мы имеем дело не просто с реликтом предыдущих этапов эволюции, а с вполне четким социальным институтом, порожденным факторами переселения и экономической солидарности переходного периода.

4. Анализ антропонимических данных по греческому населению Доброго показывает этнокультурную специфику населения (преобладание греческих форм в фамилиях, именах). При этом антропонимы отображают сложности скитаний греков по различным социокультурным средам (присутствие османских, украинно-польских и российских морфологических принципов в фамилиях, заимствования в отдельных именах).

В целом отметим, что мы имеем дело с общностью в процессе перехода. В количественных данных этого периода как отразились свойства советского времени, так и наметились инновации, которые развернутся в последующем и приведут к новому качественному состоянию.

Список источников и литературы

1. Араджиони М. А., Пригарин А. А., Самаритаки Е. С. Информация о проведении в 2001–2002 гг. полевого историко-этнографического и этносоциологического исследования греческого населения Крыма // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования* / Отв. ред. М. А. Араджиони и Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С. 421–425; Араджиони М. А., Пригарин О. А., Самаритаки Е. С., Станко В. Н. Греки Півдня України: інформація про початок дослідницької програми // *Записки історичного факультету ОНУ ім. І. І. Мечникова*. – Вип. 12. – Одеса, 2002. – С. 534–536.
2. Кондратьев В. С. К методике обработки похозяйственных книг в этносоциологическом исследовании // *Вопросы методики этнографических и этносоциологических исследований*. – М., 1970. – С. 16–24; Пригарин О. А., Брейтман Ю. Ю. Господарські книги сільрад як етнологічне джерело // *Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація на Півдні України і актуальні проблеми державного управління*. Матеріали регіональної науково-практичної конференції. - Ч. 2. – Одеса, 1996. – С. 51–52; Павлишин А. Т. Этносоциологические методы в экспедиционных исследованиях Подунавья (на

- материалах села Мирное Килийского района Одесской области) // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Збірка наукових робіт, присвячена 135-річчю ОДУ ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2000. – С. 393–398; Пригарин А. А. Этносоциальные характеристики села Буджака: материалы похозяйственных книг с Муравлевки 1940-х гг. // Человек в истории и культуре. Сборник научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко. – Одесса – Терновка, 2007. – С. 296–311 и др.
3. Пригарин А. А. Этнодемографическая характеристика современного греческого населения Крыма: группа переселенцев с Кавказа // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования / Отв. ред. М. А. Араджиони и Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С.104–108.
 4. Національний склад населення АР Крим та його мовні ознаки / Кримське республіканське управління статистики. – Статистичний збірник 4. – Сімферополь, 2003.
 5. О сложной судьбе греков полуострова см.: Греки в истории Крыма. – Симферополь, 2000.
 6. Записано со слов Смирновой (Фотиади) Эммы Владимировны, 1929 г. р.
 7. Записано со слов Фотиади Степана Георгиевича, 1942 г. р.
 8. По принятой в демографии типологии три возрастные группы – дети (до 15 лет), взрослое население (16–50 лет) и старики (51 год и старше) должны распределяться при прогрессирующем населении 40:50:10, при стабильном – 25:50:25 и при регрессирующем – 20:50:30 (Тотев А. Демографско-исторически очерк на България // Годишник на Софийски университет. Юридически факултет. – София, 1974. – Т. 65. – С. 169).
- ¹ Определяется согласно формуле $m = \frac{M}{P \times T} \times 1000$, где M – количество умерших, P – средняя численность населения, а T – продолжительность периода (Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. – М., 1997. – С. 199–200), а рождаемость – по коэффициенту соотношения числа рождений одного года к средней численности населения: $n = \frac{M}{P} \times 1000$, где N – число рождений за данный период; P – среднегодовое число населения (Там же. – С. 15–50).

Використання усної історії в історико-етнографічних дослідженнях першої половини ХХ ст.

Основний інструмент роботи етнографа – польові дослідження – залишився майже незмінним протягом всього існування етнографічної науки. Значна частина цих досліджень так чи інакше пов'язана із отриманням даних в ході безпосереднього, усного спілкування з представниками того чи іншого етносу – носіями відповідної духовної та матеріальної культури.

Етнографія, хоч і досить тісно пов'язана із історичною наукою (вивчення етнографічних дисциплін саме на спеціальності «історія», проходження в деяких вищих навчальних закладах студентами-істориками етнографічної практики тощо), однак майже нічого не взяла з методики дослідження та інструментарію історичної науки. Проте серед тієї незначної кількості методів, які можуть одночасно бути корисними для обох наук, чільне місце належить усній історії.

Усна історія як методика отримання даних безпосередньо від учасника історичного процесу виникла в другій половині ХХ ст. і почала активно використовуватися тими істориками, які побачили в ній альтернативу традиційній роботі з писемними джерелами. Як зауважує голова Української асоціації усної історії Г. Грінченко, «усна історія не може бути повноправним „розділом” у межах історичної науки – це методика, яку можна використовувати в будь-якій її галузі» [1].

Усна історія як методика історико-етнографічного дослідження розглядається в багатьох працях як зарубіжних (переважна кількість), так і російських та вітчизняних антропологів, етнографів та істориків. Серед цікавих, на наш погляд, та дотичних до теми нашого дослідження можна виділити роботу Р. Хейдена «Діалог з минулим: дослідження шляхом усної історії етнічних сусідів та населення Бостона», що розповідає про перші роки існування китайської, ірландської, іспанської та італійської етнічних спільнот в Бостоні [2]; статтю Г. Окіхіро «Усна історія та написання етнічної історії: розвідка методів та теорії», присвячену саме методичним аспектам використання усної історії в етнографічних дослідженнях [3]; статтю К. Полл «Більш ніж читання книг: використання усної історії в курсах з расових та етнічних відносин», у якій мова йде про впровадження історико-етнографічних аспектів усної історії в навчальний процес [4] тощо.

Окрім методики дослідження, усна історія пов'язує також і офіційні історичні та етнографічні установи й організації. Так, Українська асоціація усної історії має тісні зв'язки з Національним історико-етнографічним заповідником «Переяслав», співробітники якого беруть участь у спільних проектах з Асоціацією. Крім того, сам термін «польові дослідження» використовується як в етнографічних експедиціях, так і в роботі вчених, діяльність яких пов'язана з усною історією. Проте, незважаючи на порівняно невеликий відсоток етнографічної складової в практиці польових досліджень, більшість напрямів усної історії все-таки стосується безпосередньо історичних явищ і процесів.

Окрему увагу в цьому сенсі заслуговує робота В. Нолла «Трансформація громадянського суспільства. Усна історія української селянської культури 1920–30-х років» [5]. Автор розглядає злам традиційної культури українського селянства, який було спричинено масовою колективізацією на селі в 1920–1930-і рр. Іншими словами, у своїй роботі В. Нолл приділяє увагу як історичному аспекту свого дослідження (колективізація, селянське громадське життя до та після колективізації), так і етнографічному (трансформація домашнього виробництва, шлюбно-сімейних відносин тощо). Саме так він її і оцінює: «дана робота ґрунтована на усних історіях, тобто вона є настільки ж етнографічною, настільки й історичною. В певному сенсі можна розглядати її як етнографію колективізації – етнографію історичної події. Вона використовує безпосередні опитування, отже, це історія, що ґрунтується на етнографічному дослідженні. Дослідження являє собою зібрання усних історій (розповідей), записаних від старших селян. За методологією та цілями це дослідження є етнографічним та історичним» [6].

Дослідження проводилося в 1993–1995 рр. і охоплювало понад 400 селян, що проживали переважно в Наддніпрянській Україні. Про масштаб проведеної роботи може свідчити питальник, детально розроблений учасниками проекту. Питальник складався з 320 питань, значна частина яких стосувалася безпосередньо етнографічної складової дослідження, наприклад:

- як називалися голоси?
- на скільки голосів співали у вашому селі?
- чи на всіх кутках співали на стільки голосів?
- голоси переходили з кутка на куток?
- була конкуренція між кутками у співі? (група «Голоси, куток»);
- які інструменти були у весільних ансамблях ваших батьків, баби та діда?

- скільки заробляли музиканти? Як люди платили: перед весіллям, під час чи після? Чи музиканти брали додому рушники, їжу, горілку?
- чи частина весілля відбувалася в шинку? Котра частина? (група «Музиканти, шинок»);
- чи ви бачили старців? Де?
- старці були тільки чоловіки, чи були й жінки (старчихи)?
- були старці з вашого села? (група «Старці»);
- якщо ви пам'ятаєте веснянкові, русальні і купальські обряди, то до якого часу вони існували в вашому селі за вашої пам'яті?
- якщо ви пам'ятаєте веснянки, то які були найбільш розповсюджені у вашому селі: закличні, хороводні, жартівливі?
- чоловіки співали разом з жінками, які пісні? Чи була це стала традиція? (група «Обрядові пісні»);
- коли і як виник місцевий гончарний промисел?
- чи виготовляли у вашому селі посуд вдома?
- яка глина застосовувалася в місцевому гончарному промислі? Які сорти глини розрізняли гончарі? Як вони називалися?
- на якій глибині від поверхні ґрунту є поклади гончарних глин?
- хто і в яку пору року добував гончарну глину?
- опишіть спосіб замішування глини,
- хто і коли орнаментував посуд?
- яким інструментом наносився орнамент? (група «Гончарство»);
- який був національний склад села? Чи були євреї? Скільки? Росіяни? Скільки? Поляки? Скільки?
- якою мовою читали проповіді в церкві?
- чи були у вашому селі маляри (богомази), які малювали ікони, картини?
- чи мали богомази учнів? Майстерню?
- чи майстер малював ікони і для людей, і для церкви?
- Чи ви пам'ятаєте, як маляр писав образи:
 - а) які фарби вживав? Чи золотив?
 - б) які дошки заготовляв на ікони?
 - в) хто ткав полотно для майстра?
 - г) де сушив, де зберігав? (група «Богомази»);
- скільки образів звичайно було в хаті?
- як розвішували ікони в хаті? Чи чіпляли рушники на всі ікони?
- що робили зі старими іконами?
- чи завішували ікони під час посту або танців й гулянь?
- що говорили, коли траплялися сварки при іконах?

- кому потрібно молитися, щоб:
 - а) збулося задумане;
 - б) щоб дитина почала ходити;
 - в) щоб благополучно закінчилися пологи;
 - г) щоб прогнати злих духів;
 - д) щоб прозріти від сліпоти;
 - е) щоб позбутися від лихоманки;
 - є) щоб був дощ;
 - ж) щоб не мучилися померлі без покаяння;
 - з) щоб відвернути вогонь від житла?

- чи пам'ятаєте хресні ходи з іконами? (група «Вірування») [7].

Матеріали дослідження В. Нолла свідчать навіть про такі деталі, які зазвичай маловідомі або мають певні особливості в кожному селі, на що можуть вказувати нижченаведені фрагменти інтерв'ю:

«- Було в селі багато майстрів?

- Ковалі, бондарі, стельмахи, шніцери були.

- Хто такі шніцери?

- Це художня оковка карети. У Квітках був шніцер, колісник був потомственный. Він з тобою балака, а шницю теше – віртуоз був.

- Гончарі були?

- Були і гончарі. Всі ці промисли в народі жили. І для своїх потреб це випускалось» [8].

Або:

«- Чим нитки фарбували?

- Фарбували то і повняками, або чорнобривці й гвоздики. То це як треба було нитки, дивлячись до чого й які, то фарбують. А то і в дубовій корі, і в вільсі. Варять, туди кидають нитки, мотають та такими мотками покрасять, кип'ятять дуже гарно» [9].

Автор обґрунтовано доводить, що саме колективізація призвела до руйнації традиційної селянської культури.

Крім того, добу колективізації на півдні України вивчають учасники польових досліджень історичного факультету Запорізького державного університету на чолі з професором А. В. Бойко, які шляхом подібного анкетування також проводили опитування живих свідків тих подій.

Список джерел і літератури

1. Грінченко Г. Усна історія – теорія, метод, джерело // Невигадане: Усні історії остарбайтерів / Автор-упоряд., ред., вступ. ст. Г.Г.Грінченко. – Харків, 2004. – С. 13.

2. Hayden, Robert C., Ed. A Dialogue with the Past: Oral History Accounts of Boston's Ethnic Neighborhoods and People. Education Development Center, Inc., Newton, MA., 1979. – 233 p.
3. Okihiro, Gary Y. Oral History and the Writing of Ethnic History: A Reconnaissance into Method and Theory // The Oral History Review. – Vol. 9. – 1981. – P. 27–46.
4. Poll Carol. More than Reading Books: Using Oral Histories in Courses in Race and Ethnic Relations // Teaching Sociology, Vol. 23, No. 2, Teaching about Inequality and Diversity: Age, Class, Gender, and Race / Ethnicity (Apr., 1995). – P. 145–149.
5. Нолл Вільям. Трансформація громадянського суспільства. Усна історія української селянської культури 1920–30-х років. – К., 1999. – 560 с.
6. Там же. – С. 29.
7. Там же. – С. 514–522.
8. Там же. – С. 69.
9. Там же. – С. 73.

Пространственные аспекты межэтнических отношений в современном Крыму

Проблема воспитания и сохранения толерантности всегда имела огромное значение для стабильного существования любой общественной системы. Особенную роль воспитание толерантности приобретает на территориях, население которых отличается высокой мозаичностью культур, конфессий, присутствием различных этнических групп.

В крымском региональном сообществе народов и этносов процесс формирования толерантности сталкивается с определенными трудностями, связанными с преодолением межэтнических противоречий. Причины их возникновения не имеют этнической природы, поскольку на бытовом уровне отношения между этническими группами Крыма традиционно толерантны. Этническая напряженность возникает в тех случаях, когда политическая воля этнических элит направляется на решение экономических или конфессиональных проблем посредством этнической мобилизации.

Основная масса межэтнических противоречий в современном Крыму существует между двумя наиболее влиятельными и многочисленными культурно-историческими группами полуострова: славяно-православной и тюрко-мусульманской. Возникновение этих противоречий во многом обусловлено региональными факторами.

Репатриация ранее депортированных из Крыма народов – один из наиболее серьезных факторов, определяющих возникновение этнических, конфессиональных и социально-экономических вариантов противоречий. Возвращение и обустройство крымских армян, болгар, греков, немцев и крымских татар на свою историческую родину в силу отсутствия в Украине необходимой законодательной базы, несбалансированности программы приема репатриантов, расселения и наделения их необходимыми условиями жизнеобеспечения, сложной социально-экономической ситуации периода становления молодого украинского государства привели к усложнению процесса адаптации репатриантов в новой социально-экономической и этноконфессиональной среде. Адаптационный процесс усложнялся из-за противоречий и неспособности «старых и молодых» этнических, конфессиональных, бюрократических и политических элит Крыма идти на договорные компромиссы, желания элит различными способами сохранить «свой» властный ресурс.

Сам факт существования на полуострове межэтнических противоречий, пусть даже в скрытой форме, автоматически становится значительным противовесом толерантности, которая во все времена являлась стержнем стабильного развития Крыма как самого полиэтнического региона Украины. Именно поэтому изучение существующих противоречий в современном этническом поле Крыма имеет первоочередное значение, так как позволит в дальнейшем определить наиболее эффективные способы их преодоления и предотвращения.

Толерантность – явление многоаспектное, ее исследование может проводиться конфликтологией, историей, политологией, философией. Каждая из этих наук дает свои уникальные результаты. Один из особых подходов в изучении толерантности предлагает экономическая и социальная география. Эта наука располагает возможностью исследования пространственных аспектов межэтнических отношений. Смысл географического подхода к изучению межэтнических взаимодействий заключается в выявлении пространственно-временной динамики существующих противоречий, выделении районов и ареалов с высокими показателями межэтнической напряженности.

Для установления вышеуказанных пространственных характеристик противоречивости межэтнических взаимодействий нами совместно с А. Б. Швец и И. Г. Беднарским был проведен мониторинг межэтнических противоречий в АРК за период с 1990 по 2006 г. включительно [1].

Весь временной ряд был разбит на три этапа. *Первый этап – с 1990 по 1994 г.* – является периодом зарождения межэтнических противоречий, в течение которого формировались основные векторы противопоставления интересов этнических групп. Было установлено, что пространственная локализация межэтнических противоречий в начале 90-х гг. XX в. характеризуется относительно равномерным распространением по территории Крыма, низкими количественными показателями и бессистемностью, эпизодичностью их возникновения. Всего с 1990 по 1994 гг. было зафиксировано 55 случаев межэтнических противоречий. При этом практически каждый район полуострова как минимум один раз был отмечен как территория, где имела место межэтническая напряженность. Исключение составляли районы северо-запада Крыма – Черноморский и Раздольненский, где межэтническая напряженность практически отсутствовала. Самым высоким уровнем напряженности отличался Симферопольский р-н.

Межэтническая напряженность начала 90-х гг. XX в. сложилась в результате определенных трудностей, возникших в украинском и крымском этнических сообществах. Массовая репатриация крымских татар на свою историческую родину сразу столкнулась с неспособностью и неготовностью украинского государства и крымских властей, находившихся в состоянии системного экономического и политического кризиса, к массовому расселению людей и наделению их необходимыми элементами жизнеобеспечения в сжатые сроки. Это, в свою очередь, вынуждало репатриантов к самостоятельным попыткам решения сложившихся экономических проблем. Нередко попытки крымских татар обустроиться в местах нового проживания приобретали конфронтационный характер. Это вызывало определенное недовольство среди иноэтничного населения, не желавшего мириться с действиями репатриантов. Кроме того, в сознании иноэтничного населения Крыма продолжал активно действовать стереотип общей настороженности послевоенного населения полуострова к незнакомой, активно возрождающейся культуре крымскотатарского народа.

В период с 1995 по 1999 г. в географии распространения межэтнических противоречий наметилось их пространственное сужение и невысокие количественные показатели. В этот период на территории Крыма зафиксировано 42 случая возникновения межэтнической напряженности. Несмотря на то что межэтнические противоречия возникают все так же спорадично по всей территории полуострова, к концу 90-х гг. формируется тенденция образования относительно монолитного поля напряженности на территориях северных районов полуострова. Именно здесь, в местах первичного расселения репатриантов, в означенный период наиболее остро проявила себя проблема перепаявания бывших колхозных земель. Перепаявание земли, проводимое нередко без учета земельных потребностей уже прибывших и продолжавших прибывать из мест депортации крымских татар, вынуждало их собственными силами решать сложившиеся трудности обретения земельных паев. По аналогии с предыдущим пятилетием позиции «лидера» в межэтнической напряженности сохранял Симферопольский р-н.

Наиболее показательным в рассмотрении пространственной динамики этнических противоречий является последний период – с 2000 по 2006 г. В 2000 г. полностью сохраняется тенденция относительно равномерного распространения межэтнических противоречий по территории полуострова с высокой степенью участия районов степного

Крыма, где по инерции предыдущих лет эти противоречия связываются с перепаяванием бывших колхозных земель.

По сравнению с 2000 в 2001 г. в северной части Крыма более активно проявилась тенденция смещения конфликтности к центрально-западным и центрально-восточным районам полуострова. На этом перемещении, очевидно, сказались два фактора: во-первых, к 2001 г. по данным Всеукраинской переписи населения в шесть раз по сравнению с 1997 г. уменьшился поток возвращающихся в Крым репатриантов, составив 1,3 тыс. чел., а во-вторых, наметилась пространственная неравномерность роста крымскотатарского населения. Как свидетельствуют данные Республиканского комитета по делам национальностей и депортированных граждан, за период с 1997 по 2001 г. рост численности репатриантов крымскотатарской национальности произошел во всех городах и районах автономии. Однако темпы этого роста были гораздо выше в городах, чем в сельской местности Крыма. Если темпы прироста крымскотатарского населения в городах Крыма составляли в течение указанных пяти лет от 3,0% в Керчи до 14,6% в Симферополе, то в сельских районах Крыма, за исключением Судакского, они варьировали от 2,0–2,5% в Бахчисарайском и Нижнегорском р-нах до 0,2–0,4% в Первомайском и Черноморском р-нах. Эти пространственно-демографические изменения в жизни крымских татар свидетельствуют о том, что в их среде произошло «некоторое расслоение» [2]. Часть репатриантов сумела преодолеть трудности возвращения и укоренилась в местах первичного поселения в Крыму, часть – так и не смогла адаптироваться к условиям жизни и трудовой деятельности в предложенных или выбранных самостоятельно населенных пунктах. Для улучшения своего положения в финансовом, имущественном, профессиональном плане эта часть репатриантов «стала проявлять мобильность и стремление к миграции внутри полуострова».

Межрайонная миграция крымских татар формировалась избирательно. В своих перемещениях они стали выбирать те районы и города полуострова, где имелись преимущества в уровне жизни населения и разнообразии в способах ведения бизнеса. Активное участие репатриантов в конкуренции за землю, места на рынках, в бизнесе, престижных видах трудовой деятельности не могло не сказаться на поведении и реакции крымского населения иных национальностей в тех районах, куда устремлялись внутрикрымские мигранты.

Но не только фактор экономической выгоды территории стал основополагающим для внутрирегиональной миграции. Сосредо-

точение крымскотатарского населения в предгорных районах – это индикатор его пространственной устремленности к возвращению в ландшафтную среду горно-прибрежного Крыма. Исторически сложилось так, что крымские татары занимали в начале XX в. наиболее комфортные в климатическом и гидрографическом отношении участки крымского полуострова – предгорье и южное побережье. Лишившись их в результате депортации 1944 г., а также искусственного сдерживания местными властями процесса репатриационного расселения в начале 90-х гг., крымские татары были не удовлетворены схемой их современного расселения преимущественно в степных регионах полуострова [3]. Формирование на территории современного Крыма предгорного и южного побережного ареалов повышающейся численности тюрко-мусульманского населения, зафиксированное Всеукраинской переписью 2001 г., свидетельствует о необходимости учета этого фактора при составлении любых перспективных схем застройки и земельного обустройства этих территорий. Игнорирование поликультурного характера развития территорий чревато дестабилизацией всей общественной системы региона.

Особенностью 2002 г. можно считать его маргинальный характер. Этот год стал своеобразным пограничьем между постепенным сдвигом противоречий и конфликтных ситуаций из северных районов полуострова в центр и окончательным закреплением подавляющего числа конфликтных ситуаций в центральных (Симферопольский, Бахчисарайский, периодически Белогорский) и южного побережья (Ялтинский, Алуштинский, Судакский, а с 2004 г. и Феодосийский). Проявления межэтнических противоречий в указанных выше районах и горсоветах полуострова фиксировались и в предыдущие годы. Но плотность их локализации в южное побережье была невелика, по сравнению со степным Крымом. С 2003 по 2006 г. подавляющее количество межэтнических противоречий на социально-экономической или конфессиональной почве концентрируется в центральных и южного побережья районах и горсоветах [4]. Отметим, что с 2003 г. количественные показатели, зафиксированных средствами массовой информации межэтнических противоречий в Крыму, постоянно возрастали. Рекордным стал 2006 г., который во многом является показательным. Все выявленные проявления конфликтного поведения сосредоточены в Симферопольском, Бахчисарайском, Белогорском р-нах и в Ялтинском, Алуштинском, Судакском, Феодосийском горсоветах. Учитывая рассмотренные тенденции пространственной динамики межэтнических противоречий,

можно утверждать, что в центральном, предгорном и южнобережном Крыму сформировался ареал устойчивой межэтнической напряженности, отчетливо обозначившийся в последние пять лет.

Таким образом, наличие межэтнических противоречий, формирование ареала устойчивой напряженности прямо указывают на существование в Крыму определенных проблем на пути становления толерантности. Не учитывать этот фактор в жизни крымского многонационального сообщества недальновидно. Воспитание толерантности заканчивается там, где начинаются недомолвки и приукрашивание действительности.

Список источников и литературы

1. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Проявления социокультурной конфликтности в Крыму // Культура народов Причерноморья. – № 73. – 2006. – С. 165–176.
2. Финогеев Б. Л., Мельник С. В. и др. Внутрорегиональные перемещения крымских татар в аспекте занятости и повышения качества жизни. – Луганск, 2004. – С. 34.
3. Швец А. Б. Этноконфессиональное пространство Крыма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География. – Т. 17(56). – № 4. – С. 233–241.
4. Швец А. Б., Беднарский И. Г., Яковлев А. Н. Указ. соч. – С. 165–175.

Раздел III

Источники и история изучения этносов Крыма

Путешествие в Крым Анатолия Демидова

Анатолий Николаевич Демидов родился в Москве. В возрасте пяти лет потерял мать, в 1828 г. – отца. Жил до 1822 г. в Париже, в 1830 г. вернулся в Россию, в Москву. Богатый наследник имел два миллиона рублей дохода ежегодно. Кроме того, Анатолий унаследовал от отца, бывшего русским посланником во Флоренции, колоссальное художественное богатство: собрание картин, мрамора, бронзы и разных редкостей. Он приумножил оставшееся после отца собрание замечательных произведений живописи, ваяния и бронзы. Для размещения этой коллекции в Петербурге на Васильевском острове в 1833 г. было возведено специальное здание.

В день своего совершеннолетия, 19 марта 1833 г., Анатолий пожертвовал полмиллиона рублей на основание в Петербурге «Демидовского дома призрения трудящихся». Дом взяла под свое покровительство императрица Мария Федоровна, а Анатолий Николаевич Демидов был назначен его попечителем. Дом трудолюбия находился под опекой Демидовых вплоть до 1917 г.

По примеру отца Анатолий Демидов также был щедр на крупные пожертвования. Согласно «Перечню пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям» к 1841 г. сумма средств, израсходованных Анатолием Николаевичем на благотворительные цели, достигала 1 миллиона 637 тыс. рублей. Кроме того, в банк были положены неприкосновенные 518 тыс. рублей, проценты с которых также шли на разные благотворительные нужды.

Действительный статский советник А. Н. Демидов служил в Министерстве иностранных дел, в русских посольствах в Париже, Риме, Вене. Он долго жил в Париже, затем переехал во Флоренцию.

Демидов был почетным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук и искусств и Императорского Санкт-Петербургского университета, а также Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской академий наук, которых не забывал своей благотворительностью. Продуктивной была деятельность Анатолия Демидова на посту президента Императорского минералогического общества, которое он возглавлял и финансово поддерживал с 1844 по 1865 г.

Анатолий Николаевич, очень редко навещающий Россию, сам пробовал писать статьи о российской жизни. В 1838–1840 гг. в «Журнал

де Деба» он публикует цикл статей под псевдонимом Ни-Таг (Нижний Тагил).

Великий герцог Тосканский, во владениях которого находилось имение Демидовых Сан Донато, возвел Анатолия Николаевича Демидова в графское достоинство. В 1840 г. Анатолий получил от герцога княжеский титул, а в 1841 г. князь Сан Донато женился на принцессе Матильде де Монфор, дочери Жерома Бонапарта, короля Вестфальского, брата императора Наполеона I Бонапарта.

Крымская война не оставила русского душой Анатолия равнодушным. В январе 1854 г. А. Н. Демидов пишет Николаю I, что он представляет в распоряжение государя все свое имение и все свои заводы, и получает высочайшую благодарность от двух императоров – российского и французского – за создание в Одессе и Марселе агентств для помощи военнопленным.

Все вышеописанное говорит о серьезности замыслов князя Сан-Донато, о знании литературы, живописи и других искусств, хотя огромное состояние, круг общения и молодость поощряли в нем безумную роскошь и мотовство. Приведем несколько характеристик Анатолия его современниками. Незвестный автор французской рукописи: «Князь Анатолий Сан-Донато был физически мощная фигура... Он и душой был недюжинный человек, с большим характером и своеобразным умом. В его руках Сан-Донато возросло в какое-то чудо роскоши и артистического достоинства» [1]. В.В. Стасов, «русский секретарь» Анатолия Николаевича: «Демидову посылают, пишут, предлагают, рассказывают и объясняют, кажется, из всех самых затаенных уголков не только Италии, но и всей Европы», и далее Владимир Васильевич признается, что благодаря службе у Демидова ему удалось увидеть, узнать и прочесть столько, на что у него ушли бы годы и годы [2].

Заинтересованный в развитии горного дела в отечестве, Анатолий Демидов в 1837 г. снарядил за свой счет ученую экспедицию для изучения Южной России и Крыма. Экспедиция обошлась А. Н. Демидову в 500 тыс. франков. В этой замечательной по важности полученных результатов экспедиции приняли участие 22 лица, в том числе несколько выдающихся ученых и художников, во главе со знаменитым профессором горной парижской школы Ф. Ле-Пле. В экспедиции принимал деятельное участие знаток горного дела граф С. Г. Строганов.

К путешествию Анатолий Николаевич готовился заранее: «Давно уже занимала меня мысль о путешествии в южные провинции России». Испросив разрешение и одобрение императора Николая I, путе-

шественники могли надеяться найти у местного начальства «самый радушный прием, самое полное содействие» [3].

Наметим лишь пунктиром те местности Крыма, изучению которых экспедиция Анатолия Демидова посвятила три месяца 1837 г. Надо отметить, что экспедиции повезло: ожидали скорого прибытия в Крым императора Николая I, и все было чисто, убрано, к путешественникам относились предупредительно и с уважением.

14 августа осматривали окрестности Ялты, посетили деревню Дерекой. Сам граф Воронцов помогал им составить маршрут путешествия. 15 августа «получили маршрут, в котором были прописаны все места Тавриды, заслуживающие внимания и наблюдения». Согласно маршруту следовало посетить прежнюю столицу крымских ханов Бахчисарай, Севастополь с его огромным морским арсеналом, древний Херсонес. Проводника также прислал князь Воронцов, это был унтер-офицер роты ялтинских арнаутов Михаил Барбо-Кристи. Смотритель Бахчисарайского дворца господин Бобович принял рекомендованных генерал-губернатором путешественников очень приветливо. 16 и 17 августа осматривали Бахчисарай, на следующий день бродили по Чуфут-Кале, из «приятностей» здешней жизни отметили две прекрасные турецкие бани, похвалили вегетарианское питание простого народа, сделали небольшую заметку об учебных заведениях татар. 19 августа на четырех телегах отправились в Севастополь. Весь Черноморский флот стоял в гавани, ожидали прибытия князя Меншикова, который намеревался делать смотр флоту.

Далее были осмотрены Инкерманские развалины, Херсонесский маяк, Балаклавская гавань, Байдарская долина, Ласпи. Проехали Мшатку, Мухалатку и достигли Кастрополя, фамильного имения Демидовых. 28 августа 1837 г. путешественники остановились в имении руководителя экспедиции.

Выехав из Кастрополя верхом на лошадях, члены экспедиции через Кучук-Кой, Кикенез и Алупку 29 августа радостно вернулись в Ялту. Занялись классификацией собранных сокровищ, а 1 сентября на пароходе «Петр Великий» направились в Одессу и в Вознесенск, где проходили военные торжества. Здесь художник Раффе удостоился чести быть представленным их императорским величествам, ему поручили «осмотреть в Вознесенске и срисовать все, заслуживающее особенного внимания» [4]. Большой общий смотр происходил 7 сентября.

12 сентября крымская партия вернулась обратно. Морские дороги были перекрыты для проезда императорского двора в Крым, поэтому

они отправились сухим путем. Одесса, Николаев, Херсон – и вот 14 сентября прибыли в Перекоп – ворота Крыма. Город Козлов (Евпатория) был определен местом встречи участников, прибывших из Вознесенска и остававшихся в Крыму. День общего сбора назначили в пятницу, 15 сентября. Проехали мимо соляных сакских озер, в предместье Евпатории отметили «множество ветряных мельниц о восьми крылах», остановились в гостинице «Трактир „Эвпатория”», где и занялись препарированием собранных птиц, рыб и растений, чтобы сохранить их для науки.

Утром 17 сентября обошли большую часть города, осмотрели мечеть Джума-Джами, сверление артезианского колодца и снова отправились в путь. В Симферополе готовились к приезду императора, но губернатор Муромцев принял их приветливо. Познакомились с ученым Х. Х. Стевенем, который «подобно тому как некогда Паллас, живет в Крыму в приятном уединении, посвящая свое время исключительно наукам», и бывшим губернатором Тавриды А. И. Казначеевым, чей кабинет с раковинами Черного моря и костями ископаемых животных заинтересовал путешественников. «Прекрасный замок и чудесная каштановая аллея» в Саблах – имении бывшего Таврического губернатора А. М. Бороздина (с. Каштановое), равно как и суконная фабрика, также заинтересовали их. Два дня ушло на восхождение на Чатыр-Даг. Вернувшись в Симферополь, осмотрели подготовленную по случаю ожидаемого прибытия императора выставку «крымских сельских и промышленных произведений», с удовольствием познакомились и поговорили с давно живущим в Крыму швейцарцем Карлом Монтандоном, автором первого путеводителя по Крыму на французском языке (Одесса, 1834). Затем экспедиция направилась в Восточный Крым.

Из Симферополя выехали 21 сентября. Столице Крыма в описании путешествия отведены полных три страницы [5]. В Карасубазаре (г. Белогорск) за небольшую взятку мусульманским духовным особам они получили возможность присутствовать при пляске дервишей, которая подробно ими описана как «более смешная нежели важная» [6]. Полюбовавшись скалами Ак-Кая, с сожалением заметили, что в здешних камнях нет тех свойств, которые «делают их годными для литографии» [7]. 24 сентября выехали из Карасубазара в Феодосию. «Крымскому Константинополю» посвящены целых 14 страниц [8], притом экспонаты Феодосийского музея древностей описаны на двух страницах. В Коктебеле натуралисты нашли много любопытных ископаемых, в Старом Крыму – неизвестно кем разрытые курганы. В Фео-

досии к ним присоединился Ле-Пле для осмотра Крыма в минералогическом отношении, и 4 октября, закутанные от холодного ветра в плащи, все покатили в Керчь.

29 сентября члены экспедиции начали обратный путь: снова Керчь, Феодосия, Отузы, Кутлак, Капсихор, Туак, Куру-Узень, Алушта, Ялтинская гостиница Бартолуччи. Зима в 1837 г. началась довольно рано: утром путешественники увидели, что вершины гор покрыты снегом.

Краткое описание работы Демидовской экспедиции увидело свет уже в 1838 г. в Париже. Капитальный четырехтомный труд был также издан на французском языке в 1840–1842 гг. (второе издание – в 1854 г.). По обычаю того времени книга открывается портретом Николая I и посвящением ему [9]. К изданию прилагались два крупноформатных тома атласов с гравюрами О. Раффе, который считался одним из лучших французских баталистов, отлично рисовал карикатуры и иллюстрации к литературным произведениям. Первый том атласа вышел в 1842 г. 95 цветных изображений животных, птиц, минералов выполнены Раффе под наблюдением профессора А. Д. Нордмана. Кроме иллюстраций, этот том содержит четыре цветные карты: Карту Донецкого бассейна; Общую карту к путешествию в Россию; Карту Крыма к путешествию в Россию; Геологическую карту Крыма [10]. Второй том увидел свет в 1848 г., он содержит 100 листов черно-белых иллюстраций: 88 с видами местностей, которые проезжали путешественники, с бытовыми сценками, 12 листов с портретами участников экспедиции [11]. Судя по подписям к ним, гравюры выполнялись в разные годы (1838–1848) по рисункам с натуры, сделанным О. Раффе в 1837 г. Одну из первых книг Анатолий Николаевич послал Шатобриану с письмом: «То, что я там сделал, весьма смело, но в моем возрасте ни в чем не сомневаются». Позже книга издавалась и переиздавалась в разных странах на разных языках. Согласно каталогу «Russica», прижизненные издания в 2 томах вышли в Турине (1845), Лондоне (1853 и 1855), Бреславе (1854), Барселоне (1855), Мехико (1860) [12].

Приводим перечень гравюр крымской тематики из второго тома атласа О. Раффе. Согласно подписям под иллюстрациями указываем дату, когда Огюст Раффе выполнил рисунок, и номер гравюры согласно ее расположению в альбоме [13].

Крым. 1 партия.

1. Фонтан Марии (№ 31).
2. Граф Михаил Воронцов (№ 32).

3. Замок графа Воронцова. 12 августа 1837 г. (№ 33).
4. Вид на селение Ялту. 13 августа 1837 г. (№ 35).
5. Семья татар на прогулке. 15 августа 1837 г. (№ 36).
6. Мечеть ханского дворца. 17 августа 1837 г. (№ 37).
7. Цыгане-кузнецы. 17 августа 1837 г. (№ 39).
8. Татарская баня. 17 августа 1837 г. (№ 40).
9. Вид на Чуфут-Кале. 18 августа 1837 г. (№ 41).
10. Семья караимов. 18 августа 1837 г. (№ 42).
11. Камнерезчик Казас. 18 августа 1837 г. (№ 43).
12. Жилище горных цыган. 18 августа 1837 г. (№ 44).
13. Главная улица Бахчисарая. 19 августа 1837 г. (№ 45).
14. В татарской мясной лавке. 20 августа 1837 г. (№ 46).
15. Вид на Балаклаву. 25 августа 1837 г. (№ 49).
16. Семья байдарских татар. 26 августа 1837 г. (№ 51).
17. Русские крестьяне. 28 августа 1837 г. (№ 52).
18. Школа татарских девушек. 30 августа 1837 г. (№ 53).
19. Жилище татарского крестьянина. 31 августа 1837 г. (№ 54).

Крым. 2 партия.

20. Мажара. (№ 69).
21. Караимы. 1 октября 1837 г. (№ 70).
22. Вид на базар на горе Митридат. 8 октября 1837 г. (№ 71).
23. Вид на Арабатскую стрелку. 14 октября 1837 г. (№ 74).
24. Армяне и татары в кофейне. 18 октября 1837 г. (№ 75).
25. Татарские дервиши. 18 октября 1837 г. (№ 76).
26. Татары на молитве. 19 октября 1837 г. (№ 77).
27. Семья татар в своем жилище. 21 октября 1837 г. (№ 78).
28. Вид на татарскую деревню Алушта. 23 октября 1837 г. (№ 79).
29. Возвращение от фонтана (№ 80).
30. Глава экспедиции в Крым Анатолий Демидов. 1848 г. (№ 89).
31. Огюст Раффе. 1848 г. (№ 94).

На русском языке результаты работы экспедиции были опубликованы отдельным томом – «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 Анатолием Демидовым», вышло в 1853 г. Обо всех посещаемых странах даны краткие исторические сведения, этнографические зарисовки, статистические сведения. Половина книги общим объемом в 544 страницы посвящена Крыму.

В тексте книги на отдельных листах размещены 25 гравюр О. Раффе (в имеющемся в библиотеке «Таврика» экземпляре одна иллюстрация отсутствует), из них восемь гравюр посвящено Крыму.

Рисунки на отдельных листах, приклеены в центре паспарту, положены папиросной бумагой. В связи с тем, что книга раритетная и во многих экземплярах иллюстрации отсутствуют, приводим перечень рисунков и их размещение на страницах оригинала книги [14]:

1. Портрет Николая I, гравюра с рисунка Ф. Крюгера (авантитул).
2. Абенвильский завод (с. 7).
3. Венгерская гостиница (с. 53).
4. Венгерские гренадеры (с. 57).
5. Венгерский караул, в военном поселении на берегах Дуная (с. 83).
6. Собор в Бухаресте (с. 128).
7. Цыганское семейство (в Валахии) (с. 138).
8. Молдавские телеги (с. 185).
9. Фельдгеръ (в Бесарабии) (с. 250).
10. Одесские дрожки (с. 255).
11. Пароход Петр I на Черном море (с. 281).
12. Встреча армян (в Ростове) (с. 309).
13. Татарские ямщики (в Крыму) (к главе VII. Ялта – Бахчисарай, с. 323).
14. Иосафатова долина в Крыму (к главе VII. Ялта – Бахчисарай, с. 342).
15. Татарский хлебник в Бахчисарае (к главе VII. Ялта – Бахчисарай, с. 345).
16. Инкерманские копи в Крыму (к главе VIII. Севастополь – Одесса – Вознесенск, с. 358).
17. Татарская кофейня в Байдарах (к главе VIII. Севастополь – Одесса – Вознесенск, с. 372).
18. Русская артиллерия (в Вознесенске) (с. 399).
19. Древняя мечеть, превращенная в православную церковь, в Феодосии (к главе XI. Феодосия – Кафа – Керчь – Тамань – Алушта – Ялта – Алушка, с. 467).
20. Избатели собак в Керчи (к главе XI. Феодосия – Кафа – Керчь – Тамань – Алушта – Ялта – Алушка, с. 473).
21. Казаки Кубанской линии (с. 483).
22. Древняя Арабатская крепость (к главе XI. Феодосия – Кафа – Керчь – Тамань – Алушта – Ялта – Алушка, с. 490).
23. Турецкая пехота (в Константинополе) (с. 539).
24. Невольничий рынок (в Смирне) (с. 541).

Анатолий Николаевич не только организовал и профинансировал путешествие в Крым, на его деньги были осуществлены все издания на русском и иностранных языках. Кроме того, он сам побеспокоился о том, чтобы книги были разсланы заинтересованным организациям и частным лицам: университетам, минералогическим и естественнонаучным обществам, представителям известных дворянских фамилий [15; 16; 17].

Скончался действительный статский советник Анатолий Николаевич Демидов 16(29) апреля 1870 г. в возрасте 57 лет и был похоронен в Париже рядом с матерью, Елизаветой Строгановой, в родовой усыпальнице Демидовых на кладбище Пер-Лашез [18; 19; 20].

Во время владения Анатолия Николаевича в дачах Нижнее-Тагильского завода был найден особый минерал, названный в честь владельца Демидовитом. Демидовский малахит украшает залы Эрмитажа и библиотеку Ватикана. Ежегодно присуждается Демидовская премия – самый значительный вклад Демидовых в развитие науки. А также для потомков остались великолепные книжные и иллюстративные издания по результатам путешествий в Россию и Крым на русском и иностранном языках [21; 22; 23].

Список источников и литературы

1. Пирогова Е. П. Библиотеки Демидовых: Книги и судьбы. – Екатеринбург, 2000. – С. 129.
2. Там же. – С. 133.
3. [Демидов А. Н.] Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым, членом Императорской Санктпетербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского Университета, и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской. Издание, украшенное рисунками Раффе. – М., 1853. – С. 3.
4. Там же. – С. 400.
5. Там же. – С. 441–443.
6. Там же. – С. 449–450.
7. Там же. – С. 452.
8. Там же. – С. 454–467.
9. [Demidoff, Anatole] Carte Geolocique de la Crimée le Voyage dans la Russie Meridionale par M. Anatole de Demidoff. – Paris, 1841.
10. [Demidoff, Anatole] Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837 par mr. Anatole

- de Demidoff, par M.M. De Sainson, Le Play, Huot, Leveille, Rousseau, de Nordman et du Ponceau. Guvragr illustre de 65 Gravures et d'un Album de 78 Planches dessinees d'apres Nature par Raffet et d'un Atlas de 95 Planches coloriees d'histoire naturelle. – Paris, 1842. – 88 tab. [direz Nordman], 4 carte.
11. [Demidoff, Anatole] Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837 par mr. Anatole de Demidoff. Illustree dessins par Raffet. – Paris, 1848. – 100 tab.
 12. Demidoff, Anatole // Catalogue de la section des Russica of Ecrits sur la Russie en Langues Etrangeres / Bibliotheque Imperiale Publique de St.-Petersbourg. – T. 1. – St.-Petersbourg, 1873. – P. 290–291.
 13. [Demidoff, Anatole] Voyage dans la Russie Meridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, execute en 1837 par mr. Anatole de Demidoff. Illustree dessins par Raffet. – Paris, 1848. – 100 tab.
 14. [Демидов А. Н.] Указ. соч.
 15. А. С. Стасов Владимир Васильевич // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. XXXI. – СПб., 1900. – С. 466–467.
 16. Брагина Т. А. Кастрополь. Демидовы // Брагина Т. А. Путешествие по дворянским именам ЮБК / Т. А. Брагина, Н. В. Васильева. – Симферополь, 2001. – С. 151–154.
 17. Вулисанова Г. А. Просветительство в жизни известного промышленника // Мир библиографии. – 2000. – № 2. – С. 53–56.
 18. Гребельский П. Х. Дворяне Демидовы, светлейшие князя Лопухины-Демидовы и Демидовы князя Сан Донато // Дворянские роды Российской империи. – Т. 2: Князья. – СПб., 1995. – С. 142–151.
 19. Де Монкло Б. Демидовы в Париже: Пер. с фр., предисл. и доп. Н. Прожогина // Мир музея. – 1997. – № 6. – С. 46–52.
 20. Рудаков В. Е. Демидовы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – Т. X. – СПб., 1898. – С. 363–365.
 21. Рудницький Г. Премія для сучасників // Кримська світлиця. – 1998. – 8 травня. (Фото медали).
 22. Черкасс А. Демидов Анатолий Николаевич // Русский биографический словарь. – СПб., 1905. – С. 211–213.
 23. Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. – М., 2001. – 333 с., ил.

Немецкие колонии Крыма в этнографических исследованиях Государственного института истории искусств: 1927–1929 гг.

Составляя обзор документов агитационно-пропагандистского отдела и немецкой секции Крымского обкома ВКП(б), я обнаружила отчет о заграничной поездке научного сотрудника Государственного института истории искусств Э. Г. Иогансон [1]. Из отчета следует, что командировка длилась семь месяцев: с 19 июля 1928 г. по 8 марта 1929 г. Перед Э. Г. Иогансон были поставлены конкретные задачи: разработка фольклорного материала, собранного в немецких колониях Крыма; подготовка к изданию сборника крымских народных песен; сбор сравнительного материала по этнографии и фольклору в метрополиях, откуда выселились в Крым колонисты; исследование истории их переселения; ознакомление с постановкой школьно-педагогического дела в Германии и установление связей с научными организациями.

В период пребывания за границей Э. Г. Иогансон посетила Государственную библиотеку в Берлине, где изучила литературу по этнографии и фольклору немецких селений, побывала у профессора Дж. Майера в Фрайбургском Архиве немецкой народной песни, ознакомилась с работой профессора Вроде в Германском диалектологическом институте в Марбурге. С 7 по 12 октября Э. Г. Иогансон принимала участие в качестве гостя в Международном конгрессе по народному искусству, который проходил в Праге.

В течение шести недель Э. Г. Иогансон работала в немецких селениях, где собирала материал по диалектологии, этнографии и фольклору. За это время она провела запись говоров, собрала словарный материал (около 1000 слов); сделала 72 фотоснимка этнографического характера, записала около 500 народных песен, из них около 200 песен с мелодиями были записаны на граммофон. И, как пишет сама Э. Г. Иогансон, ею «выяснена в общих чертах история переселения жителей» обследованных деревень в Крым.

По приглашению научных и культурно-просветительских организаций о результатах своих исследований Э. Г. Иогансон прочла доклады в этнографическом обществе Берлинского университета, в Пражском немецком университете, выступила в нескольких городах на радио и

опубликовала шесть статей в местной прессе, а также получила предложение опубликовать результаты ее работы по этнографии в немецких селениях Крыма в пяти научных журналах Германии.

Безусловно, важным для Института истории искусств было установление научных связей с коллегами за рубежом, и Э. Г. Иогансон выполнила поставленную перед ней задачу: была установлена научная связь с фольклористами Политехникума Дрездена, с руководством Берлинского этнографического музея, с научными сотрудниками Этнографического атласа в Берлине, с директором Архива немецкой народной песни профессором Майером, с фольклористами Пражского университета, с редакторами научных журналов.

В заключении своего доклада Э. Г. Иогансон сообщает, что по результатам ее работы готовится к печати сборник крымских немецких песен на основе материалов фольклорного архива Государственного института истории искусств под редакцией Майера в серии народных песенников (по соглашению с немецкой инспектурой отдела нацменьшинств Наркомпроса УССР). Кроме того, планировалось издание популярного очерка «Немецкие селения Крыма» как пособия для работы по краеведению в школах Крыма. По линии школьного образования на основе собранного материала Э. Г. Иогансон подготовила по заказу Ленинградского отделения Госиздата серию учебников немецкого языка для детей и взрослых. В научном плане результаты ее работы предполагалось отразить в монографии по диалектологии, этнографии и фольклору немецких селений Крыма в сравнении с их метрополией, с отражением изменений бытовых форм под влиянием экономических и социально-культурных отношений на новой родине.

К сожалению, в документах обкома партии никаких сведений в продолжение этой темы не оказалось, так как доклад был прислан «для информации». Однако недавно в переписке Крымцентрархива было обнаружено интересное письмо за подписью инспектора инспектуры нацменьшинств Наркомпроса Крымской АССР С. Гамалова, адресованное руководству архивной службы республики: «В результате ряда работ по изучению этнографии и фольклора немецких колоний Крыма, проведенных в течение последних трех лет т. Иогансон и другими сотрудниками Государственного института истории искусств под общим руководством профессора В. М. Жирмунского собран достаточно богатый материал и сделан значительный сдвиг в этой работе. Работа продолжается и будет вестись и в дальнейшем, однако она находит очень мало отражения в работе местных учреждений и организаций.

Заслушав и обсудив доклад научного сотрудника ЛГИИИ т. Э. Иогансон, совещание при Нацмен Инспектуре Крымнаркомпроса, придавая этой работе большое не только научное, но и общественное значение, признало необходимым: 1. Организацию при этнографическом отделе Музея Тавриды особого подотдела немецких колоний Крыма; при отделе собрать и весь литературный материал о немецких колониях Крыма. 2. Просить Центрархив Крыма принять все зависящие от него меры к концентрации в Центрархиве всех архивных материалов по истории возникновения немецких колоний Крыма.

Сообщая об изложенном, Нацмен Инспектура Крымнаркомпроса простит Вашего заключения по указанным мероприятиям» [2]. Письмо датировано 29 ноября 1929 г. Документ дает новую, дополнительную к докладу Э. Г. Иогансон информацию. Во-первых, сотрудники Государственного института истории искусств в течение трех лет осуществляли этнографические экспедиции в немецкие села Крыма. Во-вторых, руководил работами известный российский ученый, лингвист, впоследствии академик, автор фундаментальных исследований немецкой диалектологии Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971). Он внес большой вклад в науку как лингвист и литературовед, но особенно значительный – в изучение немецких диалектов на территории России. Возможно, в его работах «Национальный язык и социальные диалекты» (1936 г.), «Немецкая диалектология» (1956 г.), «История немецкого языка» (1965 г.) можно найти «отголоски» и крымских экспедиций.

Возвращаясь к тексту письма С. Гамалова, отметим, он говорит, что доклад Э. Г. Иогансон был заслушан на совещании (значит, велся протокол?) и обсуждался. Предпринятые попытки найти материалы обсуждения доклада успехом не увенчались: документы Крымнаркомпроса сохранились не полностью, есть большие пробелы, а за 1920–1930 гг. – особенно.

Далее возникает вопрос: было ли выполнено решение Нацмен Инспектуры о передаче собранного материала в Музей Тавриды? Если да, то в каком объеме и какова его судьба? В не полностью сохранившихся архивных документах Музея Тавриды сведений об этом нет.

В 1931 г. В. И. Филоненко в своем докладе «Этнографическое изучение народностей Крыма» в разделе «немцы» сообщает: «...в 1927 году профессором Жирмунским была проделана попытка собирания и изучения фольклорного и диалектологического материала среди немцев Крыма. Результаты работы его обнародованы отдельной книжкой на немецком языке «Немецкие колонии в Крыму» [3].

Данное сообщение носит информационный характер. Его цель – привлечь внимание специалистов к опыту предшественников, а также побудить этнографов к поиску фото- и фонодокументов, собранных Э.Г. Иогансон. С учетом того, что Государственный институт истории искусств находился в Ленинграде, там же жил и работал академик В.М. Жирмунский, «следы» крымского материала можно искать там. Кроме того, Архив немецкой народной песни в Фрайбурге, основанный Майером, существует и сегодня. Вполне вероятно, что копии собранного Э. Г. Иогансон фольклорного материала хранятся в архиве.

С просьбой об оказании содействия в поиске материала уместно было бы обратиться к деловому партнеру этнографического музея – Институту культуры и истории немцев Северо-Восточной Европы (Люнебург – Гёттинген).

Список источников и литературы

1. ГААРК, ф. П – 1, оп. 1, д. 913, л. 30–33.
2. Там же, ф. Р – 415, оп. 1, д. 45, л. 8.
3. Там же, ф. Р – 137, оп. 6, д. 63, л. 2.

Переселение армян из Аксарая в Крым и его датировка. К рассмотрению вопроса в работах XIX–XXI вв.

Вследствие периодических массовых миграций армян, вызванных нескончаемой чередой набегов на Армению, сопровождавшихся повсеместной разрухой и жестоким административно-экономическим гнетом населения, в странах Средиземноморья, Прикаспия и Причерноморья образовалось большое число армянских переселенческих центров. В Северном Причерноморье особенно многолюдной была колония Крыма, достигшая пика своего экономического и культурного расцвета в XIV–XV вв. По мнению ряда авторов XIX–XX вв., наиболее мощная миграционная волна армян хлынула на полуостров в 30-х гг. XIV ст. Причем заметную часть этих поселенцев составили выходцы из города Ани, некогда столицы Армянского Царства Багратидов, вскоре после его взятия переселенные в золотоордынский Аксарай [1]. Основанием для этих заключений послужили два крымско-армянских рукописных источника XVII в. – поэма, написанная в 1672 г. Мартиросом Крымеци (Крымским) [2], и обширная памятная запись 1690 г. [3], приписанная писцом Давидом к созданной им же в Кафе (ныне г. Феодосия) четьи минеи [4]. Источники идентичны по содержанию и последовательности повествования, но не зависят друг от друга ни по словарному составу, ни по стилю изложения.

Первый автор, Мартирос Крымеци, пишет, что после разорения города Ани часть его уцелевших жителей двинулась в сторону городов Джуга (в области Гохтан Исторической Армении, на левобережье реки Аракс; ныне – Джульфа в составе Азербайджана), Ван (один из крупнейших городов в Исторической Армении, у юго-восточного берега одноименного озера; ныне – на территории Турции) и других мест. Остальные же пересекли Каспийское море и «нашли убежище» у татар, получив от «великого хана» местожительство «вблизи Аджи Тархана» (Астрахань), в «незначительном местечке Ахсарай». Однако вскоре, столкнувшись с жестоким обращением монголо-татар, армяне отправили своего посланника к латинскому консулу, «который был правителем предшествующей крепости Кафы», и, заключив с ним соглашение, переселились из Аксарая в Кафу, город Крым (в средневековых источниках обозначался как «Сурхат» и «Крым», так и их различными вариантами, ныне – городок Старый Крым) и так далее [5]. По писцу Давиду же, по-

сле взятия ноином Чармаганом города Ани его оставшиеся в живых жители переселились, «как беженцы в Ахсарай, что между Аштерханом и Хазаном» (Астрахань и Казань), а также в города Сис (город в северо-восточном Средиземноморье, некогда столица Армянского Царства Киликии), Ван и Джуга. Те, кто, «получив приказ от хана», обосновался в Аксараяе, остались там до 1299 г. Затем, «теснимые татарами», они обратились к генуэзскому консулу, «что проживал в Франкхисаре Феодосии» (крепость франков или латинян, имеется в виду генуэзская цитадель города), с просьбой поселиться в Кафе. Получив согласие, «князья, и дворяне, и простой люд, оружием и огнем воюя против татар», прорвали сопротивление, пришли в Крым и обосновались «в Феодосии, в Казарате (по некоторым источникам, это поселение располагалось вблизи города Сурхат-Крым. – Т. С.), и в Сурхате, и в окружении оных». Эти события датированы 1330 г. «Тогда возмужались мы и умножились, и построили села и области; князья и знать, начиная от Карапазара (Карасу-базар, ныне – городок Белогорск. – Т. С.) до Сурхата и Феодосии, горы и равнины наполнили монастырями и церквями. И построили мы домов сто тысяч и церквей тысяча и из-за опасения перед гуннами (имеются в виду татары. – Т. С.), крепостью оградили город Феодосию» [6]. Часть поселенцев ушла еще западнее и, обосновавшись в польских и валашских владениях, «церквями наполнила все места» [7]. Есть мнение, что численность армян, покинувших Аксарай, составила несколько десятков тысяч человек [8].

Запись писца Давида была известна архиепископу российских армян О. Аргутяну-Долгорукому. Следуя ей, он изложил для графа Потемкина-Таврического историю переселения анийских армян «в 1262 году» в земли «с Казанью и Астраханью смежные», их переезда в Крым с согласия генуэзцев и обоснования «между Карас-Базаром и Судаком», а также в городах Кафа и Крым [9]. Как у него появилась дата «1262 год», не известно, но уточним, что нашествие Чармагана (Чармагун) на Ани имело место в 1236 г. во времена хана Батыя [10]. При этом следует учесть, что из-за войн между Ордой и Ильханством, угрозы физического уничтожения и создавшихся невыносимых экономических условий армянское население покидало свое местожительство и в последующие десятилетия, в том числе и в 60-е гг. XIII в. Сведения из записки О. Аргутяна-Долгорукова с датировкой переселения армян в сторону Астрахани и Казани в 1262 г., а также о последующем обосновании в Крыму проникли в сочинения С. Богуша, Н. Карамзина, П. Кеппена [11].

Запись писца Давида, а возможно и поэма Мартироса, были хорошо знакомы и Г. Айвазовскому. Видимо, имея в виду слова последнего, он утверждал, что переселение армян в Аксарай не было принудительным и выражение «получив приказ от хана» следует понимать, как «получив согласие хана». Это свое заключение Г. Айвазовский подкреплял сообщением Н. Карамзина о найденных недалеко от Казани армянских надписях XII в. и полагал, что в XIII в. анийских армян в сторону Поволжья притягивало благосостояние их соотечественников, обосновавшихся там ранее [12].

Известный специалист по истории крымских армян академик В. Микаелян расценивал сообщения писца Давида и поэта Мартироса как изложение вполне реальных исторических событий. При этом он, приведя ряд доказательств, убедительно показывал, что многочисленные армянские общины в Крыму сформировались задолго до этого масштабного переселения – уже после византийских и сельджукских нашествий на Армению [13]. Другой известный арменовед, академик Л. Хачикян, в сведениях писца Давида и поэта Мартироса видел реальную историческую подоплеку, но склонен был критически рассматривать присутствующие в них некоторые подробности. Это в первую очередь касалось вооруженного столкновения армян с татарами во время переезда из Аксарая в Крым. Оно, по мнению Л. Хачикяна, не могло иметь сколько-нибудь серьезных масштабов [14].

И действительно, часть аксарайских армян, согласно упомянутым источникам, не покинула границы Золотой Орды и в 30-х гг. XIV ст., то есть в период расцвета правления хана Узбека, беспрепятственно и благополучно обосновалась в Сурхат-Крыме, где восседал ханский наместник, а также между Кафой и Карасубазаром, то есть непосредственно в монголо-татарских владениях. Более того, согласно одной памятной записи 1319 г., на тот момент в Сарае существовало армянское население, возглавляемое епископом, и действовали по крайней мере две армянские церкви [15]. Маловероятно, чтобы после столь бурного проявления неповиновения, как описано в записи писца Давида, армяне чувствовали бы себя так свободно под ханским господством. Далее, в случае серьезного столкновения с войском «побег» армян, обремененных женщинами, детьми, собственным имуществом, вряд ли удался бы. Ведь известно, что в Крым они прибыли материально обеспеченными и сразу же занялись не только обустройством своих семей, но и воздвижением церквей и крепостных стен вокруг занимаемого участка.

Мартирос отмечает, что, не имея под рукой письменных источников, вынужден был черпать сведения об истории переселения жителей Ани в Аксарай из устных сказаний [16]. Безусловно, передаваемые от поколения к поколению рассказы, лежащие в основе и его поэмы, и записи писца Давида, подпитывались воспоминаниями из существовавших когда-то письменных первоисточников, которые к XVII в. в основном были уже утрачены [17]. Известен один из них – эпитафическая надпись на каменной плите внушительных размеров у водооя, недалеко от села Нахиджеван (с. Криничное вблизи Старого Крыма), которая, будучи сделанной на арабском языке [18], видимо, была недоступна для наших авторов. Посему надо полагать, что детали по истории переселения армян в Крым из Аксарая, особенно даты, со временем претерпели искажение и нуждаются в критическом осмыслении.

По сути, запись писца Давида – единственный на сегодняшний день источник, и то опосредованный устными рассказами, в котором говорится об имевшей место массовой миграции армян из Аксарая в Крым именно в 30-х гг. XIV в. Признанию этой даты как достоверной способствовала принадлежность к этому же периоду основной части известных ныне сравнительно ранних армянских книг крымского происхождения (редчайшие по числу образцы относятся к первым двум десятилетиям XIV в.) и некоторых армянских духовных центров полуострова. Для выяснения истинного положения дел рассмотрим сообщения поэта Мартироса и писца Давида на фоне армянских источников соответствующего периода, а именно – сведений памятных записей 30–40-х гг. XIV в., помещенных в армянских рукописных книгах крымского происхождения [19]. Ни одна из известных ныне записей этого времени не содержит и слова о переселении анийских армян в Крым из Аксарая или о какой-либо другой массовой миграции. Между тем, следуя упомянутым источникам XVII в., можно заключить, что книги с этими записями были заказаны и написаны непосредственными участниками или же очевидцами переселения. В таком случае невозможно, чтобы сами переселенцы, заказавшие рукопись, не потребовали бы упомянуть в записи свое отечество или название места своего недавнего проживания. Невозможно также, чтобы писцы-очевидцы умолчали о таком важном событии и ограничились упоминаниями отдельных случаев приезда той или иной семьи, того или иного лица из таких городов и областей Исторической Армении, как Себастия, Арчеш, Баберд, Ереван и так далее [20]. Помимо переселенцев из указанных мест, в крымских записях XIV в. упоминаются десятки лиц без подробностей о месте их происхождения [21]. Создается впечатление, что писцы говорят об уроженцах полуострова, давних жителях Крыма.

Сомнительным выглядит и многолетний промежуток между 1299 и 1330 г., который А. Алпояджян и В. Микаелян объясняли долговременным привалом в Азахе (Тана, Танаис), о чем, по их мнению, свидетельствовало наличие там армянских духовных центров [22]. В 30–40-х гг. XIV в. в Азахе действительно функционировали армянские церкви. Их упоминания встречаются как у писавших в этом городе армянских авторов соответствующего периода, так и в актах Константинопольского патриарха [23]. Но наличие армянских церквей в Азахе не может быть достаточным свидетельством временной остановки там аксарайских армян в первой четверти XIV в. Храмы могли быть основаны и в ходе более ранних переселений армянского населения, когда оно различными путями попадало в том числе и в Северное Причерноморье: ведь земли в устье Дона были знакомы армянам исстари, о чем позволяют заключить уже сведения Страбона [24].

Можно даже предположить, что переселение из Аксарая растянулось на многие десятилетия, в течение которых отдельные группы и семьи различными путями проникали в Крым. Участники и очевидцы просто не могли мысленно охватить и оценить значение и масштабы переселения во всей его последующей исторической полноте, и только в поздней устной традиции утвердилось представление о «десятках тысяч переселенцев». Но даже в этом случае недавнее пребывание в Аксарее как-то проявилось бы в записях.

Итак, с одной стороны, имеем сведения о многолюдной армянской колонии Крыма, окончательно сформировавшейся якобы после массовой миграции 30-х гг. XIV в., с другой – полнейшее отсутствие сообщений об этой миграции в источниках соответствующего периода. В то же время памятные записи первой половины XIV в. подтверждают присутствие многотысячного армянского населения в Крыму в указанный период и свидетельствуют о его выдающемся вкладе в социокультурное развитие полуострова (основание, строительство и обновление церквей и монастырей, деятельность духовных школ, создание десятков рукописных книг и так далее).

Суммируя сказанное, приходится признать, что в крымских памятных записях второй четверти XIV в. наряду с армянами, прибывшими тогда же на полуостров из разных уголков Исторической Армении, а также их соотечественниками, издавна обосновавшимися на полуострове, упоминаются и потомки первого поколения переселенцев из Аксарая, которые к этому времени уже чувствовали себя крымчанами и относились к приезду своих отцов на полуостров как к событию давно минувших дней. На фоне признания факта более раннего

массового переселения армян в Крым из Аксарая вполне уместным и логичным выглядят такие общественно значимые хозяйственные меры, как проведение водопровода в Кафе «епископом армян», о чем упоминается в Уставе города 1316 г., а также выделение этим же Уставом специальных земельных участков для аренды новоприбывшими поселенцами [25]. Понятным становится и внимание римского папы к армянам Кафы (довольно многочисленным, судя по повышенному интересу), выраженное в его письме от 1318 г., в котором он пытался склонить их к католицизму [26].

Скорее всего, переселение армян из Аксарая в Крым произошло в один из периодов кратковременного безвластия между сменой одного хана другим. На это указывает прежде всего отсутствие в источниках упоминания о согласии или несогласии хана как главного условия, определявшего саму возможность переселения. Это дало повод заключить, что армяне были вынуждены с оружием в руках открывать себе путь на запад именно после получения от хана отказа [27]. Однако очевидно, что хана как такового на тот момент не было, политический момент в Орде был переломным, а ситуация – смутной и благоприятной для такого предприятия.

Впоследствии армяне, предоставив новоутвержденному хану веские доводы, вынудившие их оставить Аксарай, могли амнистировать свой уход и наладить отношения с ним. Не исключено даже, что освоение крымских земель новыми массовыми потоками армян-поселенцев было выгодно ордынским правителям: в их лице они могли иметь в Крыму как умелых и доходных земледельцев, ремесленников, торговцев, так и своего рода противовес католикам-генуэзцам. Это кажется более чем вероятным после известной конфронтации между татарами и латинянами в 1307–1308 гг., когда последние вынужденно покинули город, предварительно придав его огню [28].

Очень важно также заметить, что переселением аксарайских армян в сторону западных земель не была поставлена точка в истории этой армянской колонии. Упомянутая уже памятная запись, свидетельствует о существовании в 1319 г. в Сарае армянского духовенства, а значит, и населения.

Список источников и литературы

1. Бжшкянц М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани (на арм. яз.). – Венеция, 1830. – С. 335–342; Тэр-Абраамян О. – История Крыма

- (на арм. яз.). – Ч. I. Феодосия, 1865. – С. 97; Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму (на арм. яз.). – Ереван, 1964. – С. 26, 72–82; Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван – Симферополь, 2004. – С. 16–17.
2. История страны Крыма, сочиненная архимандритом Мартиросом Крымцы в стихотворном сложении // Мартиросян А. А. Мартирос Крымцы (на арм. яз.). – Ереван, 1958. – С. 142–148.
 3. В памятных записях, или колофонах, рукописных книг сообщаются время и место их создания, имена мирских и духовных правителей, заказчиков, писцов, миниатюристов, различного рода другие сведения. См. подробнее: Армянские памятные записи XIV в. о политической жизни в Крыму и строительной деятельности крымских армян / Пер., предисловие и комментарии Т. Э. Саргсян // Историческое наследие Крыма. – № 8. – Симферополь, 2004. – С. 148–150; Армяно-католические отношения и деятельность армян-католиков в Крыму по памятным записям XIV–XV веков / Сост., перевод памятных записей, предисловие и примечания Т. Э. Саргсян // Историческое наследие Крыма. – № 16. – Симферополь, 2006. – С. 11–12.
 4. НИИ древних рукописей им. Месропа Маштоца НАН Республики Армения (Матенадаран им. Месропа Маштоца). – Рукопись 7442. – Л. 281. Публикацию см.: Бжшкянц М. Путешествие в Польшу... – С. 33–5342. На русском языке см.: Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян // ЗООИД. – Т. VI. – Одесса, 1867. – С. 552–554.
 5. Мартиросян А. А. Мартирос Крымцы. – С. 144–146.
 6. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7442. – Л. 281.
 7. Там же; Мартиросян А. А. Мартирос Крымцы. – С. 145–146.
 8. Кушнерян Хр. История армянских переселенцев Крыма (на арм. яз.). – Венеция, 1895. – С. 189.
 9. История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. – Т. II. – СПб., 1806. – С. 176–177.
 10. См.: Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисловие и комментарии Л. А. Ханларян. Памятники Письменности Востока LIII. – Москва, 1976. – С. 165–166.
 11. История царства Херсонеса Таврийского. – С. 176–177; Карамзин Н. М. – История государства Российского. – Кн. 1. – М., 1988. – Т. IV. – Гл. IV. – Кол. 53 (прим. 146); О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических / Сочинение Петра Кеппена. – СПб., 1837. – С. 28 (прим. 40).

12. Айвазовский Г. Заметка о происхождении новороссийских армян. – С. 552.
13. Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 38–69, 124–125; Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 10–30.
14. Хачикян Л. С. Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву (на арм. яз.) // Вестник Матенадарана. – № 13. – Ереван, 1980. – С. 26.
15. Книгохранилище Конгрегации Мхитаристов в Вене. – Рукопись 434. – Л. 441а. Публикацию оригинала см.: Каталог армянских рукописей Книгохранилища Мхитаристов в Вене / Сост. Акобос Ташян. – Вена, 1895. – С. 885; Памятные записи армянских рукописей XIV века / Сост. Л. Хачикян. – Ереван, 1950. – С. 155–156.
16. Мартиросян А. А. Мартирос Крымеци. – С. 143.
17. Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 80.
18. Бжшкянц М. – Путешествие в Польшу... – С. 329.
19. См.: Памятные записи армянских рукописей XIV века.
20. См.: Там же. – С. 163, 287, 288, 452, 456, 503 и так далее.
21. Там же.
22. Алподжян А. История армянских колоний. – Т. II. – Каир, 1955. – С. 363; Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 17.
23. Памятные записи армянских рукописей XIV века. – С. 321, 329, 330; Древние акты Константинопольского патриарха, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. – Т. VI. – С. 450.
24. Страбон / Подборка и пер. Г. Ачаряна (на арм. яз.). – Ереван, 1940. – С. 35; Шахназарян К. Программная история страны Армении и обзор о Древней Армении и ее нынешнем состоянии (на арм. яз.) // Крунк Айоц ашхарин. – Тифлис, 1863. – С. 605; Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 10.
25. См. эти статьи из Устава 1316 года: Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – С. 64–67; Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 14–15. Основывается на: *Imposicio officii Gazarie // Monumenta Historie Patriae.* – V. 2. – Turin, 1838. – P. 380, 407–408.
26. Армяно-итальянские связи. Генуэзские документы о крымских армянах (на арм. яз.) / Сост., автор предисловия и комментариев В. А. Микаелян. – Ереван, 1974. – С. 31–32.
27. Микаелян В. А. История крымских армян. – С. 17.
28. См.: Извлечения из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в средние века» / Пер. Л. П. Колли // ИТУАК. – № 52. – Симферополь, 1915. – С. 85.

Историко-научный потенциал метрических книг по изучению истории греческого населения Севастополя

В основу данной работы положены однородные источники, а именно метрические книги православных севастопольских церквей. Обще-признано, что метрические книги являются одной из самых стабильных документных систем любого государства. В них заложен хронологический принцип записей актов культовой регистрации. Метрические книги, которые велись в культовых учреждениях, представляют собой актовые записи регистрации событий у конкретных лиц: рождения-крещения (2 даты), венчания (брака), смерти-погребения (2 даты). В первую очередь метрические книги имеют гражданско-правовое значение, если же взять их значение шире, то мы получим прекрасный первоисточник по генеалогии, статистике, демографии, конфессиональной принадлежности и так далее. В конце XIX в. метрические книги служили основным источником информации лишь при проведении демографических и историко-медицинских исследований. В большинстве научных работ ученые привлекают метрические книги в качестве дополнительных источников, но в последнее время стали появляться работы, в которых эти источники занимают ведущие позиции; среди них «Метрические книги России XVIII – начала XX вв.» Д. Н. Антонова и И. А. Антоновой [1]; «Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных)» О. В. Хабаровой [2]; «Метричні книги: історія їх ведення на теренах України та зберігання в державних архівах» С. Зворського [3]. По данной тематике автором написаны следующие работы: «Метрические книги второй половины XIX в. как источниковая база по изучению истории греческой диаспоры г. Севастополя [4]; «Метрические книги православных церквей г. Севастополя периода Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) [5]; «Медицинские работники первой половины XIX в. в метрических книгах Государственного архива города Севастополя» [6]; «Медицина и метрические книги первой половины XIX в. Анализ исследований [7].

Первым официальным документом, послужившим основанием для ведения метрических книг, является указ Петра I от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» [8]. Обязательное

ведение метрических книг на всей территории Российской империи было подтверждено в 1772 г. «Прибавлением к Духовному регламенту» [9]. Затем последовали другие законодательные документы: с формами метрических книг, с информацией об обязательном составлении экстракта и направлении его в Синод (№ 4480), а затем в Академию наук (№ 12061); с правилами ведения и хранения метрических книг (№ 20266); с указанием при неравных браках не уклоняться от записей в метрических книгах (№ 21847) и др.

На региональном уровне самые ранние выявленные документы о работе с метриками датируются 1816 г. В феврале данного года указом Таврического губернского правления предписывалось Севастопольской городской полиции «о непременно доставлении в оное и его сиятельству графу Ланжерону ведомостей о родившихся, браком сочетавшихся и умерших..» [10]. Тоже подтверждается указом Симферопольского духовного правления (в которое входили севастопольские церкви) от 9 марта 1816 г. об обязательном ежемесячном представлении в Севастопольскую городскую полицию до 29 числа сведений о сделанных метрических записях с напоминанием об обязательном указании возраста умерших [11].

Помимо того, что метрические книги отражают биографические сведения, они еще и освещают социальное положение, а подчас профессиональное занятие человека в разные периоды его жизни. Метриками также подтверждается подданство того или иного государства. Особенно много метрических записей о греческом подданстве содержится в метрических книгах греческой Трехсвятительской церкви. Кроме того, метрические книги – это источник со сведениями о священно- и церковнослужителях. Историки-архивисты смотрят на метрики еще и со стороны норм делопроизводства.

К сожалению, в Государственном архиве города Севастополя хранятся метрические книги только православных церквей. Метрические книги других конфессий полностью отсутствуют.

Для работы была взята греческое население Севастополя как одно из коренных в регионе, исповедующее православие. Сведения о греках имеются во всех метрических книгах севастопольских церквей. Их приняла на морскую службу Екатерина II. Еще до основания Севастополя, в 1776 г., был создан Балаклавский греческий пехотный батальон. После указа Екатерины II «О свободной торговле в городах Херсоне, Севастополе и Феодосии» в городе начали селиться греческие купцы [12]. 3 июня 1783 г. в Севастополе была заложена церковь Св. Нико-

лая. Второй была построена в 1792 г. анатолийскими греками церковь Св. апостолов Петра и Павла. В Государственном архиве города Севастополя самые ранние сохранившиеся метрические книги датируются 1815 г. (Адмиралтейского Николаевского собора) и 1820 г. (греческой Петропавловской церкви). В Петропавловской церкви службы велись на греческом языке. Со дня основания церкви большинство священно- и церковнослужителей были «греческой нации». В 1843 г. М. П. Лазарев в письме к архиепископу Гавриилу ставит вопрос о том, что служба в Петропавловской церкви должна вестись на русском языке, так как Севастополь заселен в основном русскими, не понимающими греческого языка, и небольшой частью греческого населения, вполне понимающего русский [13]. Следует отметить, что сохранившиеся метрические книги Петропавловской церкви велись на русском языке. К сожалению, большинство церковей военного ведомства свои метрические книги отсылали в Санкт-Петербург обер-священнику армии и флотов Военного и Морского ведомств, поэтому в городе они не сохранились.

Севастополь основывался как военная крепость, поэтому гражданское население составляло лишь небольшое количество. Все сведения о Севастополе подавались непосредственно в Санкт-Петербург, минуя присутственные места Таврической губернии, поэтому очень сложно выявить сведения о гражданском населении города. В большинстве статистических документов губернии отсутствуют сведения по Севастополю. Иногда делались в документах приписки «...а в целой губернии, считая Севастополь...» В ведомости по Таврической области, составленной не ранее 1792 г., приводятся сведения о населении города без учета военных: 197 жителей мужского и 49 женского пола, часть из которых были греками [14]. Если же мы, например, возьмем метрики греческой Петропавловской церкви, то там процент греков в разделе «Родившихся» составляет 50%.

По метрическим книгам можно проследить изменение социального статуса. В большинстве случаев статус повышался, но были исключения. Хочется привести пример, когда человек, родившийся в дворянской семье, ушел из жизни крестьянином. Речь идет об известном народовольце Михаиле Николаевиче Тригони. Его отец, Николай Иванович Тригони, – участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор – 2 июля 1847 г. в возрасте 48 лет впервые женился на сестре писателя-мариниста К. М. Станюковича, дочери контр-адмирала 23-летней Ольге Михайловне Станюкович [15]. Первенец, сын Иван, родившийся

в 1849 г., 16 октября 1850 г. умер [16], но за день до его смерти, 15 октября, на свет появился сын Михаил [17]. Впоследствии Михаил Николаевич Триго́ни, несмотря на свое высокое социальное положение, создавал народовольческие кружки, участвовал в подготовке покушения на Александра II. За свои убеждения сидел в Трубецком бастионе и в Шлиссельбургской тюрьме, был лишен дворянского звания и в 1906 г. вернулся в Крым. Умер 3 июля 1917 г. от острого отека легких. В метрической книге Балаклавской Николаевской церкви М. Н. Триго́ни записан как «крестьянин Таврической губернии Симферопольского уезда, Дуванкойской волости, приписанный для счета народонаселения». Похоронен на Балаклавском приходском кладбище [18].

После упразднения Балаклавского греческого пехотного батальона по метрическим книгам можно проследить не только судьбы, но и профессиональные занятия бывших военных. Большинство приобрели статус балаклавских мещан, некоторые становились купцами и лишь отдельные греки оставались на военной службе.

Следует сказать о том, что метрические книги являются прекрасным источником конкретно-исторического исследования семьи. Именно в метриках фиксируется информация о ней. Семья является традиционным объектом изучения этнографов. В период формирования нового научного направления – социальной истории – возник интерес к исследованиям семьи, так как ее стали рассматривать как социальный институт. Хочется привести пример со сведениями о греке-революционере Орионе Алексакисе. Старшее поколение помнит его как активного участника революционных событий и организатора в Севастополе Союза социалистической молодежи. Вместе с тем в научной литературе практически нет упоминания о его купеческой семье, о том, что его дед по матери, Афанасий Христофорович Христопуло, был купцом, домовладельцем, директором Балаклавского городского общественного банка. В семье Орион был не единственным ребенком. После бракосочетания родителей 6 сентября 1898 г. [19] 30 июня 1899 г. родился Орион [20], а в 1901 г. – его младший брат Дормидонт, но, к сожалению, умер в возрасте 5 месяцев [21, л. 34 об. – 35]. Такая же участь постигла и дочь Екатерину, которая умерла 28 марта 1907 г. от дифтерита в возрасте 1 года [22]. 16 мая 1910 г. родилась еще одна дочь, Екатерина, дальнейшая судьба которой неизвестна [23]. Орион, направленный на партийную работу в Грецию, погиб в 1920 г., в период гражданской войны. В 1919 г. отец из-за сына был арестован белыми и находился в севастопольской тюрьме, затем судился с новой

властью из-за конфискованного красными в 1919 г. имущества [24], отстаивал свои права на вывоз собственного пианино в Константинополь. [25] Дед, Афанасий Христофорович Христопуло, в конце 1920-х гг. был лишен избирательных прав. [26]

Греческое население не проживало обособленно, и смешанные браки не были исключением. Например, выкрест Давид Михайлович Ротгольц, врач, общественный деятель, городской голова, период деятельности которого на должности главы местного самоуправления получил у горожан название «золотые дни Севастополя» или «эпоха Ротгольца», был женат на дочери капитана 2-го ранга грека Спиридона Дмитриевича Бальзама. От этого брака родилось 6 детей. Таких примеров можно привести множество. Хорошо известна общительность греков. Нередко греческие семьи были тесно с другими нациями кумовством.

В заключение хочется сказать, что метрические книги составляют важный массив источников и должны изучаться методами исторических наук, и задача историка – правильно и умело использовать такую историческую информацию.

Список источников и литературы

1. Антонов Д. Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. – М., 2006.
2. Хабарова О. В. Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных) // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / Под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Владимирова. – М. – Барнаул, 2005. – С. 165–193.
3. Зведений каталог метричних книг, що зберігаються в державних архівах України. – Т. 1. – К., 2009. – С. 7–19.
4. Терещук Н. М. Метрические книги второй половины XIX в. как источниковая база по изучению истории греческой диаспоры г. Севастополя // Студії з архівної справи та документознавства. – Т. 10. – К., 2003. – С. 153–157.
5. Терещук Н. М. Метрические книги православных церквей г. Севастополя периода Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.) // Вестник морского врача. – Севастополь. – 2007. – № 3. – С. 317–340.
6. Терещук Н. М. Медицинские работники первой половины XIX в. в метрических книгах Государственного архива города Севастополя // Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи,

- подготовленные сотрудниками госархива. – Севастополь, 2007. – С. 14–17.
7. Терещук Н. М. Медицина и метрические книги первой половины XIX в. Анализ исследований // X Таврические научные чтения, 29 мая 2009 г.: Сборник материалов. – Симферополь, 2009. – С.126–131.
 8. ПСЗ 1. – Т. IV (№ 1908). – С. 192.
 9. ПСЗ 1. – Т. VI (№ 4022). – С. 707.
 10. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК), ф.134, оп.1, д.85, л.1 – 1 об.
 11. Там же, л. 2.
 12. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов. – К., 1983. – С. 29.
 13. Терещук Н. М. Греческие священнослужители севастопольских церквей // Память о прошлом: Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя / Сост. В. В. Крестьянников. – Севастополь, 2007. – С. 14–17.
 14. Севастополю 200 лет. 1783–1983: Сборник документов и материалов. – К.,1983. – С. 32.
 15. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. 35, оп.1, д.1, л.348об.-349
 16. Там же, д.4, л.70об.-71
 17. Там же, л.38об.39
 18. Там же, ф.30, оп.1, д.143, л.393об.-394.
 19. Там же, д.41, л.36об.-37
 20. Там же, д. 45, л.13об.-14
 21. Там же, д.57, л.34об.-35
 22. Там же, д.86, л.140об.-141.
 23. Там же, д.100, л.5об.-6
 24. Там же, ф.Р-245, оп.1, д.9, л.58
 25. Там же, ф. Р-430, оп. 1, д. 6, л.178
 26. Там же, ф. Р-247, оп. 3, д. 25

**Источники по истории крымских/мариупольских греков
XVIII–XIX вв. в фондах Института рукописи
Национальной библиотеки Украины
имени В. И. Вернадского**

Несмотря на очевидную взаимосвязь и тематическое единство материалов, хранящихся в ИР НБУВ и связанных с историей крымских христиан, их комплексное исследование ранее не проводилось. Разумеется, исследователи не раз обращались к отдельным рукописным памятникам из числа рассматриваемых. Назову лишь наиболее известные имена – С. Серафимова и В. Латышева, работы которых, посвященные грекам Крыма и Мариуполя, общеизвестны [1]. Описания греческих рукописей крымского или мариупольского происхождения, хранящихся в ИР НБУВ, были составлены мной в рамках изучения греческих рукописей в киевских коллекциях [2]. Памятники письменности тюркоязычных христиан – урумов – были предметом исследования А. Гаркавца, который в книге «Уруми Надазов'я» приводит ряд текстов по рукописям из фондов ИР НБУВ [3].

Для данного исследования были привлечены 65 единиц хранения ИР НБУВ, написанных на различных языках, но тематически связанных с христианскими общинами Крыма и позднее Мариуполя. 19 единиц могут быть определены как источники нарративного характера: рукописные книги или их фрагменты, отрывки повествовательных текстов, записи церковно-религиозного содержания, бытовые записи и т. п. Остальные 46 рукописей являются актовыми документами: письма, донесения, записки, свидетельства и проч.

Датировка рукописей имеет крайне важное значение, поскольку история крымских христиан в известном смысле заканчивается осенью 1778 г. До этого времени было составлено 14 рукописей: 10 нарративных и 4 документа. С осени 1778 г. и до конца XVIII в. было составлено 44 рукописи, из них 5 нарративных. Наконец, в XIX в. – 7 рукописей (3 документа и 4 повествовательных).

По языку памятники распределяются следующим образом: на греческом составлены 2 сборника песнопений, 1 грамматика и 9 документов; на тюркских диалектах – 15 нарративных источников и 34 документа; на русском языке – 3 документа. Большинство рукописей

имеет смешанный, греко-тюркский характер. В трех случаях имеем дело с параллельными текстами. Особо следует выделить конволют с материалами грамматического и религиозного содержания, в котором использованы несколько языков, а также приведены богослужебные тексты на древних и новых языках.

Очевидно единство происхождения большинства рассмотренных рукописей. Так, уже в одной из первых публикаций, основанной на некоторых из рассматриваемых документов, речь шла об архиве Готфийской митрополии в Крыму [4]. Действительно, по своему содержанию опубликованные документы вполне могли бы быть частью епархиального архива, т. е. архива Готской и Кафской митрополии в Крыму, а позднее в Приазовье. Но судя по тому, что архив митрополии сгорел в 1780 г. в Мариуполе, речь идет о других источниках, вероятнее всего, об архиве протоиерея Трифиллия Карацоглу. Принадлежность многих рукописей протоиерею очевидна: нам знаком его почерк, ему адресован ряд посланий и записок. О том же свидетельствуют, например, и давнее уточнение С. Серафимова о происхождении документов, поступивших в ООИД с бумагами Гавриила Розанова, и краткое сообщение 1914 г. о покупке Н. Репниковым рукописей у потомков Трифиллия Карацоглу. Следует признать, что большая часть рукописей могла составлять архив протоиерея и храниться у него в доме, а позднее у его родственников, откуда они и поступали в ООИД, попадая в поле зрения исследователей Причерноморья. Происхождение отдельных рукописей связано с другими фондами ИР НБУВ и иными путями их приобретения. Так, одно из Евангелий (ф. 301, 27Л) было подарено священником Митрофаном Чернявским непосредственно в ЦАМ КДА, разноязычный конволют (ф. 312, 582/103с) хранился ранее в библиотеке Софийского собора, а одна рукопись (ф. 384, без шифра) поступила с архивом профессора А. Белецкого. Находящиеся в ф. 72 фрагменты евангельских чтений (№ 28) также могли входить в число материалов, поступивших от Н. Репникова, но доказать это невозможно, так как не существует списка приобретенных им рукописей.

Лишь немногие из рассматриваемых рукописей были прокомментированы историками XIX в. К сожалению, советский период не принес новых открытий и публикаций. И хотя интерес к эллинистическим исследованиям резко возрос в 90-е гг. прошлого столетия, языковая некомпетентность историков предыдущего периода препятствовала использованию материалов, формально доступных любому посетителю библиотеки.

Попробую очертить основные темы, раскрытию которых могли бы способствовать рассматриваемые рукописи. Начну с исторических личностей. Среди них наиболее известен греческий просветитель Никифор Феотоки, о котором существует целый ряд исследований, в том числе посвященных российскому периоду его жизни. Написаны они, разумеется, не в Украине, и даже не в России, а что касается украинского периода деятельности архиепископа, то информация о нем в этих работах минимальна и не всегда правдива. Следующая знаменательная фигура – митрополит Игнатий Гозадинов, последний предстоятель Готской и Кафской митрополии. Несмотря на причисление к лику святых, а может быть и вследствие этого, интерес историков к нему последнее время резко снизился. За обилием лубочных жизнеописаний святого забытой оказывается историческая правда о его назначении на митрополию и главное о той роли, которую ему пришлось сыграть в жизни крымских христиан. В ИР НБУВ хранится несколько автографов Игнатия (ф. 5, 998, 3670, 3690/1), ни один из них не опубликован. В нескольких документах упоминаются и имена его брата Иоанна и племянника Антона, роль которых в переселении также еще не была предметом исследования. Первый помощник митрополита эконоом Трифиллий Карацоглу также давно достоин внимания историков – именно из его записок мы узнаем о событиях в митрополии, начиная с 1759 г., когда он был рукоположен митрополитом Гедеоном [5]. Из всего цикла документов, связанных с именем Трифиллия, опубликована лишь малая часть, да и та без перевода [6].

К вопросам биографии и деятельности протоирея Трифиллия приоткрывает широкая тема церковной организации и религиозной жизни общины в Крыму, а позднее в Приазовье. Эта тема может решаться на нескольких уровнях. Кроме формальных данных о христианских парфиях, церквях, священниках, особенностях, связанных с отправлением культа, в рукописях содержится информация, позволяющая затронуть проблему, имеющую литургическую и в какой-то мере филологическую окраску. Это проблема языка богослужения в Крыму и Мариупольском округе. Проблема эта далеко не проста и значительной мерой намеренно забыта в отечественной историографии. Оставляя в стороне тот факт, что грекоязычные христиане Крыма вполне естественно для себя пользовались греческим языком богослужения, позволю себе обратить внимание на другую, в то время более многочисленную часть вышедших их Крыма христиан, не владевших новогреческими диалектами и пользовавшимися исключительно тюркскими. Пробле-

ма языка богослужения тюркоязычных христиан не имеет в науке однозначного решения. В силу различных, но всегда трагических обстоятельств, на данный момент в мире не сохранилось тюркоязычных христиан, сохранивших старые церковные традиции, которые так активно разрушались прежде всего их грекоязычными единоверцами, а позднее другими православными церквями, в частности русской. Доступная нам информация содержится в скурых заметках сторонних наблюдателей, донесениях назначенных в тюркоязычные парафии священников и немногих уцелевших рукописях, которые за редким исключением не описаны. Практически отсутствуют научные издания тюркских богослужебных текстов или филологические комментарии к ним. В этой связи киевские рукописи приобретают исключительную ценность, поскольку содержат богатый материал как для исследований редакций евангельских текстов (ф. 301, 27Л; ф. 5, 3738; ф. 72, 28), так и для работы над малыми литургическими формами: канонами и молитвами (ф. 5, 3737; 3690). Есть также отрывки житийной литературы и поучений св. отцов (ф. 5, 3673; 3685; 3686; 3687; 3688; 3689). Подчеркну, что названная проблематика входит в широкий круг вопросов, связанных с так называемым караманлийским письмом и литературой, о чем я уже писал [7].

Среди других тем, раскрытию которых, несомненно, помогут киевские рукописи, назову такие: «Просвещение и образование» [8], «Семейные и межличностные отношения в христианских общинах», «Проблемы языковой интерференции и билингвизма». Кроме того, и в нарративных источниках, и в документах рассыпана масса мелких деталей, приобретающий иной раз принципиальный характер в контексте тех или иных конкретно-исторических исследований. Так, например, рукой эконома Трифиллия был переписан текст новогреческого перевода одного из поучений св. Василия Великого (ф. 5, 3673), сделанный на Афоне в начале XVIII в. Переводы такого рода носили опытный характер и практически не сохранились. В воспоминаниях того же Трифиллия речь идет об отце и деде известного нам Серафима Серафимова, которые также были священниками. В рукописи середины XIX в. (ф. 384), составленной Семеном Кечеджи, дедом одного из информаторов составителей известной книги «Мариуполь и его окрестности», находим не только отрывки караманлийских текстов, но что-то вроде итальянско-урумского словаря, свидетельствующего об активном изучении этого языка. В упомянутом конволюте (ф. 312, 582/103с), принадлежавшем до поступления в библиотеку ректору

КДА Иринею Фальковскому, кроме примечательных славянских и греческих текстов, находятся молитвы на тюркских диалектах, запись которых выдает уроженца Крыма XVIII в. Впрочем, одна из записей датирована 1789 г. с указанием места записи – Карасубазар. Ручкой неизвестного нам лица в той же части конволюта были записаны отрывки из Евангелия от Иоанна на греческом, латинском, немецком, польском и древнееврейском языках, а также молитвы на албанском, грузинском, румынском и арабском. Наиболее вероятным представляется, что это рабочая тетрадь одного из студентов КДА, обучавшегося в ней в 70–80-е гг. XVIII ст.

В заключение хотел бы выразить надежду на то, что проделанная мною работа будет не только издана, но и использована исследователями истории Крыма и Украины, а опубликованные в ней тексты помогут новому поколению историков и филологов продолжить работу над воссозданием истории крымских христиан в Крыму и Мариупольском округе.

Список источников и литературы

1. Латышев В. К начальной истории города Мариуполя // 300ИД. – Т. 32. – Одесса, 1915. – С. 42–64.
2. Чернухін Є. Грецькі рукописи у зібраннях Києва. Каталог. – К.; Вашингтон, 2000. – 378 с.
3. Гаркавец О. Уруми Надазов'я. Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. – Алма-Ата, 1999. – 624 с.
4. Серафимов С. Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму // 300ИД. – Т. 6. – Одесса, 1867. – С. 591–595.
5. См. также мою статью: Чернухін Є. Митрополит Готії та Кафи Гедеон // Рукописна та книжкова спадщина України. – Вип. 10. – К., 2005. – С. 50–74.
6. Гаркавец О. Уруми Надазов'я. – С. 555–557.
7. Чернухин Е. Памятники караманлийского письма в Украине: к постановке проблемы и о перспективах исследования // Роль етнічних спільнот Донеччини в розбудові української державності. Матеріали I регіональної конференції. – Донецьк, 2006. – С. 205–227.
8. Некоторые аспекты данной проблемы затронуты в моей статье, см.: Чернухин Е. О грамотности, неграмотности и безграмотности мариупольских греков (замечания к рукописному наследию 18–19 вв. // Язык и культура. – Вып. 8. – Т. 5. – Ч. 2. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. – К., 2005. – С. 68–74.

Жизнь и деятельность Полины Яковлевны Чепуриной

Крымскотатарский народный орнамент представляет яркую и своеобразную страницу художественного творчества народа. Являясь основным средством декоративно-прикладного искусства, он отражает в то же время сложную историю формирования и развития народа, его культуры и искусства.

Крымскотатарская вышивка является подлинной сокровищницей орнаментов, применение которых, особенно сегодня, в период возрождения национальной культуры, открывает широчайшие возможности для современных художников, работающих в различных областях творчества.

Исследователями рассматривались вопросы, связанные с технологией, тематикой, построением орнамента и этнографией. С начала XIX в. в среде российских этнографов, любителей искусств, коллекционеров, художников возникает особый интерес к бытовому искусству крымских татар. Наибольшее внимание у собирателей вызывала вышивка.

Интерес к крымскотатарской вышивке в научной и художественной среде был обусловлен уникальностью и богатством орнаментальных мотивов и их вариантов, мастерством исполнения и большим разнообразием технических приемов. Среди этнографических собраний в музеях Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы и в частных коллекциях вышивки составляют значительную часть, что говорит не только об их широком распространении в быту крымских татар, но и большой художественной ценности. В этнографический отдел Русского музея три кисета, украшенные вышивкой, передал царь Александр III. Вышивки крымских татар собирались этнографами А. Н. Харузиным, К. А. Иностранцевым, А. А. Миллером, Г. А. Бонч-Осмоловским и др. В Симферополе интересная коллекция крымскотатарских вышивок находилась в Ученой архивной комиссии и частной гимназии Свищева, в Ялте – у ученого-археолога А. А. Бертъе-Делагарда. Образцы крымскотатарских вышивок хранились в семье художника К. Ф. Богаевского [1].

Большой вклад в деле возрождения, популяризации и научного освоения традиционных видов художественных ремесел принадлежит Полине Яковлевне Чепуриной. П. Чепурина родилась 8 октября 1880 г. в Киеве в семье священника, окончила Евпаторийскую гимназию, а

затем Одесское художественное училище. Образование было продолжено через несколько лет в Московском археологическом институте, где Полина Яковлевна получила специальность «археолог-художник». Значительным этапом в научном развитии П. Чепуриной стала ее поездка в Европу в 1898 г., где она занималась изучением народного искусства. В 1910–1911 гг. художница Полина Яковлевна Чепурина (в будущем – автор статей и исследования о вышивке Крыма, организатор художественно-кустарных артелей, выставок, директор Евпаторийского краеведческого музея) случайно встретила в деревне Отузы с Айше Мамбетовой. В народной среде, как правило, выделялись талантливые рисовальщицы-орнаменталистки, которые чертили рисунок соседям, односельчанам, придумывали новые узоры, владели в совершенстве техникой шитья. Одной из них и была Айше Мамбетова. «Так рисовала мама моей бабушки, так выбирала цвета», – говорила она [2].

Около 200 рисунков дала артельному производству в Евпатории Адавие Эфендиева, отразившая творчество степного района Крыма. Ей принадлежит высказывание: «Мои мысли – мои орнаменты». Великолепными вышивальщицами были техник-инструктор Бахчисарайской артели Исми Мансурская, бахчисарайская вышивальщица Ариффе Рамадан, Шерфе Меджитова из села Орта Осман, Гумгум Джанбайская из села Джабагач Евпаторийского района [3].

Процесс создания орнамента имел свой порядок. Сначала определялись его место расположения, размер. Проводилась осевая линия, находилось расположение крупных и средних элементов. Заканчивалась работа рисованием самых мелких элементов заполнения. Чепурина так описывала процесс создания рисунков: «Предварительно перед составлением рисунка вырезают из твердого картона основные формы и линии и располагают их на пространстве, отведенном для вышивки. Расположивши их согласно требованиям традиции и личного вкуса, она обводит эти шаблоны карандашом (в старину заостренной палочкой орешковыми чернилами). Такой метод предполагает сохранение в семье или в доме рисовальщицы картонных шаблонов, многократное их использование в новых комбинациях, процесс обмена и обогащение арсенала».

За период с 1910 по 1915 г. П. Чепуриной была изучена восточная часть горного района Крыма и отчасти южнобережного (Феодосийского и Судакского округов). Особый интерес представляли рисунки глухих деревень Ай-Серез, Арпат, Капсихор, Таракташ, Кутлак, Коз,

Токлук, Отуз и др. В этой части Крыма были найдены изумительные образцы по рисунку, колориту и технике шитья. Способ собирания рисунков был, по всей видимости, одинаков. Вначале с оригинала методом «притирки» карандашом (использовался рельеф вышивки) орнамент переводился на тонкую бумагу. Так как работа чаще всего проводилась в крымскотатарских домах в полевых условиях, на набросках записывался цвет, затем графически намечался рисунок швов. В дальнейшем, уже в домашних условиях, исследователи снимали рисунок орнамента с притирки на кальку, переводили его на плотную бумагу, дорабатывали детали и раскрашивали гуашью.

Экспедиционная деятельность в 1910–1918 гг. в восточной части горного Крыма позволила П. Чепуриной сделать вывод, что расцвет крымскотатарского декоративного искусства относится к XVI–XVII вв., а начало упадка – ко времени захвата Крыма Российской империей. Главная причина этого – постепенное проникновение западноевропейской культуры, которая поменяла быт жителей края и их потребности. В публикации охарактеризована номенклатура композиционных форм рисунка. Исследовательница проследила особенности творчества в отдельных деревнях, связав их с особенностями исторических условий. Описаны приемы рисовальщиц [4; 5].

Многолетний сбор материалов, наблюдение на местах за процессами творчества отдельных выдающихся «художниц иглы» дали автору возможность уяснить условия, в которых сложилось и выработалось творчество декоративных форм, с их сложным мастерством колорита и замечательно проработанной техникой.

По некоторым данным, зарисовки вышивок, собранные П. Чепуриной, хранятся в Государственном историческом музее в Москве. Начало научных исследований П. Чепуриной в области изучения крымскотатарского и караимского народного искусства относится к 1915–1917 гг., когда на заседании этнографического кружка при Археологическом институте она прочла доклады: «Орнамент крымскотатарской вышивки», «Быт, искусство и архитектура крымских татар». Чепурина подчеркивала, что нельзя ограничиваться только научно-исследовательской работой. Необходимо найденный орнаментальный материал ввести в производство, так как рисунки Востока внесли бы свежую струю подлинного искусства в фарфоро-майоликовое производство и текстиль, в те времена весьма бедные [6].

В 1916 г. было положено начало Евпаторийскому музею. С первых дней его существования П. Я. Чепурина способствовала его развитию.

И возглавила его в 1920–1921 гг. В 1925 г. на международной выставке декоративного искусства и современной художественной промышленности, состоявшейся в Париже, представленные П. Чепуриной вышивки крымских татар были удостоены бронзовой медали. Этот успех вдохновил краеведа на работу, целью которой было восстановить по всему Крыму угасавшее к тому времени искусство шитья и ткачества, а по мере возможности и других ремесленных производств, продукция которых достигала высокого художественного уровня. К этой работе она привлекла известных ей мастериц, и в последующие годы на базе Бахчисарайского дворца периодически работали четырехмесячные курсы, которые должны были положить начало формированию вышивально-ткацких артелей [7].

В мае 1927 г. при проверке фондов Евпаторийского музея краеведения сотрудником комитета по делам музеев и охране памятников Я. Бирзгалом были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П. Чепуриной, заключающиеся в раздаче некоторых материалов фондов («художественных ценностей») музея частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению. Так, гражданке Ходжам-Капленовской были выданы 5 картин известных мастеров XIX в.; гражданке Кольевой возвращен гарнитур старинной мебели; гражданину Казасу выданы ваза, две скульптуры, ковер, скатерть; гражданину Муждабе отдан старопечатный Коран. Несмотря на объяснение заведующей музеем о том, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первые годы советской власти, когда уплотнялись особняки состоятельных граждан, против Полины Чепуриной было возбуждено уголовное дело. Хотя в ходе следствия обвинения уголовного плана были сняты и было доказано, что краевед лишь пыталась восстановить социальную справедливость и вернуть людям их вещи, на Чепурину были наложены дисциплинарные взыскания, и она была уволена с должности заведующей музеем [8].

Новым заведующим был назначен Яков Георгиевич Благодарный (1882–?). В «Карточке для учета лиц, интересующихся вопросами изучения Крыма» в 1928 г. при оформлении на работу он записал, что имеет специальность «педагог» при незаконченном высшем образовании. Являясь человеком далеким от историко-этнографических исследований, Я. Благодарный по-своему видел перспективы развития музея. В служебной записке от 1 сентября 1928 г. он указал, что «музей стал на ложный путь – он не несет на себе задач нашего социалистического строительства». Непонимание Я. Благодарным значения этнографи-

ческих разработок П. Чепуриной привело к личному конфликту. Полина Яковлевна не могла мириться с фактами, когда по указанию Благодарного вышивки и экспонаты «Восточной комнаты» отдавались в артели для использования в швейном производстве или для продажи, а редчайшие книги библиотеки имени А. Мирчи, хранившейся в музее, отдавались в рыбацкие союзы для упаковки товара. Выражением протеста П. Чепуриной против действий заведующего стал ее отъезд в Москву, где она участвовала в этнографической выставке со своей коллекцией крымскотатарского орнамента, выступала с докладами в Государственной академии художественных наук, в Антропологической секции Тимирязевского научно-исследовательского института Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, реставрационных мастерских Главнуки РСФСР [9].

В это время Я. Благодарный развернул в Евпатории деятельность по привлечению П. Чепуриной к судебной ответственности «за умышленное и злостное намерение помешать развитию музея, организации новых отделов и приведению в порядок фондового имущества». В разгар конфликта с Я. Благодарным Полина Яковлевна организовала в Москве по предложению Государственной академии художественных наук выставку зарисовок крымскотатарского орнамента, ткачества и вышивок XVII–XIX вв. 25 февраля 1929 г. она вынуждена была написать заявление об увольнении из Краеведческого музея Евпатории «по собственному желанию, ввиду необходимости закончить многолетний труд по крымскотатарскому орнаменту» [10].

С 1930 г. П. Чепурина была занята организацией вышивально-ткацких артелей в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, Ялте, а также в деревнях Биюк-Янкой под Симферополем и Отузы (Восточный Крым). В этих артелях работало более 350 мастериц. Одной из практических целей такой работы было создание продукции, предназначенной на экспорт. Одновременно этнограф публиковала свои исследования и продолжала научную обработку материала. В 1931 г. П. Чепурина передала руководство артелями своей ученице К. Рыбальской и посвятила себя исключительно научно-исследовательской и выставочной работе. В 1935 г. в московском Музее восточных культур ею была подготовлена выставка «Ткани Крыма», где были представлены образцы и рисунки орнаментов. Организованные П. Чепуриной в Москве выставки продемонстрировали необходимость восстановления исчезающего национального искусства. По итогам выставки было принято решение рекомендовать экспонаты, собранные П. Чепуриной, к участию во всемирной выставке в Париже в 1937 г. [11].

В 1935 г. на страницах журнала «Искусство» П. Чепурина представила обзор собранных материалов по караимской и крымскотатарской вышивке. Автор констатировала, что «основными видами бытового искусства народов Крыма являлись ткани и вышивки как наиболее сохранившиеся виды народного творчества, широко распространенные в степном и нагорном Крыму». В 1938 г. опубликовано большое основательное исследование Чепуриной «Орнаментальное шитье Крыма», где детально описываются все известные автору технические приемы крымскотатарской вышивки (около 60 швов), а также указания о стилях рисунков и их колорите. В результате многолетней исследовательской работы П. Чепуриной обстоятельно описаны все виды крымскотатарского узорного шитья, швов, с указанием их происхождения и исторического развития [12].

Реалистическая основа восприятия действительности, отраженная в народном орнаменте, придает произведениям крымскотатарских мастеров и мастериц особенно большую художественную и познавательную ценность. Реализм крымскотатарского орнамента базируется на его глубокой взаимосвязи с природой и бытом народа, с теми техническими приемами узоротворчества, которые определяли органичность узора с материалом и назначением бытового изделия.

До сегодняшнего дня орнамент продолжает играть в творчестве народа огромную роль. Однако содержание его в современных условиях значительно изменилось и обогатилось: в нем, наряду с использованием всего лучшего, что было создано крымскотатарским народом за время его существования, появились новые, неизвестные в прошлом сюжетно-изобразительные мотивы [13].

Каждая эпоха в жизни народа накладывала определенный отпечаток на его изобразительное искусство, орнамент, его стиль. Отобразив в различной форме степень развития художественной культуры, орнамент может в то же время служить ценным историческим источником в решении вопросов этногенетического порядка. В огромном запасе орнаментальных форм, напластовавшихся в различные эпохи, довольно четко проявляются те признаки, те комплексы мотивов, узоров, которые помогают раскрыть этнокультурные связи и происхождение народа.

Крымскотатарский музей искусств, собирая и изучая крымскотатарское народное творчество, уделял внимание деятельности исследователей крымской этнографии и народной культуры. В 2001 г. Крымскотатарским музеем искусств была проведена выставка, посвя-

щенная 120-летию Полины Чепуриной. Сейчас идет подготовка к выставке-конкурсу «Таинственная гармония орнамента», посвященной 125-летию П. Чепуриной, которая снова позволит обратиться к секретам древнего искусства вышивки и ткачества.

Список источников и литературы

1. Чурлу Мамут. Яркий и большой стиль крымских вышивок // www.magic.qirim.org/kitap_rafy/statya2.htm
2. Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре.- Симферополь: ДОЛЯ, 2005.- С.483.
3. Мусаева У. К. Из истории изучения этнографии народов Крыма в 20-х – 30-х годах XX века в Евпатории // www.magic.qirim.org/kitap_rafy/statya44.htm
4. Чепурина П. Я. Орнаментное шитьё Крыма.- Симферополь: КОИЗ, 1938.- С. 1-60.
5. Чепурина П. Я. Орнаментное тканьё крымских татар // ИТОИАЭ.- 1929.- Т. 3(60).- С.72-77.
6. Мусаева У. К. Указ. соч.
7. Мусаева У. К. Указ. соч.
8. Мусаева У. К. Указ. соч.
9. Мусаева У. К. Указ. соч.
10. Мусаева У. К. Указ. соч.
11. Мусаева У. К. Указ. соч.
12. Чепурина П. Я. Указ. соч.
13. Хайрединова Зарема. Игры разума // www.avdet.org/node/3221

Раздел IV

Вопросы этногенеза и этническая история населения полуострова

Религиозные общины немцев Перекопского уезда в XIX – начале XX в.

После 1783 г. началась эмиграция крымских татар в Турцию. Это одна из трагических малоисследованных страниц истории коренного народа Крыма. Переселение постепенно принимало значительные масштабы. Многие деревни, особенно в степных районах полуострова, остались без жителей. После Крымской войны в с. Биюк Сунак осталась лишь одна семья Халилула Ибраим Абдула, в с. Кипчак – семья Менгли Али-оглу, в с. Тав-Базар – семья Амди Шейхмамбета, в Джамбулды Конрате – сыновья Шанбедина, в Тоганай Кирее – сыновья Мамдет Челеби; в г. Перекопе – сыновья Шаабедина [1]. В Перекопском уезде (в эту административную единицу в те годы входил и Джанкойский р-н) опустело 300 из 320 селений [2]. Свободными оказались 11 тыс. 668 десятин земли (данные за 1856–1862 гг.) [3].

Царское правительство предпринимает шаги по заселению опустевшего края. Чиновники планомерно переселяли крестьян из Российских губерний, а также иностранцев. В их числе – землепашцы и ремесленники из Баварии и Саксонии, которые появились в степном Крыму задолго до эмиграции крымских татар 1860–1861 гг. По ведомости о народонаселении, торговле, промышленности, фабриках, заводах и ремеслах в Перекопском уезде за 23 октября 1852 г., хранящейся в Государственном архиве АРК, в крае было 4 колониста-лютеранина, 9 мещан и 4 дворян римско-католического вероисповедания. На январь 1854 г. в Перекопском уезде числилось 325 населенных пунктов (местечек, колоний и сел). По отчету Перекопского исправника были записаны: в Киябаке – 3 колониста римско-католического вероисповедания на земле помещика Харибова; в Яни-Кипчаке – 2 колониста у помещика Нагаева; в Мамеке – 2 мещанина римско-католической веры у помещика Мегердичева, в Крымча на земле Султан-Мейнакской – 3 человека.

К 1876 г. в уезде уже было 14 немецких колоний. Колонисты из Германии постепенно осваивали полуостров. По земской переписи 1886–1887 гг. в Перекопском уезде немцы основали 29 поселков. Причем численность населения в новых населенных пунктах колонистов, по данным всероссийской переписи 1897 г. [4], достигла 11 тыс. 718 чел. (22,8% от общего числа населения уезда). Этот трудолюбивый народ

стал играть значительную роль в экономике, культуре села, да и края в целом. Представители этого этноса селились компактно, сохраняли обряды, традиции, язык и религию [5]. По вероисповеданию колонисты из Германии были католиками и протестантами. Как и в Германии, в России они имели свои церкви: лютеранские, реформаторские, меннонитские, баптистские и др.

В Перекопском уезде можно было встретить представителей различных деноминаций. Общины меннонитов располагались в сс. Ишунь Немецкий [6], Бек-Булатичи [7], Токульчак [8], Анновка [9], Кадагай [10] и др. В середине 20-х гг. XX в. на полуострове в 47 колониях (деревнях) проживало около 5500 объединенных в союз меннонитов Крыма (председатель совета – Генрих Мартинс) [11]. Из семьи меннонитов был и бывший зампредела Рескомнаца АРК Владимир Карлович Ренпеннинг [12].

Католических общин немцев в Перекопском уезде было намного меньше. В фондах ГААРК хранятся уставы, договора, справки о составе общин римско-католических церквей сел Богемка [13], Карамин [14], Берды-Булат [15], Александровка [16], Карай-Табар [17], Джургу-Мириновка [18].

В Перекопском уезде также был зарегистрирован ряд общин христиан евангелического вероисповедания. Общества евангелистов-сепаратистов были в Мамуте [19], Адаргине [20]. Общества молокан встречается в Караджа-Подковырке [21] Джанкойского р-на (20 чел.). Прихожане Шенбрунского общества были в деревнях Бютень, Киябак [22]. Члены этого общества тоже относились к сепаратистам. Малочисленной была секта апостольских крестьян – всего 17 немецких семейств проживало в деревне Темир-Булат [23]. Апостольские христиане отличались крайне консервативными взглядами. Отдельной статьи заслуживает тема исследований религиозных общин немцев города Джанкоя [24].

Из протестантских течений со стороны правительства, губернатора имела поддержку евангелическо-лютеранская церковь. Всего евангелическо-лютеранских общин в Крыму к XX в. было 186. А членов религиозных общин этого направления – 20 913 чел. [25]. Евангелисты-лютеране строили кирхи, молитвенные дома во многих селах Перекопского уезда. Их общины располагались в деревнях Аджи-Ахмат [26], Аджай-Кат [27], Аксюру-Конрат [28], Абаклы-Немецкий [29], Барын-Немецкий [30], Бекказы [31], Биечь-Найман [32], Бармак [33], Катламак [34], Каранкут [35], Коктейн [36], Кулар-Кипчак [37], Месит

[38], Новый Джанкой [39], Новый Таганаш [40], Тарханлар [41], Ташлы Комрад [42], Булат [43], Чуча [44] и др. населенных пунктах уезда.

Немцы, поселяясь в опустевших деревнях, не стремились поменять все местные топонимы. Отличались порядочностью, были очень законопослушны. В Государственном архиве АРК сохранилось письмо общества колонистов немцев деревни Тотанай Перекопского уезда от 23 января 1869 г. В письме на имя уездного исправника колонисты просят разрешения на приобретение камня с мечетей (в деревне не оставалось после миграции причетников и прихожан) для постройки молитвенного дома.

В фондах КрымЦИКа, хранятся уставы церковных обществ, списки прихожан и т. д. Например, известно, что к 1921 г. в с. Джамбулды было 76 прихожан евангелическо-лютеранской церкви. Часто встречаются фамилии Майер, Шwegлер, Миллер, Генрихе, Вольгемут, Эберт, Виденмайер, Грас, Гарвард, Земан, Фольц, Боос. В церковный совет евангелическо-лютеранской церкви деревни Джамбулды входили Конрат Яковлевич Майер, Яков Христианович Миллер, а также жители хутора Коктейн и деревни Иоганесфельд. Представителем религиозной общины был Христиан Шwegлер. Служителем – уроженец Джамбулды Рейгольд Леонгардович Миллер.

Немецкий народ полуострова прошел через жернова ГУЛАГов, депортаций. На территории Ярकोполянского сельсовета (где и располагается Джамбулды-Находка) сохранилась небольшая община немцев. Ее лидер Н. Крицкий – незаурядный энергичный человек. Он поддерживает идею автора статьи – организовать немецкий этноцентр в с. Джамбулды-Находка. Здесь сохранились дома, выходящие фронтонном к улице, можно наблюдать готические окна, огромные подвалы, крепкие чердаки, где колонисты хранили зерно... В центре села сохранился остов мельницы. Реставрация одного из домов и ветряка способствовала бы сохранению немецкой деревеньки, ее архитектуры. Проект поддерживают и немцы из Джанкоя (немецкая община «Вера-Гляубе», ее лидер – президент «Союза немцев Украины» В. Сулина); ведущий специалист по исследованию истории, этнографии немцев Крыма, директор Республиканского этнографического музея Ю. Лаптев и бывший зампреда Рескомнаца АРК В. К. Ренпеннинг. Надеемся, что идею проекта благосклонно встретит руководство Республиканского общества немцев Крыма «Видергебурт».

Архитектурными объектами, немецкими домами, историей села Джамбулды заинтересовался «Союз сельского туризма» в АРК. Пред-

ставитель этого объединения неоднократно приезжала для изучения возможности организации культурного центра. Представленный на конкурс Верховной Рады проект кластерного развития культурного центра не получил поддержки, очевидно, необходима его доработка.

Этноцентры помогают развивать самосознание малочисленных этнических общин на селе, способствуют самозанятности населения, решают и культурные запросы. С целью развития сельского туризма [45] мы собираем материалы по истории Джамбулды и прилегающих к деревне населенных пунктов. Надеемся, что бывшие жители Джамбулды откликнутся и наладят с нами переписку.

Список источников и литературы

1. Список татар с семьями Перекопского уезда, ф. 315, оп. 1, дом 1484.
2. Ливицкий Г. Переселение татар из Крыма в Турцию // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 148.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК), ф. 26. оп 1, д. 25 129, л. 9.
4. Первая всеобщая перепись населения российской империи 1897 г. Общий свод по империи. – СПб., 1905. – Т. 1.
5. Лаптев Ю. Немецкие религиозные общины (XIX – нач. XX в.) // Немцы в Крыму. – Симферополь, 2000. – С. 38.
6. Немецкое поселение Таврической губернии. – Т. 1. – Одесса, 2000. – С. 97.
7. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 168, д. 374.
8. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1174.
9. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1201.
10. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1010.
11. Лаптев Ю. Указ. соч. – С. 45.
12. Брошеван В., Ренпеннинг В. Боль и память Крымских немцев (1941–2001). – Симферополь, 2002.
13. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 476.
14. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 462.
15. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 461.
16. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 492.
17. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1044.
18. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1051.
19. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 168, д. 374.
20. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1174.

21. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1201.
22. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1010.
23. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1183.
24. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1210.
25. Лаптев Ю. Указ. соч. – С. 38.
26. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 284.
27. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 288
28. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 469.
29. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 477.
30. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 496.
31. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 482.
32. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 761.
33. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 281.
34. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 282.
35. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 476.
36. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1344.
37. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 1012.
38. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 478.
39. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 468.
40. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 287.
41. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 298.
42. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 290.
43. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 289.
44. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 10, д. 755.
45. Абдулхаиров Э. Г. Развитие этноцентров в Джанкойском районе // II Международная научно-практическая конференция, посвященная известному крымскотатарскому деятелю культуры и науки Осману Акчокраклы. – Симферополь, 2006.

К вопросу о крымчакской общине Евпатории

Этническая история крымчаков – небольшой части крымского населения, сформировавшейся в немногочисленную народность в средневековый период крымской истории [1], – насчитывает почти 500 лет. Во времена Крымского ханства основным местом проживания крымчаков являлись Карасубазар (совр. г. Белогорск) и Кафа (совр. г. Феодосия). Небольшие крымчакские общины были и в других городах Крыма, в том числе Гезлеве (совр. г. Евпатория). Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: брачный контракт крымчака Исаака бен Бениамина Какоза с крымчачкой..., заключенный в Гезлеве 14 марта 1659 г.; письмо карасубазарских крымчаков, написанное в 1705 г. Давидом Лехно, с просьбой к гезлевскому караимскому хахаму Моше бен Шинани оказать содействие в строительстве 2 крымчакских синагог в Гезлеве [2].

В конце XVIII в. исследователи отмечают переселение крымчаков из ряда крымских городов в Карасубазар, вызванное, возможно, политической и экономической нестабильностью на полуострове накануне присоединения Крыма к России. Вероятно, тогда же крымчаки покинули и Гезлев. В конце XVIII – начале XIX в. практически все крымчаки были сосредоточены в Карасубазаре, и только отдельные семьи проживали в Феодосии, Симферополе и Севастополе [3].

В первой половине XIX в. в Евпаторийском уезде крымчаками Карасубазара была основана земледельческая колония Роатлы-Кой. Появление этой колонии тесно связано с распространением на крымчаков после присоединения Крыма к России дискриминационного российского законодательства в отношении евреев.

В 1794 г. для евреев были установлены особые подати – «вдвое против положенных с мещан и купцов христианского вероисповедания», кроме того, был введен особый рекрутский налог – внесение определенной платы вместо поставляемых для прохождения воинской службы рекрутов [4]. Но согласно «Положению о евреях» 1835 г. евреи могли быть освобождены от рекрутчины на значительный срок, если переходили к занятию земледелием [5].

Воспользовавшись этим, в 1837 г. 16 больших семей крымчаков (100 чел., из них 32 мужчины, 21 женщина и 47 детей) ходатайство-

вали перед администрацией о переселении на землю. С разрешения Сената, по указу от 24 июня 1842 г. «150 душ мужского пола евреев-мещан города Карасубазара, пожелавших поступить в земледельцы, поселены были на участке казенной земли Таврической губернии, Евпаторийского уезда, где устроили в 1843 г. колонию Роатлы-кой» [6].

История этой колонии была непродолжительной. Крымчаки были поселены на казенной земле без всякого пособия от казны. И многие из них «не имели никаких средств к приобретению для хлебопашества орудий и скота». Некоторые, объединив свои усилия и средства, занялись земледелием, но большинство находилось в «самобеднейшем и крайнем положении», в годы неурожая ходили по близлежащим селениям в поисках пропитания, употребляя в пищу вареное зерно. Неполноценное питание стало причиной высокой смертности среди жителей колонии [7]. Итог всему подвела Крымская война 1853–1856 гг.: поселение было разорено, жители его были высланы в Карасубазар. Дело о судьбах возвратившихся колонистов затянулось до конца лета 1859 г., когда было утверждено положение Комитета министров «Об обращении Евреев земледельцев Колонии Рогатликой в мещанство города Карасубазара» [8]. Именно в этом документе впервые упомянут термин «крымчаки».

Бурное развитие капиталистических отношений в Крыму второй половины XIX в. стало причиной того, что всего за 30–40 лет почти во всех крымских городах появляются крымчакские общины. Попадая в эти города, переживавшие экономический подъем в 60–90-е гг. XIX в., крымчаки получили возможность занять в городской экономической жизни привычные ниши, в основном в качестве ремесленников и мелких торговцев. В этот период начинается новый этап истории крымчакской общины г. Евпатории. Первоначально численность крымчаков была невелика. За неимением своего молитвенного дома – «къяала» – они посещали городскую синагогу. Крымчакские фамилии часто встречаются в списках прихожан евпаторийской синагоги конца XIX в. [9].

В 1908 г. крымчакская община открывает в Евпатории собственный молитвенный дом. Для этого община арендовала дом Э. Шишман (ныне жилой дом № 8 по пер. Степовому). С разрешения Строительно-го отделения Таврического губернского правления от 12 марта 1908 г. дом был перестроен, приспособлен для проведения богослужений [10]. 17 августа 1908 г. в здании Городской управы были проведены выборы членов духовного правления крымчакского молитвенного дома. Из 37 членов общества, имеющих право участвовать в выборах, присутствовал 31 чел. В ходе голосования на должность старосты был избран

Нисим-Хаим Мееров Таукчи, на должность казначея – Юфуда Эфроимов Кокуш, на должность ученого – Абрам Лейзеров Абрабен [11].

В это же время в Евпатории начинает свою деятельность Общество вспомоществования нуждающимся крымчакам-евреям «Гемелас Хесед». Общество предоставляло своим членам беспроцентные ссуды и безвозвратные субсидии, причем последние выдавались исключительно на нужды образования необеспеченным учащимся-крымчакам. Средства общества состояли из ежегодных членских взносов, вступительных взносов, дохода с капиталов и имущества общества, пожертвований общества и посторонних лиц, учреждений, доходов с устраиваемых обществом драматических представлений, литературных чтений, публичных лекций и т. д. [12].

Подобные общества действовали в Карасубазаре, Феодосии, Симферополе, Керчи.

В 1913 г. была проведена национальная перепись крымчаков, которая определила общую численность крымчаков – около 7 тыс. чел. В Евпатории, по данным переписи, проживало 272 крымчака [13].

С установлением в Крыму советской власти в истории крымчаковского этноса начинается новый период. Крымчакам были предоставлены все гражданские свободы и социальное равенство, в Крыму действуют культурно-просветительные крымчацкие общества, открываются крымчацкие школы, детские сады. В Евпатории работает филиал клуба крымчаков г. Симферополя, открывшегося в 1923 г. [14].

В то же время деятельность общин полностью контролировалась государством. Здание крымчацкого молитвенного дома Евпатории, как и другие культовые здания города, было национализировано и передано Евпаторийским окрисполкомом прихожанам в бесплатное пользование для проведения богослужений. Об этом 5 марта 1923 г. был заключен договор между Отделом управления окрисполкома и крымчаками г. Евпатории. Договором предписывалось содержать здание в целостности и сохранности, использовать здание только для богослужений и ни в коем случае – в целях антисоветской пропаганды [15].

В конце 1920-х гг. внутривластный курс государства меняется. В апреле 1929 г. принято постановление «О религиозных объединениях», фактически запрещавшее религиозным обществам создавать фонды взаимопомощи, оказывать материальную поддержку членам этих обществ, организовывать богослужение или другие мероприятия для детей, молодежи, женщин. Местным органам власти рекомендовалось направить силы на закрытие культовых сооружений [16].

В стране разворачивается антирелигиозная кампания. При клубах, предприятиях создаются антирелигиозные кружки, действует «Союз

безбожников», члены которых ведут среди рабочих и крестьян систематическую антирелигиозную пропаганду, объясняя, «какое скверное влияние оказывает религия на темпы нашего социалистического строительства» [17].

5 февраля 1930 г. в Евпаторийский районный исполнительный комитет поступило заявление прихожан Евпаторийского крымчакского молитвенного дома, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся еврей-крымчаки г. Евпатории, как исключительно ремесленники считаем, что молитвенный дом этот является лишним бременем для нас, посему настоящим заявляем, что с сего 5 февраля 1930 г. мы совершенно от него отказываемся, считаем его закрытым навсегда, а помещение это передаем под мастерскую Евпаторийского крымчакского общества Взаимопомощи» [18].

10 февраля 1930 г. состоялось общее собрание трудящихся крымчаков г. Евпатории. Собрание подтвердило решение о закрытии молитвенного дома, под которым подписались все члены общины [19].

Заявление крымчаков было рассмотрено 5 ноября 1930 г. на заседании Президиума ЦИКа Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военморских депутатов Крымской АССР, который постановил ликвидировать молитвенный дом [20].

В 1930-е гг. в городе действовали сапожная и шапочно-фуражная мастерские, организованные Евпаторийским крымчакским обществом взаимопомощи. Мастерские располагались в здании по ул. Морской, 15 (ныне ул. Караева) [21].

В 1940-е гг. крымчакскому народу был нанесен непоправимый удар. Фашистская Германия, оккупировав среди прочих земель СССР и Крымский полуостров, осуществила геноцид крымчаков как приверженных иудаизму. 31 октября 1941 г. Евпатория была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. Уже 23 ноября в городе состоялись первые массовые расстрелы евреев. А через месяц, в конце декабря 1941 г., евпаторийским отделением СД было арестовано до 150 евпаторийских крымчаков. Их вывезли на северо-западную окраину города – Красную горку, где расстреляли [22].

За годы войны фашистами было уничтожено до 80% крымчаков, в основном стариков, женщин и детей, что стало началом не только физического, но и этнического угасания общности (по данным переписи 2001 г. в Украине проживало 406 крымчаков, из них в Евпатории – 14). Процессы культурной и этнической ассимиляции, отсутствие прироста и мизерность численности говорят о последнем этапе жизни общности. Крымчакский этнос исчезает. И тем важнее сейчас изучение и сохранение культуры и истории этого уникального народа.

Список источников и литературы

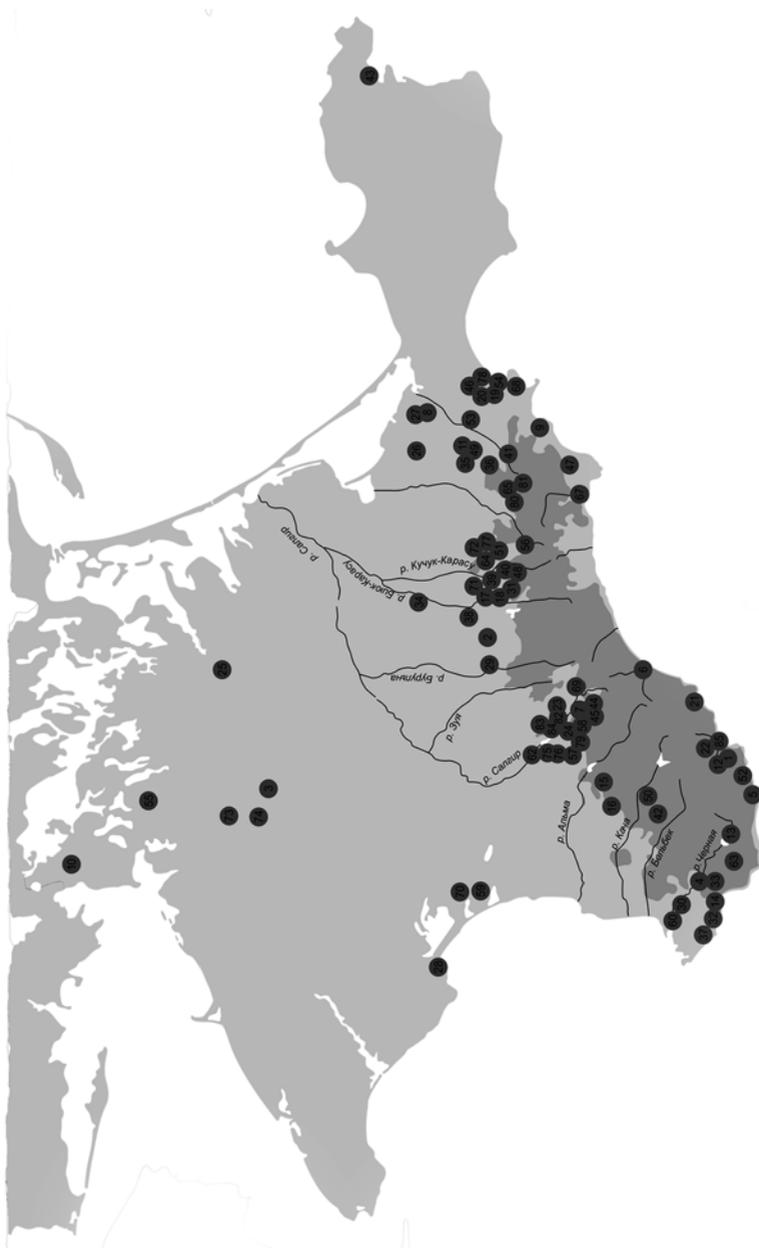
1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. – Симферополь, 2000. – С. 5; Культурное наследие народов Крыма // Культурно-этнографический туризм в Крыму: Справочное научно-методическое пособие. – 2-е изд., доп. / Ред.-сост. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2006. – С. 40.
2. Ачкинази И. В. Указ. соч. – С.160.
3. Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. – М., 1983. – С. 83; Ачкинази И. В. Указ. соч. – С. 76.
4. Ачкинази И. В. Указ. соч. – С. 80.
5. Кая Л. И. Деревня Раатлыкой (первое сельскохозяйственное поселение крымчаков в Крыму) // Къасевет. – 1991. – № 1. – С. 17.
6. Ачкинази И. В. Указ. соч. – С. 94.
7. ГААРК, ф. 27, оп. 1, д. 5845, л. 47–48.
8. Ачкинази И. В. Указ. соч. – С. 94.
9. ГААРК, ф. 681, оп. 1, д. 93, л. 7.
10. ГААРК, ф. 27, оп. 13, д. 3734, л. 3.
11. ГААРК, ф. 681, оп. 2, д. 412, л. 19.
12. ГААРК, ф. 681, оп. 2, д. 429, л. 37.
13. Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. – М., 1983. – С. 84.
14. Ачкинази И. В. Указ. соч. – С. 114.
15. ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 545, л. 2.
16. Прохоров Д. А. Караимские общины Крыма в 1920–1930-х годах. К вопросу о развитии караимского народного образования в условиях национально-культурного строительства в Крымской АССР // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 193–194.
17. Газета «Красный Крым» от 25 декабря 1930 г. – № 288.
18. ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 545, л. 9.
19. Там же, л. 10.
20. Там же, л. 15.
21. Газета «Коллективист» от 24 марта 1931 г. – № 65.
22. ГААРК, ф. Р-1289, оп. 1, д. 5, л. 53; Тяглый М. И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: Справочник. – Симферополь, 2005. – С. 38.

Основные занятия и ремесленная специализация греков-горожан Крыма в конце XIX – первой трети XX в.

В конце XIX – начале XX в. на полуострове в целом сложилась новая община греков, насчитывавшая около 20 000 человек. В связи с тем, что в период Второй мировой войны эти греки, также как армяне, болгары, крымские татары и немцы, подверглись насильственному выселению как «враги народа», долгое время исследования их истории и культуры не поощрялись. Лишь в последние два десятилетия появились публикации М. Абдуллаевой [1], М. Араджиони [2], Н. Быковской [3], Ю. Ивановой [4], И. Мосхури [5], Ф. Янницы [6] и др. [7], освещающие некоторые вопросы истории и культуры греческой общины Крыма нового и новейшего времени.

В то же время в научной литературе практически не исследован вопрос традиционных занятий и ремесленной специализации этой общины греков. Хотя данная тема является чрезвычайно актуальной и для понимания этнокультурных особенностей общности, и для выяснения ряда вопросов, связанных с этнической историей греков в Крыму и, в частности, их депортацией из Крыма в 1944 г. Ведь в докладной записке Л. Берии И. В. Сталину от 29 мая 1944 г., которая обосновывала необходимость выселения по национальному признаку всех армян, болгар и греков как «пособников фашистов» и коллаборационистов, грекам вменялось в вину то, что «значительная часть..., особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д.» [8] Поэтому целью данной статьи является определение основных занятий и профессиональной специализации греков-горожан Крыма в конце XIX – первой трети XX в. Это позволит понять, были ли инкриминируемые грекам занятия во время оккупации их основным источником существования и в мирное время – в период Российской империи и при советской власти, а также показать надуманность выдвинутых обвинений, вследствие которых десятки тысяч человек были лишены родины и свободы.

Для данного исследования мы привлекли материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также документы Государственного архива при СМ АРК (далее ГААРК). Изначально оговорим некоторую условность данных, которые приводятся в Первой переписи населения. Поскольку в ней этнодифференцирую-

Илл. 1. Карта-схема мест компактного проживания греков Крыма в XIX – начале XX в.

щим признаком было не самосознание, а родной язык, тюркоязычные греки были учтены как «татары» или «турки», а грекоязычные евреи были записаны «греками» [9]. Тем не менее анализ данных по конфессиональному составу населения убеждает нас в том, что погрешность в абсолютных числах будет незначительной и ею можно пренебречь.

Приведем самые общие характеристики рассматриваемой группы греков Крыма. В конце XIX – начале XX в. греки были расселены в основном в южной и горной части полуострова (илл. 1). Группа была чрезвычайно пестрой, сформировавшейся в результате многочисленных миграций:

- греков – бывших старожилов Крыма, вернувшихся из Приазовья «мариупольских греков», в основном купцов и ремесленников;

- греков – выходцев с греческих островов Эгейского и Ионического морей, а также Северной Греции (их называли по-разному: «архипелажцы», «албанцы», «арнауты», «балаклавские греки»); как правило, они были военнослужащими, чиновниками, землевладельцами, рыбаками, занимались мелкой торговлей;

- греков – переселенцев с территории современной Турции и Болгарии (греков-«фракиотов»), которые в основном были земледельцами, садоводами и ремесленниками;

- греков, мигрировавших в Крым с южного побережья Черного моря (греков-«понтийцев»). На конец XIX в. это самая многочисленная группа среди греков Крыма; они занимались сельским хозяйством, ремеслом и торговлей.

Численность греков Крыма согласно переписи 1897 г. составляла 17 114 чел., причем греки-горожане составляли около 57% (9831 чел.) от общего количества [10]. Распределение греческого населения по городам Крыма было следующим: Керчь – 1765 чел., Севастополь – 1553 чел., Феодосия – 1280 чел., Ялта – 1193 чел., Евпатория – 919 чел., Симферополь – 847 чел., Старый Крым – 811 чел., Балаклава – 624 чел., Бахчисарай – 498 чел., Еникале – 175 чел., Карасубазар – 163 чел., Перекоп – 3 чел. [11]

Греков отличала высокая миграционная активность. Больше половины грекоязычных греков Крыма были иностранноподданными – 53%, причем подданство Греции имели 1274 чел. (84% от этого количества – горожане), а около 8000 чел. имели турецкое подданство (городские и сельские жители). На 1000 мужчин приходилось всего 700 женщин (меньшие показатели лишь у турок, поляков и молдаван), что также свидетельствует о большом количестве мигрантов-отходников, которые с конца XIX в. массово стали прибывать в Крым в связи с активизацией здесь развития промышленности и рекреационной сферы. Основные занятия греков представлены в таблице [12]:

Раздел IV

Группы занятий	По губернии				В городах			
	Члены семей		Самостоят.		Члены семей		Самостоят.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Администрация, суд и полиция	46	-	11	61	35	-	7	48
Общественная и сословная служба	18	-	11	29	11	-	7	20
Частная и юридическая деятельность	6	1	4	5	6	1	4	5
Вооружённые силы	97	-	2	12	93	-	2	10
Богослужение православного исповедания	34	2	11	41	28	2	5	20
Лица при церкви, клирики и т.д.	7	-	9	10	3	-	9	8
Учебная и воспитательная деятельность	35	24	12	25	25	18	7	16
Наука, литература и искусства	4	-	-	1	4	-	-	-
Врачебная и санитарная деятельность	8	18	5	16	6	16	3	13
Частная прислуга и поденщики	702	126	199	388	393	99	115	247
Доход с капитала и недвижимости	148	263	164	320	128	245	146	288
Средства от казны, общ. учр. и част. лиц	54	48	1	17	32	40	1	12
Лишённые свободы и отбыв. наказание	8	1	-	-	8	1	-	-
Земледелие	1.475	87	1.594	2.357	229	14	230	406
Пчеловодство	-	-	-	-	-	-	-	-
Животноводство	12	-	5	16	2	-	-	6
Лесоводство и лесные промыслы	24	2	22	53	5	2	-	1
Рыболовство и охота	160	-	81	175	131	-	77	168
Добыча руд и копи	47	-	19	41	10	-	9	17
Выплавка металлов	-	-	-	-	-	-	-	-
Обработка волокнистых веществ	10	42	8	20	8	37	6	13
Обработка животных продуктов	8	-	5	10	6	-	3	5
Обработка дерева	40	-	10	41	27	-	10	32
Обработка металлов	196	-	87	155	121	-	64	120
Обработка минер. веществ (керамика)	5	-	4	1	5	-	-	1
Химические производства	4	-	3	6	3	-	3	6
Винокурение, пиво и медоварение	6	-	-	1	4	-	-	1
Прочие напитки и бродильные вещества	17	-	3	12	11	-	3	12
Обраб. раст. и живот. продуктов питания	226	4	81	120	165	4	58	87
Табак и табачные изделия	43	4	17	18	33	2	11	16
Полиграф. производ. и изделия из бумаги	19	-	5	7	18	-	5	7
Произв. инструментов, часов, игрушек	1	-	-	1	1	-	-	1
Ювелирное дело, живопись, роскошь	10	-	1	18	10	-	1	17
Изготовление одежды	93	105	69	158	79	94	56	138
Строительные работы	921	2	188	357	403	1	127	235
Производство экипажей и дерев. судов	57	-	32	77	55	-	30	73
Не вошедшие в предыдущие группы	12	-	7	11	10	-	7	9
Водные сообщения	274	1	103	268	247	1	88	236
Железные дороги	8	-	2	12	6	-	2	11
Извозный промысел	142	1	59	106	112	1	45	77
Иные сухопутные средства передвижения	18	-	13	19	17	-	13	17
Почта, телеграф и телефон	6	1	5	9	5	-	5	9
Кредитные и коммерческие учреждения	6	-	1	2	5	-	1	1
Торговое посредничество	46	-	25	55	41	-	23	17
Торговля вообще, без точного определения	254	3	97	165	120	2	46	97
Торговля живым скотом	3	-	-	2	3	-	-	2
Торговля зерновыми продуктами	187	1	68	154	149	1	53	134
Торговля остальными продуктами с/х	761	22	379	693	673	18	339	634
Торговля строит. материалами и топливом	37	-	15	28	32	-	12	26
Торговля предметами домашнего обихода	9	-	1	6	9	-	1	6
Торговля металлоизд., машин. и оружием	11	-	2	10	10	-	2	16
Торговля тканями и одеждой	52	-	18	28	22	-	7	16
Торговля кожами, мехами и т.п.	1	-	-	-	1	-	-	-
Торговля предметами роскоши и культа	1	-	-	2	1	-	-	2
Торговля остальными предметами	80	-	16	19	69	-	14	18
Торговля разносная и развозная	84	1	20	41	28	-	16	39
Трактиры, гостиницы, номера и клубы	216	10	77	165	193	8	68	158
Торговля питьевой	71	2	29	66	53	1	23	56
Чистота и гигиена тела	54	41	41	84	51	38	38	79
Лица неопределённых занятий	31	5	19	29	22	3	19	25
Проституция	-	-	-	-	-	-	-	-
Лица, не указавшие занятий	27	27	24	45	21	23	23	43

Анализ данных таблицы показывает, что чуть меньше трети греков-горожан (29% – 2832 чел. с членами семей) занимались торговлей; более 15% также было занято в сфере услуг (в т. ч. греки-отельеры, трактирщики, цирюльники, извозчики и др.); 1087 чел. (с членами семьи – 2253 чел., или 23%) занимались различными ремеслами, 13% – земледелием, скотоводством, рыбной ловлей и т. д. и еще около 9% работали прислугой, поденщиками и занимались другим неквалифицированным трудом. Остальные 11% греков-горожан Крыма были чиновниками, военнотружущими, священниками, банкирами, землевладельцами, работали в сфере образования и здравоохранения и др.

Обращает внимание то, что греки торговали главным образом зерновыми и другими продуктами сельского хозяйства (в основном бакалейей) – 841 человек непосредственно, а вместе с членами семей они составляли 70% от всех греков-горожан, занятых в торговле. На втором месте можно поставить питейную торговлю и содержание трактиров и гостиниц – 255 чел. самостоятельно (560 с членами семей). Еще в конце XX в. старожилы крымских городов с ностальгией вспоминали разнообразие товаров в греческих бакалейных лавочках, знаменитые «рейнсковые погреба» и кондитерские. Например, согласно общему списку торговых и промышленных предприятий в 1895 г. только по г. Симферополю бакалейные лавки держали купцы 2-й гильдии Федор Ляски и Мильтиадис Иовани, дворянин Василий Сарьянаки, мещанка Елена Кокинас, турецкоподданные греки Василий Дживоглу и Дмитрий Костанди, бахчисарайский купец из «мариупольских греков» Афанасий Арабаджи и др. Питейной торговлей здесь занимались 2-й гильдии купцы Георгий Христофоров и Николай Такопуло, бахчисарайский мещанин Дмитрий Чилингилов, евпаторийский мещанин Григорий Тютюнджиев и др. Мещанин Василий Влахиди в Симферополе имел Ремесленную гостиницу, греческоподданный Георгий Алифери – трактир «Коммерческий» в доме Чирахова, в этом же доме другой грек – 2-й гильдии купец Александр Калайджи – имел трактир «Россия»; мещанин Михаил Ламбадаки держал трактир «Митридат» и «рейнский погреб»; турецкоподданные Лазарь Лазарь-Оглу и Теохар Попандопуло открыли соответственно трактир «Одесса» и харчевню в доме Колпакчиева на Севастопольской ул.; мещанин Федор Полити – трактир в доме Садовникова на той же улице т. д. [13] Из приведенного списка видно, что торговлей занимались не только греки – купцы и мещане, но и греки, принадлежавшие к ремесленному сословию, или как их еще называли «цеховые» (т. е. принадлежащие к

какому-либо «цеху» – корпорации лиц, занимающихся одним и тем же ремеслом).

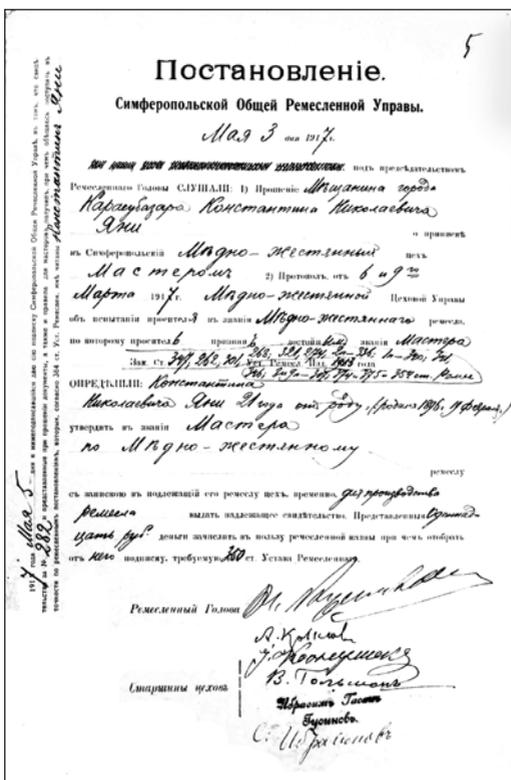
Поскольку почти четверть греков-горожан занималась ремеслом, скажем несколько слов о специфике ремесленного сословия в Российской империи. Цеховым предоставлялось преимущественное право на занятие определенными видами ремесла и продажу своих изделий. Для занятий этими ремеслами лицами других сословий от них требовалась временная запись в цех с уплатой соответствующих сборов. По закону без записи в цех нельзя было открыть ремесленное заведение, держать работников и иметь вывеску (илл. 2), хотя с 1870-х гг. постепенно эти правила стали уп-

Илл. 2. Вывеска мастера Константина Яноти (из фондов Керченского историко-археологического заповедника)

рощаться и к 1916 г. во многих городах Российской империи уже были упразднены ремесленные управы, которые ведали делами этого сословия. В цеховое состояние могли записываться все те, кто имел право на приписку к мещанскому обществу. Принадлежность к цеховым усваивалась при рождении и при записи в цех, а также передавалась мужем жене. Но дети цеховых, достигнув совершеннолетия, должны были записываться в ученики, подмастерья, мастера, а в противном случае они переходили в мещане. Свидетельства на звание ремесленников выдавались на неограниченное время тем, кто имел право на постоянную приписку к цеховому состоянию. Процедура была такова: желающий должен был представить в казенную палату увольнительное свидетельство от прежнего своего общества или ведомства и приемное от того ремесленного общества или ведомства, в которое желал вступить. После утверждения казенной па-

латой ремесленная управа записывала его в общество и выдавала свидетельство [14]. Это позволяло ремесленникам активно мигрировать в поисках более дешевого сырья, нового рынка сбыта своих изделий или потребителей своих услуг. В фонде Симферопольской ремесленной управы Госархива АРК хранится большой массив документов о приписке в ремесленные цеха греков-мещан, прибывших из других регионов Крыма, и иностранноподданных. Вначале желающие иметь свидетельство мастера должны были подать соответствующее прошение, затем, чтобы доказать свою способность заниматься конкретным ремеслом и квалификацию, пройти специальное испытание в присутствии мастеров, уполномоченных Ремесленной управой, и только после этого могли получить необходимые документы для открытия собственного дела [15] (илл. 3).

Илл. 3. Постановление Симферопольской общей ремесленной управы, выданное мастеру Константину Яни (ГААРК. Ф.59. Оп.1. Д.4669. Л.5)

Среди ремесленников крымских городов в конце XIX в. особенно выделяются греки-строители (404 чел. непосредственно и 766 чел. с членами семей, т. е. почти 34% от общего количества греков-«цеховых»); изготовители одежды, в т. ч. портные, шляпники, перчаточники, сапожники (173 чел., 79 мужчин и 94 женщины, с членами семьи – 367, или 16% от общего количества); обработчики растительных и животных продуктов питания, главным образом греки-кондитеры и пекари (169 чел., с членами семьи – 314, или 14%) и обработчики металлов: медники, лудильщики, жестянщики, кузнецы и др. (121 чел., с членами семьи – 305 чел., т. е. более 13%). Стоит оговорить, что примерно десятая часть обозначенных в переписи греков, специализирующихся на изготовлении одежды, – это на самом деле грекоязычные евреи, что явствует из пофамильных списков ремесленников крымских городов. Обращает на себя внимание то, что как раз среди греков – пекарей и строителей наблюдается явный дисбаланс в количестве мастеров и членов их семей. Это связано с тем, что многие из этих ремесленников приезжали в Крым на заработки. Специализация ремесленников наиболее многочисленных греческих городских общин Крыма выглядит так:

	Севастополь	Симферополь	Ялта	Керчь	Карасубазар	Феодосия	Евпатория
Обработка животных продуктов	2	-	1	2	-	-	-
Обработка дерева	-	8	4	5	5	-	-
Обработка металлов	14	8	7	32	7	17	6
Обработка минер. веществ (керамика)	2	1	-	-	-	2	-
Хим. производства	1	-	-	1	-	-	-
Обраб. раст. и живот. продуктов питания	59+1	3	32	12	-	19	10
Полиграф. производ. и изделия из бумаги	5	6	5	-	-	1	-
Произв. инструмен-тов, часов, игрушек	1	-	-	-	-	-	-
Ювелирное дело, живопись, роскошь	1	-	2	-	1	2	4
Изготовление одежды	11+13	7+32	11+7	15+18	4	7+10	6+6
Строительные работы	60	16	190+1	69	3	20	8
Производство экипажей и дерев. судов	11	-	2	23	-	2	15

Греков-строителей больше всего было в Ялте, Керчи и Севастополе, пекарей – в Севастополе, Ялте и Феодосии. Это было связано в первую очередь с активным освоением Южного берега Крыма и развитием рекреационного комплекса. Кузнецов, медников и лудильщиков – в Керчи и Феодосии. Наибольшее количество ремесленников-греков, занятых изготовлением одежды и аксессуаров было в Симферополе и Керчи, а вот производство экипажей и судов процветало также на побережье – в Керчи, Евпатории и Севастополе. Документы Симферопольской ремесленной управы позволяют персонифицировать эти сухие цифры. Так, в числе греков-пекарей Симферополя значились Н. Спиридонов, Я. Панайоти-Оглу, С. Стефаниди, П. Милидис, С. Хатайлиди, Е. Харламбиди, К. Попандопуло, П. Куталиди; карамельщиков-кондитеров – И. Филопулос; шапочников – Я. Тодори; сапожников – С. Франжуло, Н. Канаки; кузнецов – А. Апостолов; медников – К. Яни; ювелиров – Савва Филло; часовщиков – Христофор Калфояно; цирюльников – Ф. Григоранди, И. Калоеров, Д. Хаджи-Фоти, А. Христофор-Оглу, К. Ксанфопуло, Ф. Параскева, Ф. Куркчи и др. [16] Так же, как и в ситуации с греками-торговцами, в Симферополе занимались ремеслом не только российскоподданные, но и иностранноподданные греки (особенно много их было среди пекарей), а также греки-мещане из других го-

Илл. 4. Семья грека-медника Яни (Янниди) из г. Карасубазар (г. Белоргорск) в 1950-х гг. (из архива О. П. Кирсяевой)

родов, например, Карасубазара (представитель ремесленной династии медников Яни (Янниди) илл. 4) и др.

Революцию большинство греков Крыма приняли позитивно, поэтому даже иностранноподданные в большинстве своем не изъявили желания вернуться в Грецию или Турцию даже за деньги советского правительства. В то же время многие бывшие российскоподданные греки – купцы, представители дворянства и интеллигенции – предпочли уехать в эмиграцию. В 1919–1920 гг. в период т. н. малоазийской катастрофы Крым наводнили греки-беженцы из сел Османской империи, однако из-за гражданской войны, эмиграции и голода 1921–1922 гг. число греков на полуострове практически не увеличилось.

В 1926 г. греков в Крыму насчитывалось 20 536 (2,8% от всего населения), иностранноподданных всего было 7066 чел., из них 4068 – греческоподданных. Доля городского населения несколько уменьшилась и составляла около 45%. Оно распределялось следующим образом: Ялта – 1783 чел., Керчь – 1202 чел., Севастополь – 1198 чел., Симферополь – 1153 чел., Феодосия – 916 чел., Старый Крым – 900 чел., Евпатория – 716 чел., Балаклава – 480 чел., Карасубазар – 426 чел., Алушта – 249 чел., Бахчисарай – 156 чел., Джанкой – 82 чел., другие пгт – 179 чел. Греческое сельское население по переписи значилось в 1972 дворах, в основном в Феодосийском (577 чел.), Симферопольском (399 чел.), Карасубазарском (295 чел.), Бахчисарайском (181 чел.) и Ялтинском (108 чел.) р-нах. Всего было землеустроено 16 греческих селений на площади 44 978 га. Были созданы 5 национальных греческих сельских советов [17]. Так как иностранноподданные греки не имели права собственности на землю, многие сельские жители вынужденно стали заниматься мелкой торговлей и ремеслом.

В период новой экономической политики советской власти греки-горожане смогли довольно быстро стать на ноги после военной разрухи. Традиционно греки держали первенство в торговле бакалей и «мелочным товаром», имели пекарни, рестораны и цирюльни, занимались извозом и различными ремеслами. Греки-ремесленники работали как кустари-одиночки или были организованы в небольшие артели. К 1926 г. в кустарно-ремесленной промышленности Крыма по официальным данным было занято всего 863 чел. (данные приводятся только по мастерам, без членов их семей) – 4,5% от общего количества, причем из них 108 были женщинами [18]:

Населенные пункты	Всего	мужчин	женщин
Города	615	517	98
Симферополь	90	78	12
Севастополь	164	143	21
Феодосия	43	34	9
Керчь	65	51	14
Ялта	144	120	24
Евпатория	32	30	2
Бахчисарай	10	5	5
Карасубазар	36	32	4
Джанкой	5	5	-
Старый Крым	26	19	7
пгт	124	118	6
Алупка	11	11	-
Саки	2	2	-
Алушта	20	17	3
Судак	4	2	2
Гурзуф	2	2	-
Балаклава	85	84	1
районы	124	120	4
Симферопольский	11	11	-
Бахчисарайский	4	4	-
Джанкойский	8	7	1
Карасубазарский	30	27	3
Судакский	1	1	-
Евпаторийский	2	2	-
Феодосийский	18	18	-
Ялтинский	18	18	-
Керченский	28	28	-
Севастопольский	4	4	-
Всего	863	755	108

Основными промыслами греков-кустарей в 1927 г. были следующие:

- пищевкусовая промышленность – 36,5% (в т. ч. 32,6% – хлебопечение);
- производство одежды – 23,4% (в т. ч. 11,2% – изготовление обуви, 6% – портняжное дело);
- рыболовство – 18,0%;
- обработка металлов – 11,4%;
- обработка дерева – 2,8%;
- кожевенное производство – 2,3%;
- другое – 5,4% [19].

Если сравнить с ремесленной специализацией представителей других жителей полуострова и вкладом греков-ремесленников в кустарную промышленность Крымской АССР, можно увидеть, что греки занимали второе место по числу лудильщиков (21,5% от всех ремесленников этого профиля) и ремесленников, занятых в пищевкусовой промышленности (13,3%, в т. ч. хлебопечение – 22,6 % от общего количества и также 2-е место). На третьем месте были греки-ювелиры (13,7% от общего количества ювелиров) и рыбаки (6,1%). Также греки-ремесленники специализировались в следующих ремеслах [20]:

- кузнечное дело – 2,4% от всех ремесленников Крыма этого профиля;
- слесарно-токарное дело – 2,1%;
- жестяное – 2,2%;
- столярное – 0,7%;
- колесное и с/х продукции – 4,4%;
- бондарное – 0,7%;
- корзиночное – 3,6%;
- химическая промышленность – 2,3%;
- обработка кожи – 3,0%;
- кожевенная и меховая промышленность – 1,9%;
- обработка шерсти – 2,2%;
- производство одежды – 2,1%;
- производство обуви – 3,8%;
- фотография – 0,7%;
- часовая промышленность – 1,9%.

Постепенно НЭП стали сворачивать и многие греки, которые имели в своих ресторанах, пекарнях или мастерских наемных рабочих или

подмастерьев, из честных тружеников превратились в эксплуататоров и к 1929 г. были лишены избирательных прав, а следовательно, возможности устроиться на какую-либо работу. Еще более жесткие меры принимались по отношению к тем, кто занимался какой-либо торговлей. На 1 апреля 1930 г. число греков-ремесленников сократилось на 225 чел. Согласно официальной статистике осталось 435 греков, входящих в число членов артели, и 150 чел. – кустари-одиночки [21]. Такими же «лишенцами» стали священнослужители, зажиточные крестьяне, а некоторые подверглись высылке и раскулачиванию, попали в концлагеря, например К. Канаки, Е. Стериони, Ф. Панайотова, И. Папаникола и др. [22] В связи с изменением экономической политики и кампанией по коллективизации в греческих общинах Крыма к началу 1930-х гг. наметилась тенденция уже к массовой эмиграции [23]. Однако из страны уже не выпускали. Чтобы преодолеть напряженность в обществе, вызванную безработицей, власти рекомендовали активизировать работу греческих обществ и комитетов взаимопомощи [24], а также промкооперацию [25].

В начале 1930-х гг. в Никите и Феодосии работали промыслово-кооперативные артели греков-строителей, В. Македонский возглавлял в Карасубазаре артель «Труд-жесть», греки были башмачниками в артелях «Дружный труд» (г. Севастополь, К. Попандопуло и др.) и «Рекорд» (г. Ялта). Особенно много греков было объединены в промыслово-кооперативных товариществах и артелях пекарей и кондитеров (илл. 5): «Эрмис» (Г. Лоланов, Г. Кефериди, П. Бербериди и др.), «Фарос» (А. Грамматикопуло, Ф. Домниди, К. Георгиади и др.), «Единение» (П. Атмаджи, П. Апостолиди, Г. Лолиди) и др. в Большой Ялте; «Багдад» (Д. Чораниди, М. Чохадариди и др.), «Урожай» (Н. Лалакиди, И. Петалиди, И. Ксенифопуло и др.) и др. в Симферополе; «Омония» (Г. Мавромати, С. Григориади, Х. Савулиди и др.), «Красный хлебопек» (Н. Мирониди, А. Пападимитри, С. Симеофорида и др.), «Хлебопек №1» (Л. Тогриди, К. Киорсавва, И. Халкиди и др.) и др. в Севастополе; «Красный пекарь» (Д. Аманатиди, П. Псомиади, К. Кокозиди и др.) в Керчи; «Кооператор» (М. Эфтимиади, И. Чохариди, А. Чебанов и др.) в Алуште, «Путь к социализму» в Балаклаве и др. [26].

Процент иностранноподданных греков в Крыму оставался довольно высоким, это стало причиной сфабрикованных дел о шпионаже [27]. Только в период 1937–1939 гг. более 600 греков, в т. ч. иностранноподданные, попали в тюрьмы, пятая часть была расстреляна. Под-

*Илл. 5. Артель пекарей в г. Карасубазар (г. Белогорск) 1920–1930-е гг.
(из архива О. П. Курсяевой)*

верглись репрессиям нарком пищеπροма Крыма К. Х. Харлампида, руководители колхозов и сельсоветов А. К. Карафило, Х. М. Псом и др., более 30 директоров школ и учителей: М. Н. Бинат, И. С. Калояниди, Е. И. Симилиди, А. И. Грамматикопуло, Ф. А. Пиперидис, Х. П. Метаксопуло, Н. И. Илиади и др. [28] Перепись 1939 г. показала, что за 13 лет численность греческой общины практически не выросла и составляла 20 652 чел. [29].

С первых дней войны греки Крыма записывались добровольцами на фронт, вступали в истребительные батальоны, народное ополчение. Многие погибли на фронтах, дошли до конца войны лишь 600 крымских греков-военнослужащих. Иностранноподданные греки в силу своего статуса не подлежали мобилизации, однако принимали участие в движении сопротивления. В 1941 г. Крым был оккупирован фашистской Германией. Несмотря на репрессии и лишения, которые пережили греки в период советской власти, ни один из них не вступил в фашистские военные формирования. В то же время людям нужно было как-то выживать и кормить свои семьи, что было непросто сделать в условиях разрушенного войной хозяйства и промышленности. Поэтому многие греки стали зарабатывать тем же, чем занимались и

до войны – ремеслом и частной торговлей, которая была свернута в СССР лишь в 1930-е гг. Чтобы выжить, часть греков-горожан была вынуждена переселиться в села, где занялась земледелием и скотоводством. В то же время греки старались помогать партизанам и подпольщикам, а зачастую и сами принимали активное участие в движении сопротивления фашизму.

Всего по данным Крымского штаба партизанского движения в отрядах состояло 133 грека. Цифра кажется небольшой, но если принять во внимание общее количество партизан в 1941–1943 гг. – около 4000, окажется, что греки оставляли около 3%, хотя их удельный вес во всем населении Крыма был 1,8% (1939 г.) [30]. Среди руководителей движения сопротивления были Н. Спаи из Карасубазара, Ф. Якустиди, Х. Чусси и С. Коллианиди из Симферополя, Н. Тamarлы из Ялты и др. М. Македонский стал командиром Бахчисарайского отряда, который только за первый год оккупации провел свыше 50 крупных боевых операций. Затем он руководил одной из бригад, а с 1944 г. – Южным соединением партизанских отрядов. 39 партизан-греков погибли, 22 – пропали без вести. Карателями были расстреляны члены семей крымских партизан – Н. Спаи, И. Хрисандопуло, Г. Тактоници, семьи Апостолиди, Макриди, Чунгуровых и др., сожжены села Пайляры, Армутлук, Шах-Мурза и др., где компактно проживали греки, помогавшие партизанам. Древняя греческая деревня Лаки была сожжена вместе с жителями. Во время отступления фашистские каратели расстреляли всех жителей одной из улиц г. Старый Крыма, где проживали греки и болгары [31].

Многие патриоты участвовали в подпольных организациях: К. Попандопуло – в Севастополе, Т. Попандопуло – в Феодосии, М. Триандофилиди – в Евпатории, Е. Манераки и братья Хрони – в Керчи, В. Лукидис и Т. Василькиоти – в Ялте, братья Чалухиди и С. Стилианиди – в Карасубазаре, Х. Попандопуло – в с. Ангара и др. В Симферополе с 1941 по 1944 г. действовала группа под руководством С. Х. Колианиди, которая собирала информацию о дислокации и перемещениях противника, предупреждала партизан о готовящихся карательных акциях, распространяли листовки и т. д. Д. Попандопуло-Грамматикопуло была хозяйкой явочной квартиры симферопольских подпольщиков. В с. Кисек-Аратук работала греческая комсомольско-молодежная группа под руководством Н. Триандофилова и К. Апостолиди [32]. Несмотря на это, в июне 1944 г. греки Крыма – как иностранноподданные, так и

граждане СССР – были насильственно выселены из Крыма с клеймом пособников оккупантов и предателей родины.

Таким образом, проведенный обзор основных занятий и ремесленной специализации греков-горожан Крыма показывает, что 1897 г. более 53% из них были заняты в сфере обслуживания (в т. ч. 29% – непосредственно в торговле), 23% занимались ремеслом и торговлей. После смены государственного строя в 1920-е гг. греки, несмотря на уменьшение численности и общее обнищание населения в результате войн, миграций и голода, продолжали заниматься своими традиционными ремеслами и работали в сфере обслуживания. В период НЭПа они открыли множество пекарен, мастерских, ресторанов, занимались мелкой торговлей, однако уже к 1929 г. из-за этого многие из них были ущемлены в правах и лишились работы. В связи с индустриализацией и коллективизацией большинство греков, чтобы выжить в условиях безработицы и политики, проводимой советской властью, вынуждены были вступить в колхозы, создать промышленно-кооперативные товарищества или пополнить ряды рабочих госпредприятий.

С началом фашистской оккупации, как показывают документы и исследования В. Брошевана, Л. Кравцовой и др. греки проявляли лояльность к советской власти, оказывали помощь партизанам и подпольщикам и непосредственно участвовали в организациях сопротивления. В условиях разрушенной войной экономики и политики, которую проводили немцы на оккупированных территориях, когда вновь была разрешена частная инициатива, греки лишь вернулись к тем занятиям, которые традиционно кормили их семьи, – к мелкой торговле и ремеслу, работе в сфере обслуживания. Причем в большей степени в торговле и сфере обслуживания были задействованы иностранноподданные греки. Анализ количества греческого населения Крыма накануне Второй мировой войны и его участия в кустарной промышленности и торговле показывает, что оно было не настолько существенным, чтобы в целом повлиять на развитие экономики на оккупированных территориях. В свете всего вышесказанного можно утверждать, что повод, который Л. Берия привел для оправдания депортации греков из Крыма, является надуманным. Насильственное выселение десятков тысяч людей только за то, что они работали, чтобы прокормить свои семьи, занимаясь тем, что умели и делали в Крыму всегда, является преступлением сталинского режима, последствия которого мы не можем преодолеть до сих пор.

Список источников и литературы

1. Абдуллаєва М. А. Духовно-релігійне життя греків Криму наприкінці ХVІІІ – на початку ХІХ ст. – К., 2000; Абдуллаєва М. А. Грецькі громади Криму у 1917–1938 рр. – К., 2001.
2. Араджионі М. А. Греки Криму: історія і сучасне становище (етнокультурна ситуація та проблеми етнополітичного розвитку). – Сімферополь, 2005.
3. Быковская Н.В. История формирования греческой общины Керчь-Еникальского градоначальства (конец ХVІІІ – начало ХІХ вв.) // Україна – Греція: Історія та сучасність: Тези міжнародної наукової конференції (Київ, 29–30 вересня 1993). – К., 1993; Быковская Н., Санжаровец В. Керченский табачный фабрикант Константин Месаксуди // Підприємці й меценати. Грецькі підприємці та громадські діячі в Україні ХVІІ–ХІХ ст. – К., 2001.
4. Греки России и Украины. – СПб., 2004.
5. Мосхури И. В. Греки в истории Севастополя. – Севастополь, 2005.
6. Янници Ф. Греческий мир в конце ХVІІІ – начале ХХ вв. по российским источникам. – СПб., 2005.
7. Греки в истории Крима: Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000; Доненко Н. Судьба греческой общины // Доненко Н. Новомученики Феодосии. – Феодосия. – М., 2005; Шевцова Н. Н. Репрессии против греков Крима накануне и в годы Великой Отечественной войны // Проблемы интеграції кримських репатріантів в українське суспільство. – К., 2004.
8. Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). – К., 2004. – С. 139–140.
9. Этническая история Крима в таблицах, картах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие. – Симферополь, 2007. – С. 2–4.
10. Этническая история Крима... – С. 2–3.
11. Этническая история Крима... – С. 2–3.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 41: Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Табл. ХХІІ. – С. 192–197.
13. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 329а, л.14, 17 об., 25 об., 27–28, 35 об., 48 об., 55 об., 60 об., 63 об., 76 об., 79 об., 93 об.

14. Ремесленники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.vgd.ru/132/8590/>
15. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 4669, л. 1–5.
16. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 1238, 1279, 1461, 1582, 4502, 4550, 4607, 4611, 4733, 4504, 708, 1422, 536, 2569, 4669, 29, 708, 178, 3329, 4581, 1023, 708, 584.
17. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 698, л. 42–44, 46, 52, 57.
18. ГААРК, ф. Р-1119, оп. 2, д. 64, л. 4–7; Кравцова Л. П. Греческое население Крыма в 1921–1941 гг. Участие в хозяйственном и культурном строительстве // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000. – С. 65.
19. Финогеев Б. Л. Крымские татары, греки, немцы, армяне, болгары: Национальное мастерство и его влияние на развитие Крыма. – Симферополь, 1997. – С. 83.
20. Финогеев Б. Л. Указ. соч. – С. 80–84.
21. Финогеев Б. Л., Неклюдов Е. В. Расселение и трудоустройство немцев, греков, армян, болгар в Крыму (прошлое и настоящее). – Симферополь. 1997. – С. 16.
22. Шевцова Н. Н. Указ. соч. – С. 331–337.
23. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 918, л. 8–9, 17, 19–23.
24. ГААРК, ф. Р-3469, оп.1, д. 1, л. 42, 138, 196–197; д. 4, л.1–5, 39–40; д. 9, л. 20–21, 39, 43–52.
25. ГААРК, ф. Р-103, оп. 2, д. 30, л.1–47.
26. ГААРК, ф. Р-1119, оп. 2, д. 3, л. 36–41, 43–49 об и др; д. 4, л. 51–60, 130–135, 136–141, 169–175, 215–221 об., 222–227 об.
27. Доненко Н. Указ. соч. – С. 223–250.
28. Шевцова Н. Н. Указ. соч.
29. Приводится по: Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. – Симферополь, 1998. – С. 248–249.
30. Шамко Е. Н. Дорогами крымских партизан. – Симферополь, 1976. – С. 3–12, 45; Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). – К., 2004. – С. 116.; Брошеван В. М. Участие греков в партизанском и подпольном движении в Крыму в 1941–1944 гг. // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000. – С. 69–73.

31. ГААРК, ф. 151, оп. 1, д. 580, л. 9–10, 39–45; Брошеван В. М. Указ. соч.
32. ГААРК, ф. П-156, оп. 1, д. 62, л. 12–26; Партизанский билет В. С. Лукидиса. Ялтинский объединенный историко-литературный музей. – КП-5863, Д-1279; Брошеван В. М. Указ. соч.; Полевые материалы автора (2001–2003 гг., проект Филиала Греческого фонда культуры, г. Одесса).

Размещение русского этноса в Крыму (конец XIX – начало XX в.)

Роль и значение того или иного этноса в социально-экономическом развитии территории, на которой он проживает, определяется во многом его численностью, размещением, занимаемым местом в системе общественного разделения труда на определенном этапе исторического развития.

Цель настоящей статьи – освещение размещения русского этноса в городской и сельской местности Крыма на переломе XIX–XX вв., входившего в состав Таврической губернии, которая, в свою очередь, являлась составной частью Новороссии – исторической области, состоящей из четырех губерний и области войска Донского, располагавшихся в Северном Причерноморье.

Настоящее сообщение является продолжением серии работ автора и коллег, посвященных изучению этнической структуры населения Северного Причерноморья [1; 2; 3; 4; 5]. В предложенной статье впервые в историографии представлен подробный этностатистический анализ размещения русского этноса на территории Крыма в конце XIX в.

В конце XIX – начале XX в. русский этнос в Крыму занимал по численности первое место среди 40 этносов полуострова, в границах же Таврической губернии – второе после украинского этноса.

Численность жителей, проживавших в Таврической губернии, состоящей из территорий Крымского полуострова и трех северных, материковых уездов, составляла, по данным первой всероссийской переписи населения 1897 г., 1448 тыс. чел. Из них в городах губернии проживало 289 тыс. чел., что составляло 20%, в сельской местности – 1158 тыс. чел., т. е. 80%. Из общей численности городского населения губернии в материковых уездах проживал 21%, а на полуострове – 79% горожан. 73% сельских жителей губернии проживали в северных, материковых уездах и 28% – на полуострове [6].

В трех северных уездах – Бердянском, Днепровском и Мелитопольском – проживала 901 тыс. чел., или 62,2% от общей численности населения губернии. Из них в городах указанных уездов проживала 61 тыс. чел. (6,8%), в сельской местности – 840 тыс. чел. (93,2%).

Численность жителей, проживавших в Крыму, составляла, по данным переписи населения 1897 г., 547 тыс. чел., или 37,8% от общей чис-

ленности населения губернии. Из них в городах полуострова проживало 228 тыс. чел., или 42%, в сельской местности – 318 тыс. чел., или 58%.

Численность русского этноса составляла в городах губернии 142 тыс. чел., или 49% от общей численности городского населения, в сельской местности – 262 тыс. (23%), в губернии – 404 тыс., или 28%. По месту проживания 35% представителей русского этноса губернии относились к горожанам, 65% – к сельским жителям.

Численность русского этноса, проживавшего в Крыму, составила на 1897 г. 181 тыс. чел. Из них в городах размещалось 108,7 тыс. чел. (60%), в сельской местности – 72 тыс. чел. (40%).

Удельный вес русских составлял в городах Крыма 47,6% от общей численности городского населения, в сельской местности – 22,7%, на полуострове в целом – 33,1%.

Значительное количество русских, проживавших в городской местности Крыма, располагалось, как это видно из таблицы 1, в Севастопольском (31,7%) и Керчь-Еникальском (31,3%) градоначальствах, а также в Симферопольском (23,4%) и Феодосийском (11,5%) уездах. Удельный вес русских был наибольшим в Ялтинском (66,2%), Перекопском (48,4%) и Феодосийском (45,4%) уездах, а также Севастопольском (63,0%) и Керчь-Еникальском (58,5%) градоначальствах.

Наибольшее количество русских, проживавших в сельской местности Крыма, располагалось в Феодосийском уезде (31,2%). За ним шли Симферопольский (24%), Ялтинский (15,5%) и Перекопский (12,7%) уезды. Удельный вес русского крестьянства наибольшим был в Севастопольском (58,7%) и Керчь-Еникальском (44,9%) градоначальствах, а также в Симферопольском (26 %) и Феодосийском (25,5 %) уездах.

В целом основная масса русских Крыма проживала в Симферопольском (23,7%), Феодосийском (19,3%) и Ялтинском (11%) уездах, а также в Севастопольском (19,9%) и Керчь-Еникальском (13,5%) градоначальствах. Удельный вес русских был наибольшим в Севастопольском (62,8%) и Керчь-Еникальском (55,8%) градоначальствах, а также в Симферопольском (30,2%), Феодосийском (30,2%) и Ялтинском (27,1%) уездах.

Анализ поуездного размещения русского этноса в Крыму указывает на относительную равномерность его размещения как между уездами, так и внутри уездов, между поселившимися в городах и сельской местности, что во многом было обусловлено исторически сложившимся разделением труда на время поселения, иногда волевым решением властей, а в последующем, после 1861 г., динамикой спроса и предложения на рынке рабочей силы юга Украины.

Таблица 1

Размещение русского этноса в Крыму на переломе XIX–XX вв.*

Уезды, градоначальства и города	Размещение русских в уездах и градоначальствах (чел. об. п.)								
	В городах			В сельской местности			В городах и селениях		
	Кол-во душ, (% горожан)	Удельный вес к ост. этносам городов уезда	Размещение по городам полуострова	Кол-во душ, (% сельчан)	Удельный вес к ост. этносам селений уезда	Размещение по селениям полуострова	Кол-во душ, (% сельчан и горожан)	Удельный вес к ост. этно- сам уезда, град-ва	Размещение по уездам
1. Симферопольский	25495	34,0	23,4	17338	26,0	24,0	42833	30,2	23,7
%	59,5	-	-	40,5	-	-	100,0	-	-
г. Симферополь	22426	45,7	20,6	-	-	-	-	-	-
г. Бахчисарай	948	7,3	0,9	-	-	-	-	-	-
г. Карасубазар	2121	16,4	1,9	-	-	-	-	-	-
2. Феодосийский	12455	45,4	11,5	22519	25,5	31,2	34974	30,2	19,3
%	35,6	-	-	64,4	-	-	100,0	-	-
г. Феодосия	11288	46,8	10,4	-	-	-	-	-	-
г. Старый-Крым	1167	35,0	1,1	-	-	-	-	-	-
3. Ялтинский	8705	66,2	8,0	11174	18,6	15,5	19879	27,1	11,0
%	43,8	-	-	56,2	-	-	100,0	-	-
г. Ялта	8705	66,2	8,0	-	-	-	-	-	-
4. Евпаторийский	4715	26,3	4,3	6392	14,1	8,9	11107	17,6	6,1
%	42,5	-	-	57,5	-	-	100,0	-	-
г. Евпатория	4715	26,3	4,3	-	-	-	-	-	-
5. Перекопский	2555	48,4	2,4	9188	19,9	12,7	11743	22,8	6,5
%	21,8	-	-	78,2	-	-	100,0	-	-
г. Перекоп	2555	48,4	2,4	-	-	-	-	-	-
6. Севастопольское градоначальство	34504	63,0	31,7	1553	58,7	2,1	36057	62,8	19,9
%	95,7	-	-	4,3	-	-	100,0	-	-
г. Севастополь	34014	63,5	31,3	-	-	-	-	-	-
г. Балаклава	490	40,3	0,4	-	-	-	-	-	-
7. Керчь-Еникальское градоначальство	20363	58,5	18,7	4007	44,9	5,6	24370	55,8	13,5
%	83,6	-	-	16,4	-	-	100,0	-	-
г. Керчь	19274	57,8	17,7	-	-	-	-	-	-
г. Еникале	1089	75,7	1,0	-	-	-	-	-	-
8. По Крыму	108792	47,6	100,0	72171	22,7	100,0	180963	33,1	100,0
%	60,1	-	-	39,9	-	-	100,0	-	-

* Таблица 1 составлена автором в результате обработки первоисточника: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. – Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Т. XLI. – 309 с.

Быстро меняющаяся структура государственного устройства в пореформенной России, возникновение земств и самоуправления на местах, ускоренное развитие капитализма на юге Украины, бурный рост зернового производства, развитие промышленности, транспорта и торговли в условиях малонаселенности края породили острый спрос не только на сельскохозяйственных работников и разнорабочих, но и на образованных специалистов и служащих, способных организовать, управленцев и менеджеров, необходимых для решения целого комплекса сложных задач, связанных со становлением и развитием рыночной экономики на территории края [6–18]. Преобладающая часть таких специалистов была представлена в Крыму представителями русского этноса. Характер размещения русского этноса на юге Украины, его численность, удельный вес в той или иной местности являются следствием определенных причин, сыгравших решающую роль в выборе мигрантами тех или иных мест поселения, которые еще предстоит выяснить будущим исследователям. При этом самого пристального внимания заслуживают причины выхода, формы перемещения, обеспеченность и квалификация мигрантов, приспособляемость к новым географическим, климатическим, экономическим и бытовым условиям, а также к социально-культурным традициям заселяемых территорий.

Список источников и литературы

1. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. (историко-экономическое исследование). – Черкассы, 1993. – 256 с.
2. Бойко Я. В., Данилова Н. О. Формування етнічного складу населення Південної України (кінець XVIII – XIX ст.) // Український історичний журнал. – 1992. – С. 54–65.
3. Бойко Я. В., Кабузан В. М. Формирование этнической структуры и быта сельского населения Северного Причерноморья (конец XVIII – XIX вв.) // Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції, присвяченої 200-річчю міста Одеси, 6–8 вересня 1994 р. – Одеса, 1994. – С. 134–137.
4. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.). – Черкассы, 2007. – 48 с.
5. Бойко Я. В. Размещение поляков на юге Украины (конец XIX – начало XX вв.) // Поляки на півдні України та в Криму. – Одеса – Ополье – Вроцлав, 2007. – С. 79–85.

6. Расчеты выполнены автором по источнику: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. – Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Т. ХLI. – 309 с.
7. Бойко Я. В. Роль селянських переселень у формуванні капіталістичних відносин у сільському господарстві Південної України (60–80-ті роки XIX ст.) // Історія народного господарства та економічної думки Української РСР: Республіканський міжвідомчий збірник наукових праць. – Вип. 25. – К., 1991. – С. 38–43.
8. Бойко Я. В. Самовільні переселення селянства на Південь України (друга половина XIX – початок XX століть) // Південна Україна XVIII–XIX століття: Записки науково-дослідницької лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Вип. 2. – Запоріжжя, 1996. – С. 124–130.
9. Бойко Я. В. Роль Крестьянского банка в заселении Южной Украины (80-е годы XIX – начало XX в.) // Південна Україна XVIII–XIX століття. Записки науково-дослідницької лабораторії історії Південної України ЗДУ. – Вип. 5. – Запоріжжя, 1999. – С. 151–170.
10. Бойко Я. В. Земледельческий отход крестьянства на юг Украины (вторая пол. XIX – начало XX в.) // Питання аграрної історії України та Росії. – ДНУ. – Дніпропетровськ, 2002. – С. 91–96.
11. Бойко Я. В. Аграрне заселення Південної України (друга половина XIX – початок XX ст.) // Вісник Черкаського університету. – Вип. 61. Серія: Історичні науки. – Черкаси, 2004. – С. 119–136.
12. Бойко Я. В. Переселенська політика та переселенське законодавство в Росії (60–80 роки XIX ст.) // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. Вип. 80. – Черкаси, 2005. – С. 61–75.
13. Бойко Я. В. Міграційні джерела формування ринку праці на півдні України (1861–1917 рр.) // Український селянин. – Черкаси, 2006. – Вип. 10. – С. 239–241.
14. Бойко Я. В. Соціально-економічне становище селянства центральних районів Європейської Росії у другій половині XIX ст. // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. – Черкаси, 2006. – С. 137–155.
15. Бойко Я. В. Заселення Південної України (кінець XVIII – початок XX ст.) // Матеріали III Міжнародного наукового конгресу українських істориків «Українська історична наука на шляху творчого поступу». – Луцьк, 2006 р.
16. Бойко Я. В. Міграція селянства на південь України (друга половина XIX – початок XX ст.) // Матеріали міжнародної науково-теоретич-

ної конференції «Наддніпряньська Україна в контексті історичного розвитку Центрально-Східної Європи». – Дніпропетровськ, 2006. – С. 202–209.

17. Бойко Я. В. Неземледельческая деятельность мигрантов и местного крестьянства в Северном Причерноморье в конце XIX в. (по материалам переписи населения 1897 г.) // XXX Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Неземледельческая деятельность крестьянства и особенности российского социума». – Москва – Тула, 2006. – в печати.
18. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА). – Ф. 391. – Оп. 2. – Спр. 19.

Чехи Крыма в 20–30-е гг. XX в.

После окончательного установления в 1920 г. на юге Украины советской власти в социально-экономическом положении чешского населения этих земель произошли значительные изменения. Изменился количественный и национальный состав жителей сформировавшихся в досоветский период чешских деревень. Увеличилось число чехов, проживавших за пределами их этнических поселений.

По данным Центрального статистического управления Крымской АССР (согласно предварительной переписи населения в Крыму в 1921 г.), чехи на полуострове проживали во всех уездах, в городах и селах. Общее их число составляло 1413 чел. В сельской местности насчитывалось 1139 чехов, в городах полуострова – 274. В Симферопольском уезде проживало 337 чел., а в Симферополе – 106; Джанкойском уезде – 767, Евпаторийском – 133, Керченском – 19, Севастопольском – 51, Феодосийском – 72, Ялтинском – 34 [1].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1926 г. количество чехов Крыма составляло 1406 чел. В сельской местности насчитывалось 1187 чел., что составляло 0,3% от общего количества населения полуострова. В городах проживало 219 чел. (соответственно 0,1%) [2; 3]. В 1925 г. все существовавшие ранее сельские советы Крымской АССР были «разукрупнены», т. е. разделены на более мелкие. Разделение сельских советов проходило по национальному признаку. После принятия таких мер количество чешских сельских советов увеличилось. Все они были сосредоточены в Северном Крыму – в Джанкойском р-не (ранее Перекопский уезд). До принятия мер по «разукрупнению» сети сельских советов чешский совет был всего один – Богемский. Александровский сельсовет был смешанным, т. к. на его территории и в центральном поселении Александровка проживали не только чехи, но и немцы [4]. С декабря 1925 г. появился еще Курман-Кемельчинский (бывший Цареквичский сельсовет). Центральными деревнями в нем были чешские. Кроме богемцев и моравцев в чешских сельских советах проживали евреи, крымские татары, немцы, русские, украинцы и эстонцы. Количество представителей нечешских национальностей в данных сельсоветах было незначительным, поэтому полное разделение сельсоветов по национальному признаку не было осуществлено. Например, Александровский сельский совет после «разукрупнения»

включал в себя 13 населенных пунктов [5]. В Богемский сельский совет после нового административно-территориального деления были включены 9 населенных пунктов и 26 сельских хозяйств. Среди чехов в данных населенных пунктах проживали немцы, русские и незначительное количество представителей других национальностей. В Курман-Кемельчинском (Цареквичском) сельском совете насчитывалось немцев – 48 чел., евреев – 196 и русских – 15. Богемцы и моравцы находились в Акчоринском сельском совете в поселении Табор в количестве 106 чел. Чешское население бывших чешских колоний составляло: в Александровке – 668 чел. (чешско-немецкое население), в Богемке – 311, в Цареквике – 210.

С 1926 г. в административно-территориальном делении Крымской АССР была установлена новая сеть сельских советов. Чехи проживали в Александровском сельском совете в Александровке, в Богемском – в Богемке, в Джанбуладинском – в Цареквике и в Русско-Акчоринском сельсовете в селении Биюк-Конрад [6].

В 30-х гг. XX в. чешское население Крымской АССР было распределено по районам следующим образом. В Джанкойском р-не численность чехов составила 814 чел. Здесь они в основном проживали в компактных этнических поселениях – Александровке, Богемке, Таборе и Цареквике, принадлежащих различным сельсоветам. В Александровском и Цареквичском сельсоветах количество чешского этноса было минимальным, а сельсоветы считались смешанными. Только Богемский сельсовет на протяжении 20–30-х гг. XX в. оставался этнически чешским [7]. Согласно документам Госплана СССР в 1931 г. национальный состав населения Крымской АССР, в том числе и чешского, значительно отличался от данных численности по предварительной переписи 1926 г. Число чехов в Джанкойском р-не составляло 438 чел., в Акмечетском р-не – 34 чел., в Евпаторийском – 24, во Фрайдорфском – 98 [8]. Несколько человек проживало в Феодосийском р-не [9]. Более достоверными являются сведения, содержащиеся в «Алфавитных списках сельсоветов с национальными пунктами и национальным составом», а также в списках сельсоветов по районам с указанием в них количества населения. Согласно этим источникам распределение чешских жителей по сельским советам и населенным пунктам в 1930–1931 гг. было следующим. Джанкойский р-н включал чешский совет (Богемский), в котором насчитывалось 356 чехов. В этом же районе чехи проживали в Борлак-Томакском сельсовете – 50 чел., в Джадра-Борлакском – 5 чел., в Марьянском – 14 чел. В Ишуньском р-не были записаны: в Биюк-

Кашкаринском сельсовете – 9 чел., в Тарханском – 8 чел., в Ичкимском – 13 чел.; в Биюк-Онларском р-не: в Даниловском сельсовете – 36 чел., в Александровском – 277 чел. [10]; в Бахчисарайском р-не: в Эски-Эльском сельсовете – 1 чел.; в Феодосийском р-не: в Ак-Монайском сельсовете (селении Ак-Монай) – 12 чел., в Арма-Элинском (селение Мин-Шибань) – 1 чел., в Изюмовском (селения Изюмовка и Карагозы) – 1 и 7 чел. соответственно, в Ислам-Терекском (селение Ислам-Терек) – 2 чел., в Кишлавском (селение Кишлав) – 44 чел., в Коктебельском (селения Коктебель и Султановка) – 29 и 3 чел., в Найманском (селение Найман) – 2 чел., в Салынском (селение Салы) – 35 чел., в Огуз-Тобельском (селение Семисотка) – 3 чел. В Ялтинском р-не чехи проживали в Юдендорфском сельсовете (селение Боз-Гоз Кипчак) – 7 чел. В Балаклавском р-не: в Бельбекском сельсовете (селение Бельбек) – 4 чел., в Кадыковском (селение Кадыковка) – 9 чел., в Комарском (сел. Комары) – 3 чел., в Узунджинском (селение Узунджа) – 1 чел. В Судакском р-не чехи находились в количестве 5 чел. только в одном селении – Немецкой Колонии (Немколонский сельсовет) [11].

На базе бывшей чешско-немецкой колонии Александровки в Джанкойском р-не был учрежден чешский сельсовет. В начале 20-х гг. XX в. в данном населенном пункте насчитывалось 73 крестьянских хозяйства. Количество пашни и сенокосных земель – 1138 десятин. Трудоспособного населения было свыше 300 чел. [12]. В 1925 г. Александровский сельский совет был разделен на более мелкие административные единицы. По новому административно-территориальному делению в Александровский сельсовет входило только два населенных пункта. Это были поселения Александровка и Кары-Софа. Всего в Александровке проживал 751 чел. (чехов – 264, немцев – 433, русских – 54). Индивидуальных хозяйств насчитывалось 16. Из них зажиточных – 13, середняцких – 40, бедняцких – 112.

Посевная площадь в Александровке составляла свыше одной тысячи десятин [13]. Основные сельскохозяйственные культуры, которые выращивали жители, – ячмень, овес и пшеница [14]. В середине 20-х гг. XX в. в Александровском сельском совете жители разводили лошадей. Их количество достигало 170 голов. Выращивали также коров (включая телят) – 494 головы, волов – свыше 80 голов [15]. В каждой чешской семье в этот период имелись одна-две лошади, несколько коров и овец [16].

В с. Александровка размещалось Александровское сельское потребительское общество, там же было организовано еще одно торгово-

промышленное предприятие – «Крупорушка» [17]. В 1923 г. здесь была создана артель «Хлебопах». Сеяли в основном ячмень. Урожай, собранный этой артелью в 1923–1924 гг., составлял: ячменя – 204 пуда, овса – 50 пудов [18].

В 1924 г. в Александровском сельском совете была организована новая артель – «Хлебороб». Кроме чехов, которых было подавляющее количество, в нее входили также русские, крымские татары и немцы. Количество земли в период основания данной артели в Александровке составило 1050 десятин. Документы фиксируют факты того, что у многих жителей, которые являлись организаторами данной артели, не хватало денег на приобретение необходимых семян, чего требовал устав артели.

Документы фонда «Богемского сельсовета», сохранившегося в ГААРК, свидетельствуют, что поселяне не раз обращались в президиум Александровского сельсовета с просьбами о выделении ссуды на закупку семян. Большинству из них было отказано. Правление сельсовета при выделении займа принимало во внимание уровень жизни всех обратившихся. Отказ следовал, если человек имел несколько лошадей, коров, овец и т. д., а также если он уже занимал ранее деньги и за ним числился долг. Ссуды выделялись самому неимущему населению в крайне редких случаях [19].

В социально-экономическом развитии Александровки существовал ряд сдерживающих факторов. Среди основных – невыплата всех налогов, отсутствие кредитования, медленный сбыт сельскохозяйственной продукции, который осуществлялся только за счет кооперации. Медленными темпами развивалась кустарная промышленность. Это было связано с отсутствием всех необходимых материалов. В Александровке преобладающими были бедняцкие хозяйства, которые нуждались в финансовой помощи. В связи с возникшими экономическими проблемами (прежде всего неурожайные годы) там было создано сельскохозяйственное кредитное товарищество. С началом его функционирования были открыты снабженческие операции. Стоимость пая в товариществе составляла 11 руб. По долгосрочным ссудам кредитное товарищество получало отчисления от 4 до 6 процентов. По краткосрочным – от 7 до 10. С начала года в товарищество поступали сельскохозяйственные материалы, мелкий инвентарь, лесной материал, сельскохозяйственные машины [20].

Чешские поселения Табор и Цареквич входили в состав нечешских сельских советов и не являлись их главными поселениями. Поселение

Табор (ныне с. Макаровка) входило в состав Воронцовского сельского совета. На территории Табора насчитывалось только 22 крестьянских хозяйства. Пахотной земли было 714 десятин, небольшое количество земли было занято под сенокос. Основными сельскохозяйственными культурами являлись овес, пшеница, рожь, ячмень [21]. Поселение Цареквич (ныне с. Пушкино) было включено в состав Курман-Кемельчинского сельского совета. Площадь земли под посевы в данном населенном пункте ограничивалась только 196,5 десятинами. На этой территории выращивали пшеницу, рожь, ячмень. Под паром находилось 130 десятин земли, 39 – было занято под кукурузу, 46,5 – было засеяно семенами, которые получили в качестве помощи из германского Красного Креста. В протоколах заседаний сельских советов и в докладах об их работе в 20-х гг. XX в. чешское поселение Цареквич фигурирует как населенный пункт с немецкими жителями [22].

Поселение Богемка (ныне с. Лобаново) являлось центральным в Богемском сельском совете, который в 20–30-е гг. XX в. считался чешским. Социально-экономические отношения в чешском поселении Богемка строились следующим образом. Богемский сельский совет включал в свой состав 20 тыс. десятин земли и 33 населенных пункта [23]. На его территории проживало 3482 чел. Из них чехов – 11%, русских – 43%, крымских татар – 26%, немцев – 17%, представителей других национальностей – 2,5%. Председателем данного сельского совета в 20-х гг. являлся Ф. Прохасько, его заместителем – Сейкора. Председателем ревкомиссии в то же время работал Ф. Гурих, секретарем – Ф. Валесский. Членов правления сельсовета было 15 [24; 25], президиум состоял из трех человек. Возглавляли и вели основную работу по сельсовету председатель и технический секретарь. Члены правления Богемского сельского совета неактивно участвовали в его работе. Каждый из них имел индивидуальный план, по которому обязан был проводить разноплановую работу среди крестьянского населения деревень. Однако планы, как правило, оставались на бумаге [26–28].

Основным занятием чехов в Богемке было земледелие [29]. Основной массив составляли пахотные земли – 1830 десятин. Число крестьянских хозяйств в Богемке составляло 101 [30–31].

Земельные участки, принадлежавшие жителям данного населенного пункта, по размерам были достаточно разными. Некоторые имели от 1 до 3 десятин пахотной земли, другие же – от 10 до 20. Скот в деревне был представлен лошадьми, коровами, овцами, свиньями. Коз не держали. На одну чешскую семью приходилось от 1 до 4 лошадей,

1–3 коровы (очень редко 4), 1–2 свиньи, до 3 поросят, 1–10 овец, 1–2 вола [32–35]. Документы фиксируют в 1924 г. в Богемском сельсовете падеж скота, что, конечно, негативно отразилось на экономической ситуации [36].

Имущество, которое принадлежало типичной чешской семье в 20–30-е гг. XX в., включало повозку, корыто на колесах, жатвенную машину, скоропашки (4 лемеха), плуг, борону деревянную, каток каменный, паровую молотилку, двухколесную тачку, сбрую на несколько лошадей, а также другой сельскохозяйственный инвентарь [37].

На территории Богемского сельского совета в 20-х гг. находился ряд торгово-промышленных предприятий, в том числе два потребительских кооператива и одно сельскохозяйственное потребительское товарищество, два маслодельных завода, четыре частных мельницы. К началу 30-х гг. количество мельниц уменьшилось в два раза, т. к. их число значительно превышало потребности населения. Сокращение мельниц было связано также с созданием в сельсоветах единого мельничного дела [38].

В начале 20-х гг. в Богемском сельском совете был организован Комитет общественной взаимопомощи, в состав которого избирались граждане села (не более 10 чел.). Комитет состоял из президиума и ревизионной комиссии. Его основной задачей являлась защита хозяйственных и правовых интересов беднейшей части населения [39].

В середине 20-х гг. XX в. в сельском совете было создано Богемское потребительское общество. Оно объединяло жителей почти всех населенных пунктов для кооперации против частной торговли [40]. В данном потребительском обществе кооперация проходила достаточно медленно. Всего в него входило 170 чел., с полными паями было только 78. Паевых средств в 1925 г. было выделено 784 р. 10 коп. Плата правлению общества составляла 4% с оборота. На приобретение товаров из государственных учреждений шло 93%, 7% – на закупку у частных. Члены-пайщики получали в конце года 5% товаров от закупочной суммы. Данными льготами комитет втягивал население в кооперацию. На территории Богемского сельского совета находилось одно кредитное товарищество. Располагалось оно в с. Павловском [41].

В Богемском сельском совете функционировали совхоз «Султан Бачел» и Джадра-Киятское товарищество «Выгода». Они специализировались на животноводстве [42]. Здесь также находилась коммуна «Красный пахарь», которая, как ни странно, при таком названии занималась выращиванием овец [43].

Таким образом, в 20–30-е гг. XX в. в Крыму продолжают активно развиваться чешские поселения, существуют собственно чешские сельские советы. Основу экономики в этих поселениях составляло сельское хозяйство – земледелие и животноводство. В результате массовой коллективизации наблюдается постепенный отход от традиционного фермерского принципа ведения хозяйства, следствием чего стала значительная бедность среди чешского населения.

Список источников и литературы

1. Предварительные итоги переписи населения в Крыму в 1921 г.: По-районные и уездные итоги / Центральное статистическое управление Крымской АССР. – Симферополь, 1922. – Вып. 1. – 115 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Крымская АССР. – М., 1928. – 45 с.
3. ГААРК, ф. Р- 663, оп. 1, д. 1874, л. 1.
4. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1836, л. 9–11.
5. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 442.
6. ГААРК, ф. Р-663, оп. 2, д. 320, л. 1.
7. ГААРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 588, л. 49.
8. ГААРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 987, л. 1–4.
9. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1840, л. 3.
10. ГААРК, ф. Р-663, оп. 2, д. 329, л. 2–11.
11. ГААРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 394.
12. ГААРК, ф. Р-1648, оп. 1, д. 3, л. 59.
13. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 232, л. 68.
14. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 27, л. 41.
15. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 127, л. 51.
16. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, 49, л. 10.
17. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 27, л. 41.
18. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 127, л. 31.
19. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 1, д. 3, л. 144–146.
20. ГААРК, ф. Р-1648, оп. 1, д. 3, л. 71–74.
21. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 49, л. 61–81.
22. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 216, л. 36, 37.
23. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 8, л. 1.
24. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 9, л. 3.
25. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 1, д. 319, л. 33.
26. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 1, д. 35, л. 2–4.
27. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 279, л. 1.

28. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 49, л. 1.
29. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 3, д. 4, л. 15.
30. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 4, л. 32.
31. ГААРК, ф. Р-1648, оп. 1, д. 3, л. 68.
32. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 12, л. 78.
33. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 319, л. 33.
34. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 1, д. 42.
35. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 1, д. 12, л. 2.
36. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 64, л. 5.
37. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 216, л. 37.
38. ГААРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 1318, л. 3, 4.
39. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 3, д. 1, л. 14.
40. ГААРК, ф. Р-1051, оп. 1, д. 77, л. 19.
41. ГААРК, ф. Р1051, оп. 1, д. 216, л. 37.
42. ГААРК, ф. Р-1532, оп. 2, д. 18, л. 1.
43. ГААРК, ф. Р-1051, л. 76.

Динамика расселения крымских татар по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв.

Многонациональный состав населения Крымского полуострова требует тщательного изучения этнодемографической ситуации не только современного, но и прошлых исторических периодов, что позволит исключить публицистические и псевдонаучные спекуляции в вопросе этногеографии Крыма. Основным, наиболее полным и научно обоснованным источником данных о населении являются всеобщие переписи населения, которые предоставляют возможность установить целостную гео- и этнодемографическую картину того или иного региона.

Всего на территории Крымского полуострова было проведено 8 всеобщих переписей: в 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2001 гг. Географию расселения крымских татар можно проследить только по пяти из них. Переписи 1959, 1970 и 1979 гг. следует исключить из этого ряда, т. к. они проводились в период, когда представители данного этноса находились в депортации.

По данным первой всероссийской переписи населения в 1897 г. на территории Крымского полуострова проживало 546 592 чел., из них 194 294, или 35,5%, составляли «татары» [1]. Национальность определялась по родному языку, и в переписных документах этноним «крымские татары» отсутствовал. В соответствии с указом Александра I от 1802 г. об образовании Таврической губернии на территории Крыма было 4 уезда: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский. Ялтинский уезд был создан только в 1838 г. «вследствие быстрого роста населения и промышленности по южному берегу Крыма» [2]. Таким образом, в административном отношении в это время территория Крыма разделялась на 5 уездов и 2 градоначальства.

География расселения татар в Крыму в конце XIX в., как и представителей других национальностей, отличалась неоднородностью. 74,9% татар проживало в сельской местности и составляло 45,7% от всего сельского населения полуострова. Если рассматривать расселение татар по административно-территориальным единицам (АТЕ) того времени, следует отметить, что подавляющее их большинство (97,7%) проживало в крымских уездах, в то время как в градоначальствах насчитывалось 4473 чел., что составляло 2,3% от числа всех татар, проживавших на территории полуострова.

Треть от всех татар Крыма (32,4%) проживала в Симферопольском уезде. В Феодосийском уезде проживало 22,9% от общего числа татар, в Ялтинском – 22,3%, в Евпаторийском – 13,9%, в Перекопском – 6,3%. В обоих градоначальствах (Керчь-Еникальском и Севастопольском) доля татар от всего татарского населения полуострова составляла 1,3% и 1% соответственно.

В общей структуре населения крымских АТЕ Таврической губернии татары составляли более половины в Ялтинском уезде (59,0%). Следует отметить, что почти половину площади этого уезда составляла Богатырская волость [3], территория которой находится в границах современного Бахчисарайского р-на и является частью традиционной предгорной полосы расселения крымских татар. В двух уездах их доля превышала 40% (в Симферопольском – 44,4%, в Евпаторийском – 42,7%), в остальных была ниже этого показателя (в Феодосийском – 38,3%, в Перекопском – 23,9%). В структуре населения городов Крыма доля татарского населения варьировала от 3,3% в Ялте до 86,0% в Бахчисарае. В Керчи и Севастополе, а также в Керчь-Еникальском и Севастопольском градоначальствах татары составляли менее 10%, в Симферополе и Феодосии – менее 20%.

Сравнивать расселение татарского населения по одноименным АТЕ в конце XIX в. и в начале XXI в. не корректно, т. к. современная структура административно-территориального деления (АТД) Автономной Республики Крым более дробная, чем на момент проведения первой всероссийской переписи. Например, в 1897 г. площадь Феодосийского уезда значительно превосходила территорию современного Феодосийского горсовета, а Симферопольский уезд занимал практически всю территорию современного Симферопольского р-на, значительную часть Бахчисарайского и Белогорского р-нов и часть Красногвардейского р-на.

В целом большинство татарского населения Крыма в конце XIX в. проживало в сельской местности (74,9%). В Симферопольском уезде сельское население составляли 53,7% татар, в Евпаторийском уезде – 67,2%, в Феодосийском – 88,6%, в Перекопском – 89,7%, в Ялтинском – 99,0%. В городах проживало только 20,1% крымских татар, что составляло 21,8% от всего городского населения полуострова. В абсолютных числах больше всего татар жили в г. Бахчисарае (11 148 чел., или 5,7% от всех татар Крыма), а в относительных числах они преобладали в этнической структуре жителей городов Карасубазар и Бахчисарай Симферопольского уезда, где их доля составляла 64,0% и 86,0%

соответственно. Таким образом, большинство татар расселялось в предгорной и горной частях Крыма, меньшинство – в степных северных регионах полуострова.

Ко времени проведения следующей всеобщей переписи населения численность татарского населения в Крыму уменьшилась на 15 200 чел. [3], что в первую очередь можно объяснить последствиями голода 1921 г. [4]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Крымской АССР проживало 713 823 чел., из них 25,1% составляли «татары» (этот этноним употребляется в переписных документах).

В целом результаты переписи 1926 г. свидетельствуют как о сохранении общей географии расселения татар в Крыму (преимущественно предгорные и горные территории), так и о преобладании сельского характера расселения. Больше всего крымских татар (20,1% от их общего числа) проживало в Бахчисарайском р-не, меньше всего (5,0%) – в Джанкойском. В половине районов Крыма татары в этнической структуре населения составляли менее 1/5 части от общего числа проживающих (в Феодосийском р-не – 12,6%, в Джанкойском – 13,2%, в Севастопольском – 13,5%, в Симферопольском – 15,3%, в Керченском – 15,4%). В Евпаторийском р-не доля крымских татар составляла 27,7%, в Ялтинском – 42,2%, в Карасубазарском – 43,9%. Абсолютное большинство татары составляли в двух из десяти районов: в Судакском и Бахчисарайском – 81,7% и 76,7% соответственно. При этом большинство татар в этих районах проживало в сельской местности. Так, например, в целом в этнической структуре населения Судакского р-на крымские татары составляли 81,7%, при этом 96,8% из них проживали в сельских населенных пунктах.

Как и в конце XIX в., в начале XX ст. большинство в этнической структуре населения городов крымские татары составляли в Бахчисарае (72,1%). В Карасубазаре их доля уменьшилась до 33,7%, в Евпатории, Армянске и Судаке составляла около 20,0%, в Ялте и Симферополе – около 10,0%, а в остальных городах не превышала 7%. Больше всего татар-горожан проживало уже не в Бахчисарае, а в Симферополе (6,2% от всех татар Крыма). А в большинстве остальных городов доля проживающих в них татар не доходила до 1% от общей численности татарского населения полуострова.

Ко времени проведения Всесоюзной переписи 1939 г. численность татар в Крымской АССР выросла почти на 40 тыс. [5]. В 1939 г. в Крыму проживали 1 126 429 чел., из них 218 879, или 19,4%, составляли крымские татары (в переписных документах употребляется этноним «татары»). Доля сельских жителей среди татар Крыма по-прежнему состав-

ляет более 70%, хотя и снижается с 78,4% (по данным предыдущей переписи) до 72,7%. Ядро расселения основной части крымских татар не изменяется и привязано к предгорным и горным районам. Каждый пятый крымский татарин проживает в Бахчисарайском и Куйбышевском р-нах, территории которых занимает современный Бахчисарайский р-н. В этнической структуре населения АТД 1939 г. большинство крымские татары составляют в 5 районах: Куйбышевском (89,5%), Судакском (70,3%), Алуштинском (63,1%), Бахчисарайском (55,7%) и Балаклавском (55,0%). При этом в АТЕ с городским и сельским населением подавляющая часть татарского населения проживает в сельской местности: в Судакском р-не – 92,8%, в Алуштинском – 82,9%, в Бахчисарайском – 76,9%, в Балаклавском – 97,8%.

Как и в 1926 г., абсолютное большинство городских жителей среди крымских татар составляли симферопольцы – 7,9% от всех татар, а относительное большинство в этнической структуре населения – жители Бахчисарая (55,3% от населения города). В целом из-за очень дробного АТД 1939 г. (по сравнению с 1926 г. количество районов в Крыму увеличилось с 10 до 26) сделать репрезентативный анализ динамики системы расселения по сравнению с предыдущими переписями возможно в рамках отдельного масштабного исследования.

В 1944 г. крымские татары были депортированы с территории полуострова. В первые годы массового возвращения крымских татар характер их расселения отличался от установленного переписью 1939 г., что зафиксировано последней Всесоюзной переписью населения 1989 г. По этим данным, в Крымской области проживало 2 430 495 чел., из них 38 365, или 1,6%, составляли крымские татары [6]. В 1989 г. большинство крымских татар проживало в северных степных и предгорных районах полуострова. Более половины всех крымских татар (57,3%) проживало в 5 районах: Белогорском, Симферопольском, Первомайском, Советском и Кировском. Если по переписи 1939 г. относительное большинство татар проживало на территории современного Бахчисарайского р-на, то в 1989 г. 14,3% от всех татар Крыма проживало в Белогорском р-не, в Симферопольском р-не этот показатель составлял 9,9%, в Кировском – 9,4%, в Джанкойском – 8,2%, в Первомайском – 7,9%, в Советском – 7,6%. Наименьшие значения данного показателя были зафиксированы в Нижнегорском, Раздольненском и Судакском р-нах (менее 2%), а также на территориях, подчиненных горсоветам (менее 1%), кроме Симферопольского, и в городах (менее 1%), кроме Джанкоя.

В этнической структуре населения Крымской области во всех АТЕ татары составляли менее 5%, за исключением 5 районов: Белогорского (9,0%), Кировского (6,5%), Краснопереконского (6,2%), Первомайского (7,6%) и Советского (8,1%), что объясняется незначительным количеством вернувшегося на полуостров крымскотатарского населения.

Географию современного расселения крымских татар зафиксировали результаты первой всеукраинской переписи 2001 г. Данные этой переписи показывают, что доля крымских татар, проживающих в сельской местности, по сравнению с довоенным периодом уменьшилась с 72,7% до 66,6% [7]. Почти четверть всех татар Крыма (24,0%) сегодня проживают в Симферопольском р-не и на территории Симферопольского горсовета. География городского расселения крымских татар отличается неоднородностью: 10,4% проживают на территории столичного горсовета, еще 10,2% – в Евпатории, Бахчисарае, Белогорске и Старом Крыму, остальные городские жители из числа крымских татар размещены более-менее равномерно в других городских поселениях, где их доля не превышает 1,5% в каждом.

Первая полоса расселения крымских татар совпадает с довоенным ядром расселения – как и до выселения, большая часть (46,2%) проживает в предгорной части Крыма: в Бахчисарайском, Симферопольском, Белогорском и Кировском р-нах, где их доля в этнической структуре населения составляет более 21% в каждом. Вторая полоса расселения расположена в северных и центральных степных районах АРК. В Джанкойском, Первомайском, Сакском, Красногвардейском, Нижнегорском и Советском р-нах проживает 31,7% от всей численности крымских татар, а их доля в этнической структуре населения колеблется от 16% до 22%. Доля крымских татар, проживающих в южных регионах полуострова (на территориях Алуштинского, Судакского, Феодосийского, Ялтинского и Севастопольского горсоветов), составляет 5,7% от их общей численности и 2,4% от населения данных регионов.

Общая динамика геодемографических показателей для крымскотатарского населения полуострова, отраженная в табл. 1, показывает резкие скачки абсолютных демографических характеристик, что объясняется событиями политической истории, и общую тенденцию изменения относительных значений. Так, относительные показатели свидетельствуют об увеличении доли городского населения среди крымских татар и об уменьшении доли крымскотатарского населения в общей численности населения Крыма.

Таблица 1

Динамика численности населения Крыма, численности и соотношения городского и сельского населения крымских татар, по данным всеобщих переписей XIX–XXI вв. [1, 3, 5, 8, 9,10]

1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2001 г.*
Всего населения, тыс. чел.							
546,6	713,8	1126,4	1201,5	1813,5	2135,9	2430,5	2024,1
В том числе крымских татар, тыс. чел. (%)							
194,3 (35,5)	179,1 (25,1)	218,9 (19,4)	0,4 (0,03)	2,0 (0,1)	5,4 (0,3)	38,4 (1,6)	243,4 (12,0)
Из них городское население, %							
20,1	21,6	27,3	90,9	11,4	—	23,4	33,4
Из них сельское население, %							
74,9	78,4	72,7	9,1	88,6	—	76,6	66,6

* Без Севастопольского горсовета.

Список источников и литературы

1. Динамика этнического состава населения Автономной республики Крым / Под. ред. А. А. Мыскова. – Симферополь, 2007. – 114 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года: Крымская АССР: В 3 кн. Кн. 1. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М., 1928. – 43 с.
3. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 1997. – 352 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Украинская ССР. – М., 1963. – 209 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – Т. 5. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам, источникам средств существования и отраслям народного хозяйства. – М., 1973. – 295 с.
6. Там же.
7. Динамика этнического состава населения Автономной республики Крым...
8. Миронов Б. Н. Русские города в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Л., 1990. – 259 с.
9. Національний склад населення АРК та його мовні ознаки. За даними всеукраїнського перепису населення 2001 року. – Симферополь, 2003. – 367 с.
10. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 41. – СПб., 1904. – 309 с.
11. Шевчук А. Г., Беднарский И. Г. и др. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. – Симферополь, 2006. – 72 с.

До питання про сучасний стан громад кримських татар і кримських болгар на Кубані

У новітню добу південно-західні райони Краснодарського краю стали новою домівкою для кількох тисяч представників народів, що в 1944 р. були депортовані з Криму, – кримських татар, болгар, греків і вірмен. Саме в населених пунктах Темрюцького (історична назва – Тамань, адміністративні межі практично збігаються з межами Таманського півострова) і Кримського (райцентр – м. Кримськ) р-нів, що безпосередньо межують з Кримом, та в місті-курорті Анапі (за сучасним адміністративно-територіальним поділом об'єднує власне місто Анапу та колишній сільський Анапський р-н) вони та їх нащадки компактно проживають до цього часу. Їх, а також греків-тюркофонів, що прибули сюди з Цалкінського та Дманіського р-нів Грузії, можна назвати «першою хвилею» «молодих діаспор» (термін В. Белозьорова [1]). Пізніше, у 1980-і, сюди прибули з Північного Казахстану досить-таки численні родини україномовних поляків (нащадки висланих з українського Поділля в 1936 р.); вони, а також масові переселенці з різних куточків СРСР у пізньюрадянську добу та перші пострадянські роки дали наступну хвилю таких «молодих діаспор».

Ця стаття присвячена аналізу сучасного стану найчисленніших з-поміж перерахованих етнічних громад – кримськотатарської та болгарської. Основним матеріалом для роботи слугували інтерв'ю з етнічними кримськими татарами та болгарами, що мешкають у Темрюцькому р-ні й на території міста-курорту Анапі.

Спершу – кілька зауваг щодо етнімів «кримські татари» та «(кримські) болгар» та їх побутування на Кубані. За результатами Всеросійського перепису населення 2002 р. у Краснодарському краї мешкають 2609 кримських татар (з-поміж 4131 особи у Російській Федерації загалом). Це найвищий показник серед усіх суб'єктів РФ. Однак, на нашу думку, насправді чисельність кримських татар має бути набагато вищою – багато кого з них записано просто татарами або ж, як стверджує Менсуре Кемалова (1962 р. н.) з селища Сінного Темрюцького р-ну, росіянами: «Так проще и удобнее для нас и детей».

Спеціаліст Сінної сільської адміністрації, що працювала переписувачем під час перепису населення, доводила авторові, що кримських татар слід було записувати в графу «татари», оскільки саме так була

означена їх національність у радянських паспортах, і для останнього перепису окремої графі для них нібито не існувало. За її словами, саме так вона й записувала респондентів-татар (насправді, у переважній більшості – кримських татар).

Однак слід вказати, що кримські татари стали категорією обліку ще під час попереднього всесоюзного перепису 1989 р., а в «Каталогі офіціальних публікацій Всеросійської переписи населення 2002 г.» у графі «татары крымские» наводяться навіть субетноси кримськотатарського народу: «кърым татарлар, ногаи крымские, нугай татар, тат с языком крымскотатарским» [2].

У сучасних російських паспортах (як і в українських) відсутня графа «національність». Як підтвердила авторові експерт відділу загсу с. Сінного Темрюцького р-ну Вікторія Формакідова, єдиним офіційним документом, де вказується національність батьків дитини, лише за їх бажанням та з їх слів, є свідоцтво про народження (зауважимо, що в сучасних українських свідоцтвах про народження цю графу замінила графа про громадянство батьків дитини). У переважній більшості випадків батьки – кримські татари вказують свою національність як «татари».

У зв'язку з цим можна припустити, що в етнімі «кримський татарин» прикметник «кримський» на Кубані зараз переважно сприймається як ознака проживання в Криму, а не частина складеного найменування цього етносу. Одна з молодих кримських татарок навіть доводила авторові, що вона – «таманская татарка», а не «крымская», оскільки живе на Тамані, а не в Криму.

У цьому контексті етнімі «кримські татари» типологічно поєднується з самоназвою «кримські болгар», вживаною нащадками депортованих з Криму болгар, у якій прикметник «кримські» справді вказує на приналежність цієї частини болгарського етносу до Криму. Мешканка Краснодару, член крайової громадської організації «Болгарская община „Шипка“» Валентина Каражова навіть пропонує для свого субетносу самоназву «[депортированные] крымско-кубанские болгары», щоб відрізнити його від решти етнічних болгар (останні, приїхавши на Кубань у 1960-і рр. безпосередньо з Болгарії як будівельники, залишились тут; вони також є членами згаданої організації).

За результатами Всеросійського перепису населення 2002 р. в Краснодарському краї мешкають 3138 осіб болгарської національності (з 31 965 осіб у цілому по Росії) – другий за кількістю показник серед російських регіонів (більше болгар – 3430 осіб – мешкає лише в Тюменській області).

Враховуючи те, що матеріал для цієї статті зібрано переважно в Сінному, зауважимо, що з 6492 його мешканців під час Всеросійського перепису населення 2002 р. татарами було записано 321 особу (4,9% усього населення), а болгарами – 224 особи (3,5%).

Упродовж багатьох років і кримські татари, і болгари марно вимагали права на повернення до Криму. Хоча неопублікованим указом Президії Верховної Ради СРСР у 1956 р. кримських татар було реабілітовано, у тому ж указі зазначалося, що «зняття обмежень у спецпоселенні... не веде за собою повернення їх майна, конфіскованого під час виселення, і що вони не мають права повертатися до місць, звідки їх було виселено» [3]. Оскільки татар до Криму не пускали (аж до 1989 р., коли Верховна Рада СРСР формально засудила депортацію), вони селилися навколо півострова. Так, компактні групи кримських татар (як і кримських болгар, греків і вірмен) з'явилися в Запорізькій, Херсонській областях України та в Краснодарському краї РФ.

Шкіл чи факультативів з вивчення кримськотатарської мови в Краснодарському краї немає, як немає і організованого життя громади. За словами місцевих мешканців кримськотатарської національності, і на засланні в Узбекистані вони навчалися переважно в російських школах – кримськотатарських в СРСР просто не могло бути. Цей факт, а також значний відсоток змішаних шлюбів серед молодшого та середнього поколінь є причиною того, що рідною мовою, переважно на побутовому рівні, говорять лише літні кримські татари; молодь у кращому разі розуміє розмовну мову.

Цікаво, що під час перепису 1989 р. 93% кримських татар задекларували своєю рідною мовою кримськотатарську, однак, швидше за все, це було лише своєрідною маніфестацією консолідації національного духу.

Дослідники зазначають, що татари, яких депортовано у 1940-і рр., і татари, які почали повертатися до сусідніх із Кримом регіонів у 1970-і, – це різні люди. У вкрай важких умовах депортації вижити могли лише найбільш здібні та найенергійніші. У більш відсталому оточенні в Центральній Азії татари отримали можливість «висунутись», дати своїм дітям добру освіту та стати своєрідною місцевою елітою [4].

Багато хто на Кубані пам'ятає велелюдну маніфестацію, що відбулася в 1988 р., коли колони кримських татар вийшли зі станиці Тамані, міст Кримська та Абинська й пішки пішли в Порт-Кавказ, вимагаючи дозволу повернутися в Крим. Одним з керівників кримськотатарсько-

го руху на Тамані в той час був тодішній мешканець Сінного, а зараз – керівник Меджлісу кримськотатарського народу Мустафа Джемільов. Сьогодні більшість кримських татар переїхали в Крим; багато хто живе «на дві хати» – або батьки в Криму, а діти на Тамані, або навпаки. Але є й такі, хто вирішив залишитися на Кубані.

Кримськотатарська родина. Фото 1952 р.

У Тамані та Сінному є, як їх називають, «мулли-самоуки», які вміють читати по-арабськомu. Покійників ховають за мусульманським звичаєм на окремих ділянках кладовищ. На кам'яних надгробках є надписи кримськотатарськомu, арабськомu та російськомu. Обов'язковим елементом епітафій є назва кримського міста чи села, звідки походить рід покійного. Цей звичай є тим більш показовим, що багато хто з похованих на Тамані кримських татар у Криму ніколи не жив – народившись у засланні в Центральній Азії, вони пізніше жили й померли в Краснодарському краї. Наскільки гострим має бути відчуття батьківщини для кримських татар, якщо навіть на своїх могилах вони наказують висікти назву батьківщини своїх предків, хай навіть їм самим там бути не довелось!

*Судячи з років життя покійного – 1953–1984, він ніколи не жив у Криму.
Однак на могилі вказана батьківщина його предків – Судацький р-н,
село Хапсхор (нині – с. Морське).*

Відомо, що з точки зору етногенезу кримськотатарський етнос поділяється на кілька субетносів: південнобережні татари («ялыбой-лулар»), гірські татари, або тати («татлар»), центральнокримські татари («орта-юлак»), ногаї («ногайлар»). Цей поділ зберігається і серед кримських татар, які проживають на Кубані. За словами мешканця Сінного Алі Акімова, ще донедавна серед його односельців практично не було шлюбів між представниками різних кримськотатарських субетносів, причому південнобережні татари вважалися свого роду елітою цього народу, а ногаї займали найнижчу сходинку в його соціальній ієрархії.

На жаль, доволі живучими лишаються історичні стереотипи, що сформували образ кримськотатарського народу серед слов'ян ще в часи Кримського ханства, а пізніше були підкріплені радянською пропагандою, яка звинуватила весь народ у державній зраді на користь німецько-фашистських окупантів. Так, одна літня болгарка з Сінного

розмірковувала: «Ну, за что выселили татар, понятно. А нас-то за что?» Інша болгарка сказала: «Наш народ не такой, как татары; те – более организованы в стремлении добиться своего, а мы – очень спокойны, мы не привыкли идти против власти, даже добиваясь своих законных прав. Может быть, поэтому мы и не получили никаких компенсаций».

Вперше в новітній історії Таманського півострова болгари з'явилися в серпні 1941 р., коли з етнічного болгарського села Марфівки поблизу Керчі сюди перегнали отари знаменитих болгарських овець, щоб ті не потрапили до рук ворогові, що наступав; разом з вівцями сюди потрапили і болгаричабани. Можливо, тому, коли наприкінці 1950-х депортовані кримські болгаричабани почали масово повертатися із заслання, їм було сказано, що можна їхати будь-куди, окрім Криму, і багато хто з колишніх марфівців, як і татари, селилися на Тамані. Марк Бастанжієв (1909–1991), що одним з перших приїхав до Сінного, за словами його онуки Валентини Дербє (1958 р. н.), говорив: «Стану на берег Таманського залива и вижу родную Марфовку!» (Сінний знаходиться на березі Таманської затоки, на протилежному березі якої лежить Керч). Валентина Дербє розповідає: «Дальше все болгары сюда повалили, жили по 5–6 семей в одном доме, помогали друг другу строиться».

Мешканка Сінного Анна Попучієва (1932 р. н.) згадує страшну ніч депортації 26 червня 1944 р. Ввечері до їхньої хати в Марфівці направили на нічліг двох солдатів, які після півночі кудись пішли, а о 3-й ранку повернулися, наказуючи всім членами родини (вдова не було тільки батька-чабана, саме з тих, кого разом з отарами відправили на Кубань ще на початку війни) швидко зібратися в центрі села. Брати з собою дозволили лише найнеобхідніше. Всіх мешканців на вантажівках відвезли на залізничну станцію в райцентр Маяк-Салинь (зараз – селище Приморське Чистопільської сільради Ленінського р-ну АР Крим). Далі – в теплушках довгі три тижні до Кемеровської області, куди прибули 18 липня. Потім людей розвозили бездоріжжям на возах до різних радгоспів. Анні Дмитрівні запам'яталась одне нібито вимерле село із забитими дошками вікнами, через яке вони проїжджали й де зустріли одну лише жінку, яка їм сказала, що всі жителі поховалися, бо їм повідомили, що «будут везти изменников, вредителей»...

Марія Перонко з Сінного (1929 р. н.) додає таку подробицю депортації: вона сталася наступного дня після того, як у Марфівку з Семи Колодязів (зараз – райцентр Леніне) привезли для перепоховання останки членів підпільної організації, вбитих раніше фашистами. У них

на квартирі жив майор, який, за словами Марії Степанівни, й керував виселенням (прізвище не пам'ятає). Коли ввечері 25 червня вона зі своєю старшою сестрою Катериною пішла ночувати до родичів на інший кінець села, майор сказав матері: «Зачем отпускаете детей? Оставьте хотя бы младшую!», не пояснюючи причини. А під ранок він додав: «Деревня оцеплена, из нее никто не выйдет. Через полчаса вы должны собраться. Я дам вам своего адъютанта. Он вас проведет к Марусе, и только так вы сможете уехать отсюда вместе с детьми».

Ці болгарки із Сінного народилися ще в Марфівці. Зліва направо: Марія Перонко, сестри Анна Попучієва та Параскева Чумак (Попучієва).

За словами етнічних болгар – мешканців Сінного, в Кемеровській області, як могли, зберігали рідну мову, хоча на людях розмовляли російською. Кожен спецпоселенець щомісяця мав відмічатись у коменданта, без дозволу якого не можна було навіть вийти зі свого населеного пункту до райцентру. Заміж намагалися вийти за своїх, болгар, але при укладанні шлюбу болгаркам-спецпоселенкам чомусь не дозволяли міняти прізвище. Так, донині Марія Степанівна має прізвище Перонко (її чоловік – також болгарин Трофим Москитов; хоч по-болгарськи має бути Москотов), а Анна Дмитрівна – Попучієва (покійний чоловік – Іван Тричев).

Степан і Параскева Бастанжиеви – дід і бабуся Анни Попучиевої.

Коріння більшості етнічних болгар, які зараз проживають у Темрюцькому р-ні, – в Марфівці (зараз – Ленінський р-н АР Крим). Крім того, у Краснодарському краї живуть болгар, чії предки родом із с. Желябівка (Нижньогірський р-н), с. Кішлав (зараз – Курське Білогірського р-ну), м. Старий Крим. На Кубані колишні кримські болгары компактно проживають у селищах Виноградному, Прогрес, Сінному, в станицях Тамань і Запорозькій Темрюцького р-ну, селах Молдаванському та Економічеському Кримського р-ну та в м. Приморсько-Ахтарську.

Кількість змішаних шлюбів у болгар ще вища, ніж у кримських татар. Окрім цього, мовна спорідненість та однакова зі східнослов'янським населенням краю релігія, а також дуже низька їх абсолютна чисельність призвели до швидкого – за півстоліття – розмивання етнічних особливостей болгар на Кубані. Зауважимо також, що, поселившись на Таманському півострові, болгары жили по сусідству не тільки з російськомовним населенням, але й з кубанцями – носіями чорноморської (кубанської) говірки української мови. Тому багато хто зі старшого покоління болгар уміють, як кажуть на Кубані, балакати.

За свідченнями наших інформантів, батьківською мовою болгари користуються виключно в колі сім'ї, і то лише якщо всі співрозмовники – болгари. Є, правда, одиничні випадки родин, де навіть молоді покоління знає мову предків, наприклад родина Валентини Дербі (уродженої Бастанжисвої; зауважимо, що її чоловік – адиг). Валентина Опанасівна розповідає, що все це – завдяки її покійній бабусі Харитині, яка не просто навчала своїх дітей та онуків рідної мови, але й знала багато пісень, привезених ще з Криму, і навіть мала дар унікального болгарського хорового співу. За словами Валентини Дербі, ці пісні вони з сестрою Марією півжиття «настоювали» всередині себе, у душі, поки нещодавно не відчули непереборного бажання почати співати і створили родинний вокальний дует. У 2007 р. дует сестер Бастанжисєвих виступав у Ялті на II Міжнародному фестивалі болгарської культури «Български срещи» («Болгарські зустрічі»). Мрія Валентини Опанасівни, професійного музиканта, – заснувати сімейний болгарський фольклорний ансамбль, де разом співатимуть кілька поколінь [5].

Мешканка Краснодару Валентина Каражова (1942 р. н.) – також із таких нечисленних ентузіастів. У рамках Краснодарської крайової громадської організації «Болгарская община „Шипка”» вона створила групу «депортованих кримсько-кубанських болгар», яка, за її задумом, займатиметься вивченням побуту, мови та фольклору саме цієї гілки болгарського етносу. Валентина Каражова співробітничала з проф. Егнарою Вартаньян з Кубанського держуніверситету, яка займається піввіковою історією кримських болгар на Кубані. Валентина Каражова нещодавно навіть переїхала до ст. Запорозької, «ближче до своїх», де намагається організувати своїх співвітчизників. За її словами, вона прагне, щоб на чолі болгарської громади Тамані стала людина, по-перше, свідомо свого болгарського родоводу і, по-друге, досить заможна, яка зможе фінансово підтримати життя громади.

Елементи календарної обрядності кримських болгар лишаються в пам'яті представників старшого покоління. Так, за спогадами Марії Перонко, на Святвечір мати пекла хлібину з візерунками-трояндами, а батько, тричі вклонившись, ламав цю хлібину навпіл, дивлячись, яка частина більша: якщо ліва, то вродить ячмінь, а якщо права – то пшениця. На Різдво діти ходили «сурвакати» (колядувати), за що їм дарували цукерки та дрібні гроші. На другий день Різдва, який болгари називають Бабиним днем, жінки ходили з милом і рушником до сільських повитух. А на Іванів день (7 за ст. ст. / 20 січня – Собор Івана Хрестителя) чоловік мав викупати чужу дитину, стаючи їй «как бы вторым крестным отцом»,

і дитина ця відтоді щороку відносила йому паляницю («кулак»), загорнута в хусточку, і вони тричі обмінювалися такими палянцями.

На завершення зазначимо, що, хоча сучасні кубанські дослідники досить активно займаються вивченням етнічних громад Краснодарського краю, до цього часу не було спроб поєднати дослідження сучасного стану кримськотатарської, болгарської та інших етнічних громад Кубані з подібними дослідженнями, що їх провадять учені в Криму чи в Україні загалом. Саме тому висловимо сподівання, що наша розвідка може стати поштовхом до проведення спільних історико-етнографічних досліджень українськими та російськими вченими.

Це цікаво ще й тому, що Таманський півострів упродовж багатьох віків тяжів до Східного Криму – довше й більше, ніж до Північного Кавказу. Так було в античні часи Боспорського царства, так було в середньовіччі, коли півострів входив до складу Великої Булгарії, і пізніше, коли тут було засноване давньоруське Тмутараканське князівство. Потім Таманський півострів разом із широкими землями на північ від ріки Кубань входив до складу Кримського ханства. Додамо, що саме колишній давньогрецький поліс Фанагорія, який знаходився на місці сучасного селища Сінного, був столицею Великої Булгарії, і саме з Фанагорії у 681 р. хан Аспарух повів болгар на їх нову батьківщину – Балкани. І ось знову, через тринадцять століть, болгарі повернулися на Тамань...

Список джерел і літератури

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005. – С. 249.
2. Национальный состав населения (Таблица) // Каталог официальных публикаций Всероссийской переписи населения 2002. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс]. – режим доступа: // http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_04_01.htm
3. Указ ПВС СССР № 0-135/42 от 28 апреля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселениям с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшинов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».
4. Зайончковская Ж. А. Русский вопрос // Миграция. – 1996. – № 1. – С. 7–11; Белозеров В. С. Указ. соч. – С. 106.
5. Каражова В. Болгарки по рождению, кубанки – по прописке // Кубанские новости. – 2007. – № 168 (4094). – 12 октября. – С. 24.

О национальном составе населения Керчи в 1771–1856 гг.

Современная Керчь, окончательно сформировавшаяся в своих границах в XX в., включает в себя территории бывшего Керчь-Еникальского градоначальства на пространстве от Старого Карантина и Джарджавы до Аджимушка и Маяка, а также земли вокруг бывших деревень Камыш-Бурун и Эльтигенъ, некогда входивших в состав Феодосийского уезда. Ныне по площади город так же велик, как, к примеру, французская столица. Но по численности населения – немногим более 150 тыс. чел. – его не назовешь даже крупным. Что же касается национального состава, то Керчь всегда отличалась этнической пестротой. Так было и в далеком прошлом, и начиная с тех времен, когда крепости Еникале и Керчь с прилегающими землями вошли в состав Российской империи.

10 (21) июля 1774 г. Оттоманская Порта и Россия подписали Кучук-Кайнарджийский мир, юридически закреплявший принадлежность указанных территорий победившей стороне. А фактически уже за три года до этого крепости на берегу пролива оказались в руках российских войск. Произошло это 21 июня (2 июля) 1771 г., когда оставшиеся в крепости Еникале армяне вынесли ключи от города генерал-майору князю Ф. Ф. Щербатову, командовавшему русскими войсками. Гарнизон крепости, состоявший из 863 турок и 300 татар, покинул укрепление: первые эвакуировались на купеческих судах, а вторые разбрелись по своим деревням. 60 домов в крепости и до 300 – в трех форштадтах совершенно опустели. Лишь 13 армян – две или три семьи из 30 живших в Еникале – встречали победителей. Такая же картина была характерна и для Керчи. В ней до прихода русских войск проживали, по свидетельству полковника Р. Н. Томилова, «турок и татар до 780, армян 8, греков 16 семей». Но за два дня до 21 июня все турки и татары покинули город, а из числа других национальностей в Керчи на тот момент оставались и продолжали жить в 1774 г. греки (75 чел.), армяне (63 чел.) и грузины (3 чел.) [1].

Вшедшие в обе крепости русские войска находились здесь не только в период войны, но и в последующие годы. В частности, в 1771–1776 гг. в Керчи-Еникале квартировали Азовский и Троицкий пехотные полки. Солдаты и офицеры этих полков, а также донские казаки

и моряки Азовской военной флотилии – русские и украинцы, которых называли тогда великороссами и малороссами, – были первыми славянскими жителями этих городов. В 1775 г. произошли большие перемены в национальном составе Керчи и Еникале. На основании Указа императрицы Екатерины II от 28 марта 1775 г. в бывшие турецкие крепости начинается переселение архипелагских греков, опасавшихся мести за свое участие в войне против Турции.

18 мая 1775 г. на фрегатах «Архипелаг» и «Почталъон» в порт Керчь прибывает первая партия переселенцев численностью в 270 чел. Это были майор Георгий Дуси, капитаны Анастасий Метаксас, Янис Посполитаки, Сидорс Пени, 4 поручика, 9 прапорщиков, 30 десятников, 143 рядовых, а также их жены и родственники [2]. Вслед за этим еще 11 судов доставили следующие партии греков-архипелажцев. В общей сложности в Керчь и Еникале было переселено свыше 2000 чел. [3]. Правда, уже в 1776 г. их число сократилось, поскольку многих переселенцев не устраивали условия жизни на новом месте. Одни вернулись на родину, где их ждала гибель, другие перебрались на Кинбурн или в ближайшее к нему Збурьевское укрепление. Шло и переселение в Таганрог. К 9 июля 1776 г. в Керчи-Еникале оставалось 1236 поселенцев, из них 1034 – военнослужащие [4]. Далеко не все смогли перевезти свои семьи, поэтому «цивильного» населения было совсем немного. Да и в целом число греков не росло, а постепенно уменьшалось. К 1 апреля 1781 г. из числа военных в Керчи и Еникале оставалось 16 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров и капралов, 61 рядовой мушкетер, в то время как в составе трех русских пехотных полков, базировавшихся здесь, было около 4,5 тыс. чел. [5].

Побывавший в Керчи в 1786 г. французский путешественник Жильбер Ромм сообщает, что помимо гарнизона в Керчи живет «очень небольшое число жителей и среди них ни одного татарина: все они либо греки, либо арнауты» [6].

Петр Паллас, посетивший восточную окраину Крыма в 1794 г., отмечает, что в керченском предместье проживает 35 купцов и 119 ремесленников и все они большей частью греки. То же он говорит об Еникале, называя цифру в 190 душ мужского пола [7]. По архивным данным за 1794 г., в приходе Иоанно-Предтеченской церкви числилось 48 дворов, мужчин – 192, женщин – 163, а в Еникале при Успенском храме было 66 дворов. Здесь проживало 190 мужчин и 169 женщин, 30 купцов и 42 мещанина [8].

Спустя пять лет Павел Сумароков называет другие цифры: 100 «неважных» домов в Керчи и до 80 – в Еникале. Он же отмечает, что живут

здесь греки, а о других национальностях не упоминает. Во время другого приезда, в 1802 г., Сумароков замечает, что живут в Керчи еще и армяне, «татар же в нем не находится» [9; 10].

Находившийся в Еникале и Керчи в 1800 г. во время своего путешествия по Крыму английский ученый-минералог Э. Кларк рассказывает о живущих здесь греках и русских. По его словам, Еникале почти полностью заселено греками. «Большая часть мужчин, – пишет он в своих записках, – занята торговыми спекуляциями; женщины нежные, гуманные, любезные и достойные наивысшего уважения» [11].

Спустя годы появляются в Керчи и представители других национальностей. По архивным данным, в 1826 г. в Керчи и Еникале проживало 2438 чел. Среди них числилось 1309 греков, а также 89 цыган и 10 евреев. Число русских не указано [12]. Видимо, подразумевается оставшееся число, которое составляло немногим более 1000 чел. Обратим внимание, что доля греческого населения была по-прежнему достаточно велика и составляла 53,6% от общей численности населения.

Статистику 1826 г. подтверждает, по сути, и Ф.Ф. Вигель, прибывший в Керчь в начале 1827 г. и остававшийся здесь в качестве градоначальника более года. Он сообщает, что население двух городов не превышает 2500 душ, и называет Керчь-Еникале не без основания греческой колонией, правда, не очень лестно отзываясь о самих греках, не сумевших сделать ее «знаменитою» [13]. Невозможно было стать керчь-еникальским жителем без согласия греков, наделенных в свое время екатерининским указом отдельными привилегиями. Только поделившись этими привилегиями в 1830 г. с другими национальностями, греческая Керчь стала постепенно наращивать темпы прироста населения вследствие переселения в пределы градоначальства других народов.

Сведения, помещенные в отчете градоначальника И. А. Слемпковского за 1830 г., – первые тому свидетельства. Они касаются не только национального, но и социального состава населения двух городов, в которых числилось 2611 душ обоего пола. Мужское население Керчи и Еникале составляло 1741 чел., из которых к дворянскому сословию относилось 37, к числу священников и церковных служащих – 14. Греков-мужчин числилось 540 душ, купцов 3-й гильдии – 43. Что касается мещан, то их подразделяли на христиан, коих значилось в двух городах 743 чел., евреев – 7 чел., цыган и магометан – 41 чел., а также греков из г. Варны, общим числом в 76 чел. В этом же списке – 15 запорожцев, вышедших из турецких владений, 69 разночинцев и постоянно живу-

щих иностранцев, 71 крепостной. Упомянуты и отставные матросы из Севастополя в числе 85 чел. [14; 15]. Обратим внимание, что русские и украинцы, которые, несомненно, в городе жили, нигде отдельной строкой не выделяются, как, впрочем, нет ясности, какие именно иностранцы проживали в этих двух городах и что скрывается под словом «магометане». Дальнейшее изучение статистических и иных сведений позволит нам разобраться и с этим.

Поль Дюбрюкс сообщает, что в 1831 г. в Керчи проживало уже до 3000 чел. и население состояло из греков, русских, евреев и армян. Именно в такой последовательности данные национальности представлены в тексте его известного труда, посвященного описанию развалин и следов древних городов и укреплений [16]. Очевидно, речь идет о населении всего градоначальства. Одновременно П. Дюбрюкс, вспоминая о недалеком прошлом, сообщает о «числе жителей Керчи» в 1817 г., не превышавшем в ту пору 600 душ обоего пола (и опять-таки, речь идет, видимо, о населении двух городов и прилегающих сельских поселений). Причем, описывая Еникале, как истинный француз, Дюбрюкс не мог не отметить, что женщины здесь «по большей мере очень красивы» [17]. Несомненно, это касалось преобладавшего в данной местности греческого населения.

Семь лет спустя в Керчи по статистике числилось уже 7498 чел. и греков было среди них 1408 [18], т. е. всего 18,7%. К тому времени они, как видим, уже в значительной мере утратили свое былое преимущество по численности над другими национальностями.

Сведения из «Новороссийского календаря» за 1840 г. позволяют увидеть гораздо более развернутую картину, подробно ознакомиться с национальным и конфессиональным составом населения Керчь-Еникальского градоначальства, которое составляло на тот момент 9942 чел. (6987 мужчин и 2955 женщин). Автор пространного очерка в вышеупомянутом издании отмечает, что жители градоначальства, «состоя из переселенцев, не имеют общей физиономии и сохраняют характеристику каждого племени порознь». Прежде всего упомянуты греки – «первоначальные поселенцы Керчи», хотя и изменяющие постепенно свои коренные нравы, но все еще «резко отличавшиеся от прочих жителей», и переселившиеся сюда в большом количестве «малороссияне» [19]. Приведем некоторые любопытные характеристики, относящиеся к упомянутым национальностям. В очерке отмечено, что сельским трудом, за исключением садоводства, греки занимаются неохотно, предпочитая торговые операции. Надо думать (и более

поздние сведения это подтверждают), что эту нишу занимали мало-россияне, менее склонные, по словам автора, в условиях портового города к лени и употреблению «простых напитков», чем у себя на родине. Небезинтересны и отдельные обычаи греков: «после венчания целование невесты в церкви со всеми родственниками и знакомыми», а во время похорон выливание на лицо покойника вина и масла и разбивание сосудов, в которых они хранились. И еще: при опускании тела в могилу «развязывание» рук, ног и всех узлов на одежде. Наконец, последние характеристики касаются внешности гречанок, мало отличимых по одежде в обществе от русских и сохраняющих национальный облик в домашнем кругу. Они по-прежнему румянятся и сурмят брови, что, по их мнению, придает лицу «чрезвычайную приятность» [20].

Отмечается также, что обычай «каждого племени» свой, а объединяет всех одно религиозное поверье – о пребывании неподалеку от Керчи, в с. Катерлез, св. Великомученика Георгия, в честь которого в этом месте ежегодно проводится многолюдный праздник.

О других национальностях узнаем, обратившись к статистике. Сразу отметим, что в градоначальстве на тот момент числилось 438 иностранцев, в подавляющем большинстве мужчин. Больше всего было англичан – 103 чел., подданных Греции – 53, турецкоподданных греков – 71, турок – 65, армян – 23. Было также немало австрийскоподданных (56 чел.), среди которых могли быть итальянцы. Английскую империю представляли 35 чел. В небольшом количестве жили граждане Франции, Сардинии, Пруссии, Саксонии и Вюртенберга.

Что касается российскоподданных, впервые официально встречается информация о 387 татарах, «причисленных в здешние жители». Речь идет о крымских татарах Феодосийского уезда (Чурбашская, Чалтемирская и Агермак-Элинская волости, т. е. в пределах Керченского полуострова), добившихся в 1839 г. разрешения на переселение в градоначальство и создание Магометанского форштадта у стен города. На его местонахождение и поныне указывает татарская мечеть, построенная в 1844 г. и расположенная на ул. Пушкина, 8.

Ни русские, ни украинцы, о которых было уже упомянуто, не выделены в списках национальностей, не указано их конкретное количество. Можно лишь ориентировочно определить их численность, исходя из данных по конфессиям. Поскольку число греков, судя по сведениям 1838 г., могло составлять до 1,5 тыс. чел., а общее количество православных в градоначальстве определялось в 1840 г. в 8250 чел., стало быть, остальных православных (а это были, прежде всего, русские и

украинцы) насчитывалось приблизительно 6,7 тыс. чел., а это уже 3/5 общего количества.

Сообщим также, что число католиков, имевших уже свой храм в Керчи, в градоначальстве превышало в 1840 г. полтысячи, магометан (а это были татары, турки и цыгане) было 829, протестантов – 125. Евреи, построившие в 1837 г. свою синагогу, числились в количестве 168 чел. (не исключено, что сюда относились крымчаки, а возможно даже, и караимы); армян-григориан насчитывалось 46 чел. [21].

Последующие архивные данные (за 1856 г.) не расширяют сведения о количестве национальностей, населявших данную территорию накануне и после Крымской войны, а лишь уточняют некоторые прежние сведения. В частности, на тот период в градоначальстве числилось уже 878 татар, 437 евреев и 83 цыгана. Количество греков в сравнении с прошлыми годами изменилось мало и составляло 1502 чел., или 11% относительно общего числа населения в 12 660 душ обоого пола [22].

Одним словом, за период с последней четверти XVIII по середину XIX в. Керчь и ее округа превратились в многонациональное и многоконфессиональное сообщество, населенное, в отличие от турецкого периода, прежде всего православными, преимущественно восточнославянскими народами, мирно сосуществовавшими с представителями других церквей и религий.

Список источников и литературы, примечания

1. [Томилов Р. Н.] Описание городов, отшедших по мирному 1774 года с Оттоманскою Портою трактату в российское владение и принадлежащей к ним земле, с некоторым географическим известием // 300ИД. – Т. VII, Одесса, 1868. – С. 188–190, 192–193.
2. Прякин Ю. «Вознаградить службу тех греков, кои в архипелаге сражались за Россию...» // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 2.
3. Прякин Ю. Поселення архіпелазьких греків у Керч-Єникале (кінець XVIII – середина XIX століття) // Записки Історико-філологічного товариства Андрія Білецького. – Вип. I. – К., 1997. – С. 107.
4. Там же. – С. 113.
5. Там же. – С. 115.
6. Ромм Жильбер. Путешествие в Крым. 1786 г. – Л., 1941. – С. 51.
7. Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань. // 300ИД. – Т. XIII. – Одесса, 1883. – С. 55, 59.
8. Быковская Н. В. Формирование греческой общины Керчь-Еникальского градоначальства (конец XVIII – начало XIX вв.) // Этнография

- Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 20.
9. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М., 1800. – С. 70, 72.
 10. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – Ч. II. – СПб., 1805. – С. 106.
 11. Кларк М. Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции // Археология и история Боспора. – Т. III. – Керчь, 1999. – С. 15.
 12. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1281, оп. 11, д. 55, л. 78.
 13. Вигель Ф. Ф. Керчь (1827). – М., 1893. – С. 47.
 14. РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 55, л. 40.
 15. Именно этим матросам и их семьям потребовалось жилье, для строительства которого была начата заготовка камня на Куль-Обе, что, в свою очередь, привело к открытию знаменитой скифской гробницы.
 16. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений... // ЗООИД. – Т. IV, Одесса, 1858. – С. 25.
 17. Там же. – С. 12.
 18. Новороссийский календарь на 1839 год, издаваемый при Ришельевском лицее. – Одесса, 1838. – С. 125.
 19. Новороссийский календарь на 1841 год, издаваемый при Ришельевском лицее. – Одесса, 1840. – С. 282.
 20. Новороссийский календарь на 1841 год... – С. 282–283.
 21. Новороссийский календарь на 1839 год... – С. 291.
 22. РГИА, ф. 1281, оп. 6, д. 93, 19, л.15.

Греческие священнослужители севастопольских церквей

После присоединения Крыма к России в 1783 г. возрождение христианских традиций связано с переселением греков на крымскую землю. Заселение Крыма греческими колонистами стало результатом не только военного сотрудничества, но и экономической политики российского правительства, которое прилагало усилия для развития присоединенной территории. Через 6 лет после основания Севастополя, в 1789 г., в городе уже было две церкви и еще одна – в Балаклаве [1]. Одна из городских церквей – во имя святых апостолов Петра и Павла – была построена греческими колонистами. Это была небольшая деревянная церковь на городском холме. О Балаклавской греческой церкви в епархиальных ведомостях имеются сведения как о «древней церкви во имя св. апостолов Петра и Павла со времени покорения Крыма» [2]. Кроме того, в Балаклаве в 1794 г. была построена (а возможно восстановлена) греками церковь во имя св. Николая Чудотворца, являющаяся церковью Балаклавского греческого пехотного батальона. Она находилась в ведении обер-священника армии и флота [3]. После упразднения батальона церковь была передана в епархиальное ведомство. За период ее деятельности большинство священнослужителей были греками (А. Аргириди (с 1857 г.), А. Капитети (до 1862), Х. Караникола (с 1862), С. Куркомели (1860–1870-е гг.) и др.).

До 1794 г. греческие церкви и духовенство в Крыму находились в каноническом подчинении Константинопольскому патриархату [4]. Поэтому в настоящее время не представляется возможным выявить фамилии греческих священников со времени основания Севастополя. Можно предположить, что в то время такая подчиненность способствовала сохранению греками своей национальной самобытности и обособленности от других этнических групп. Впоследствии после переподчинения церквей Святейшему Синоду начинается смешение греческих и русских священнослужителей. И действительно, в конце XVIII и в первом десятилетии XIX в. в греческой Петропавловской церкви на службе находились русские священники – Софроний Гаврилов (с 1794 г.) и Михаил Сташевский, служивший в ней до 1811 г. [5]. В документах Государственного архива Автономной Республики Крым

в фонде Таврической духовной консистории имеются сведения, что в 1815 г. в Севастопольской Петропавловской церкви священником был грек А. Георгиев, а дьяконом – К. Карнаити. Служба К. Карнаити началась даже немного раньше, так как в 1813 г. он уволился из Балаклавского греческого пехотного батальона, был принят в духовное звание и определен в дьяконы этой церкви [6]. Однако служба его сложилась не совсем удачно, так как в 1821 г. он уже как священник Петропавловской церкви был обвинен благочинным протоиереем Г. Спиранде в грубости и пренебрежении служебными обязанностями [7]. Затем К. Карнаити был переведен в Троицкую церковь с. Кадыковка, но и там был замешан в каких-то денежных неурядицах [8]. Дальнейших сведений о нем в документах не имеется.

Первая сохранившаяся в Государственном архиве г. Севастополя метрическая книга Петропавловской церкви датируется 1820 г., подписана иереем Иваном Анжуло и иеромонахом Григорием Грамматиковым [9]. Об Иване Анжуло известно, что он уроженец г. Керчи, из дворян. В конце 1813 – начале 1814 г. был принят в духовное звание и определен в священники Керчь-Еникальской Успенской церкви [10]. В Петропавловскую церковь определен после службы в Ени-Кале в 1814–1818 гг. В возрасте 49 лет у него родился сын Александр, но, к сожалению, прожив 6 лет, умер в 1822 г., о чем свидетельствует метрическая запись церкви. Пережив сына на 6 лет, 17 августа 1828 г. скончался и сам священник в возрасте 55 лет от горячки. Последнее крещение было проведено им 13 июня 1828 г. [11]. Ивана Анжуло сменил на посту уроженец Ионических островов Константин Сирига (Сарига), уже будучи назначенным в церковь протоиереем [12]. В 1833 г. он уже значится протоиереем Николаевской церкви г. Евпатории [13]. С 1829 г. к службе в Петропавловской церкви приступает протоиерей Кириак Трапезаров, прослуживший в ней 10 лет и завоевавший своей деятельностью уважение горожан [14]. Кроме него в 1830-е гг. священниками Петропавловской церкви были Михаил Сименупуло (командированный священник, уроженец островов Греческого архипелага) и Константин Попандопуло, о котором известно, что 7 августа 1835 г. вместе с женой севастопольского купца Алексея Красильникова были крестными «седьмого числа принесенной от неизвестного лица в церковь незаконнорожденную младенцу, которой имя нарек Марию и таинство крещения совершил священник Алексей Федорович Компанийцов. При крещении находился дьякон Николай Пак-

симаде» [15]. Николай Паксимаде, начав службу в Петропавловской церкви «исправляющим должность» дьячка еще в середине 1820-х гг., дослужился до священника этой церкви (так он значится в 1840 г.). Дальнейшую свою службу он продолжил в Бахчисарайской церкви.

С 1843 г. в Петропавловской церкви начинает свою службу протоиерей священник Антоний Аргириди, уроженец острова Крит, житель Балаклавы, впоследствии туда же, в Балаклаву, и вернувшийся после службы в Петропавловской церкви [16]. Свою судьбу А. Аргириди связал с землячкой, уроженкой острова Крит, одной из дочерей севастопольского купца 3-й гильдии Эммануила Критико – Никулетой (Николетой) [17]. О преданности А. Аргириди в служении Богу и Отечеству говорит тот факт, что, когда в сентябре 1854 г. в Балаклаву входили английские войска, он не прекратил службу в Николаевской батальонной церкви и не покинул Балаклаву в период Крымской войны. Имел двух дочерей и сына.

Сын А. Аргириди – Дмитрий Антонович Аргириди – не пошел по стопам отца, а стал врачом. В 1889 г. он был членом комитета старейшин морского собрания [18], а в начале 1890-х – старшим врачом 29-го флотского экипажа. В 1897 г. являлся председателем лечебницы для взрослых в Севастополе, в 1901 г. был избран руководителем собрания врачей лечебницы для бедных больных, библиотекарем общества севастопольских врачей [19]. Долгие годы являлся председателем правления Севастопольского отделения Крымского горного клуба [20].

В 1830-е гг. командующий флотом адмирал М. П. Лазарев занялся вопросом восстановления разрушенной к тому времени Петропавловской церкви и настоял на том, чтобы строительство нового здания церкви было предоставлено морскому ведомству. И стоит ли на этом основании некоторым авторам обвинять М. П. Лазарева в грекофобии. А смогла бы греческая община добиться от государственной казны такого количества средств, которые требовались на строительство новой церкви? Ведь сумма составляла 66 тыс. 956 руб. 31 ½ коп. В чем же неправ Лазарев, когда, обращаясь к Николаю I, в 1837 г. писал, что в городе Севастополе при 30 тысячах жителей всего 2 церкви, из которых одна Петропавловская разрушена. А в 1843 г. писал архиепископу Гавриилу, что служба в Петропавловской церкви должна вестись на русском языке, так как Севастополь заселен в основном русскими, не понимающими греческого языка, и небольшой частью греческого населения, вполне понимающего русский. И возможно, не совсем прав морской врач Н. И. Закревский, указывая в своих воспоминаниях, что

«при адмирале М. П. Лазареве церковь эта... была перестроена с фундамента; ей дан вид и размеры афинского Парфенона, и от названия отнято слово „греческая“, а дано просто – Петропавловская церковь» [21]. В метрических книгах еще в 1828–1830 гг. уже не использовали обозначение «греческая», хотя затем, с 1831 по 1834 г., она опять значится как «греческая Петропавловская», но с 1835 г. – как «приходская Петропавловская церковь». Несмотря на это, в ней продолжали служить уже упомянутые выше священник Антоний Аргириди, дьячок, а впоследствии священник Николай Паксимаде, иерей Михаил Сименопуло, указный дьячок Константин Попандопуло, дьякон, а затем священник Митрофан Василькиоти. Ктиторами церкви в разное время были греческий вице-консул купец Леонтий Кукули, коллежский секретарь Эммануил (Мануил) Мартино (Мартыно), севастопольский купец А. Д. Теллалов, который косвенно имел отношение к грекам (был женат на гречанке). После бури, нанесшей урон церкви, Э. Мартино вместе со священником Софронием Гавриловым добился в 1812 г. выделения денег на ее ремонт. В этой же церкви Э. Мартыно крестил своих детей. Крестным отцом сыновей был командир Балаклавского греческого пехотного батальона полковник Феодосий Ревелиоти [22].

По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, наиболее почитаемым греками святым в Крыму является св. Георгий. Этому святому посвящено наибольшее количество культовых сооружений. В. Х. Кондараки считал, что почитание в Крыму св. Георгия было связано с развитием у греков мореплавания [23]. Возможно, не случайно легенда о создании Балаклавского греческого мужского монастыря связана с греческими мореплавателями, которые, занимаясь торговым промыслом, попали в страшную бурю и, видя свою неизбежную гибель, стали взывать к св. Георгию Победоносцу. Именно он, по легенде, спас греков, что послужило основанием для создания на мысе Фиолент монастыря. 30 лет своей жизни посвятил этому монастырю митрополит греческого происхождения Агафангел (Тибальдо), возродив его из забвения. При нем был сооружен новый храм Воздвижения Черного Креста, построены новые трапезная, гостиница для паломников и флигеля для офицеров Черноморского флота; он заботился о воспитании флотских священников. Был награжден двумя российскими и одним греческим орденом [24].

Местами компактного проживания греков в окрестностях Севастополя были селения Карань и Камары, где располагались Константино-Еленинская и Марининская церкви, построенные в 1775 и 1794 гг.

соответственно. На протяжении разных лет в них служили псаломщиками Сергей Куркомели (1892) и Дмитрий Михо (1901–1918), священники Иордан Пайдаси (1849), Федор Иванович Феофаниди (1874), Н. Дионисьев (до 1831 г.) Н. Д. Карасюд-оглу (до 1813 г.) и Митрофан Василькиоти (с 1900 г.), ранее служивший в Петропавловской церкви. Придерживаясь внутрисловных связей, дочь М. Василькиоти связала свою судьбу с псаломщиком севастопольской Феодосиевской церкви Николаем Поповым, а родившиеся от этого брака два сына стали студентами Варшавского университета и Демидовского лицея [25]. Архивные документы сохранили до нашего времени сведения, что, уже служа в Марининской церкви, М. Василькиоти был оштрафован консисторией на 3 рубля за неправильную метрическую запись в бытность его службы дьяконом в Петропавловской церкви [26]. В 1930 г. он был лишен избирательных прав и выселен из пределов Севастополя в 85-летнем возрасте. Он родился еще до Крымской войны, в 1846 г., и с 1865 по 1922 г. был служителем культа. Его последнее место службы было в 1922 г. в больничной церкви Христа Спасителя [27].

Церковными старостами этих церквей были: Константино-Еленинской – балаклавский мещанин А. Целио (более 20 лет), Марининской – мещанин Николай Паниоти (не менее 6 лет). В должности церковного старосты Кадыковской Троицкой церкви был утвержден в 1900 г. балаклавский мещанин Спиридон Гинали [28].

В несуществующем в настоящее время селении Лаки находилась Лукинская церковь, относившаяся к Севастопольскому благочинию, священником которой одно время являлся Ф. Куль-оглу. По-видимому, он не отличался особой нравственностью, так как командир Балаклавского батальона М. А. Манто в 1844 г. предъявил ему обвинение в пренебрежении служебными обязанностями, а протоиереи Симферопольского духовного правления М. Родионов и А. Некротин требовали взыскать штраф за его провинности [29]. Впоследствии, в 1857 г., Таврическая консистория рассматривала его дело о побеге за границу [30]. Очередным священником Лукинской церкви был назначен И. Симанопуло, но за нанесение оскорблений прапорщику Л. Спаи благочинный протоиерей А. Лебединцев подал на него в консисторию рапорт [31].

Местом компактного проживания греков в Севастополе можно обозначить Артиллерийскую слободку. Именно в этом районе на средства купца 1-й гильдии, а впоследствии почетного потомственного гражданина Василия Ивановича Феолога была построена и открыта в 1890 г.

Греческая церковь во имя Трех Святителей – св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста. Через несколько месяцев после ее открытия В. И. Феолого умер в возрасте 98 лет. Греческое общество в знак уважения к своему представителю похоронило его «под полом греческой Трехсвятительской церкви с правой стороны при входе в церковь» [32]. По метрическим книгам этой церкви видно, что первые годы настоятелем был иеромонах Геннадий Константиныди, затем архимандрит Амвросий Плианфидис и наконец с 1903 г. архимандрит Григорий Вукунас. Г. Вукунас окончил Хиосскую гимназию и Киевскую духовную академию, являлся кандидатом богословия; с 1902 г. архимандрит; в 1912 г. был членом Комитета для сбора добровольных пожертвований в пользу греческого Красного Креста и семейств раненых и убитых воинов [33].

В настоящее время выявлены фамилии 30 греческих священно- и церковнослужителей, 11 из которых несли службу в Севастопольской греческой Петропавловской церкви, 8 – в Балаклавской Николаевской церкви, 3 – в греческой Трехсвятительской церкви. Остальные сведения отрывочны и относятся к Марининской церкви в селении Камары, Константино-Еленинской – в Карани и Троицкой – в Кадыковке. Это связано с тем, что метрические книги этих церквей сохранились только с конца XIX – начала XX в.

Греческие священнослужители своей деятельностью на протяжении всей истории Севастополя доказали неразрывную связь с русским народом. Во имя высшего духовного совершенства они строили храмы, самоотверженно служили народу и отдавали все силы для поддержания нравственности и моральной стойкости прихожан.

Список источников и литературы

1. Севастополю 200 лет: Сборник документов и материалов. – К., 1983. – С. 32.
2. Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС), ф. Р-567, оп. 6, д. 103.
3. Там же, ф. 9, оп. 1, дд.1–3.
4. Катунин Ю. А. Балаклавский Георгиевский монастырь // Культура народов Причерноморья. – 1999. – январь. – № 6. – С. 356.
5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГА-АРК), ф.118, оп. 1, д. 5525.
6. Там же, д. 5544.

7. Там же, д. 5621.
8. Там же, д. 5635.
9. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 1.
10. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5551.
11. ГАГС, ф. 35, оп. 1. д. 1, л. 42 об.
12. ГАГС, ф. 35, оп. 1., д. 1, л. 42.
13. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5694.
14. ГАГС, ф. 35, оп. 1. д. 1, л. 91.
15. Там же, л. 125.
16. Мосхури И. В. Греки в истории Севастополя. Ч. 1. – Севастополь, 2005. – С. 247.
17. ГАГС, ф. 35, оп. 1, д. 2, лл. 15 об. –16.
18. Крымский вестник. – 1889. – 19 ноября.
19. Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. – Симферополь. – 2000. – С.118.
20. Крымский вестник. – 1895. – 25 октября.
21. Мосхури И. В. Указ. соч., 2005. – С. 311.
22. ГАГС, ф. 11, оп. 1, д. 3, лл. 12 об., 18.
23. Араджиони М. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XX в.). – 1999. – С. 66.
24. Крестьянников В. Роль митрополита Агафангела (Тибальдо) в возрождении Балаклавского Георгиевского монастыря // Севастополь: взгляд в прошлое. – Севастополь, 2006. – С. 23–28.
25. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 98, л. 232 об. – 233.
26. Таврические епархиальные ведомости. – 1900. – № 3. – С. 137.
27. ГАГС, ф. Р-79, оп. 2л, д. 168, л. 9, 13.
28. Таврические епархиальные ведомости. – 1900. – № 7. – С. 458.
29. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5747, 5748.
30. Там же, д. 5891.
31. Там же, д. 5872.
32. ГАГС, ф. 30, оп. 1, д. 19, лл. 57 об. – 58.
33. Крымский вестник. – 1912. – 17 октября.

Раздел V

**Хозяйственная деятельность,
традиционные ремесла
и декоративно-прикладное искусство
народов Причерноморья.**

**Духовные традиции,
обрядность и фольклор**

«Тюп-Кенегез» – этнографическая деревня степных крымских татар

Поездка в деревню – одно из серьезных направлений развития туризма. Интерес к данной проблеме в мире очень большой. Не только море и побережье привлекают городского туриста. В развитых странах туристический маршрут в сельскую местность уже занимает второе место после отдыха на море. В целом 35% горожан в ЕС отдают преимущественно отпуску в сельской местности. Вся Европа охвачена системой организаций и фирм, заинтересованных в развитии сельского туризма. Причем работающих в сельскохозяйственном секторе (доме общин) в Швеции, например, 5%, в Голландии и Великобритании – от 2% до 7% [1]. Из практики ЕС следует, что этот вид туризма способствует увеличению занятости сельского населения и росту его доходов, развитию инфраструктуры села (дорог, магазинов и т. д.), становлению музейного дела, сохранению и популяризации народных промыслов, активизирует работу по охране памятников и различных достопримечательностей на территории сельских советов, разгружает уже широко известные туристические маршруты (для Крыма это особенно важно, в том числе с точки зрения экологии). Развитие туристических маршрутов сельского туризма предусматривает изучение истории, этнографии объектов посещения. Одновременно развитие этого вида туризма привлекает инвестиции в село: удается сохранить природу, ландшафт, пейзаж.

К сожалению, село вымирает. За последние 15 лет на карте Украины количество сел уменьшилось на 312 [2]. Эти же тенденции наблюдаются в Крыму. В Джанкойском р-не подобная участь постигла многие деревни: Джанай и другие. Исчезло с административной карты Крыма и родное село Номана Челебиджихана – Биюк Сонак (Чирки) [3]. Недавно в Крымском этнографическом музее состоялся семинар по концепции развития сельского туризма в Крыму. Его организаторами были Министерство курортов и туризма АРК, правления обществ сельского туризма в Украине и в Крыму, редколлегия журнала «Туризм сельский, зеленый», проектный ООО «Южный институт интеллектуальной собственности». На этом семинаре мной, наряду с организацией этноцентра – Дома-музея Номана Челебиева в Кучук Сонаке (Мелководное), был предложен ряд объектов, перспективных

для организации музеев, домов-усадоб. Последнее особенно важно, так как в каталоге лучших усадеб Украины до сих пор нет ни одной из Крыма. Поэтому желательно проводить работу по возрождению подобных объектов и возведению новых, которые могут быть размещены на страницах каталога «Українське село запрошує – 2007». Этот каталог приурочен к 10-летию журнала «Туризм сільський зелений». Вызывает удивление, почему Коккоз, Махульдур, Отуз не были представлены в этом издании?

Чрезвычайно интересным представляется развитие проекта создания этнографической деревни крымских татар «Тюп-Кенегез». Откуда возникло это название? В работе Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев московитян» [4] есть следующая информация: «При преемниках Едигея термин „ногайцы“ приобретает определенное значение, распространяясь на ряд родов, именно: кипчак, канглы, кенегез... и другие, входившие в состав Ногайской орды». То есть термин «кенегез» – это и этнопоним, коль речь идет об истории; кенегезовцы селились еще в те времена в селах Ауз-Кенегез, Тип-Кенегез, Тюп-Кенегез, Шейх-Кенегез, Чуюлы-Кенегез, Кенегез.

Интересно, что именно по истории деревни Тюп-Кенегез в Государственном архиве АРК сохранились богатейшие описи материалов, в том числе по вакуфам [5]. В селе была пятивременная мечеть, а рядом в разоренной деревне Тюп-Кангиль – Джума-Джами... Мусульманская община в Тюп-Кенегезе, судя по архивным документам, была многочисленной. В 1852 г. только взрослых мужчин было 63 чел. Крестьяне работали на земле помещиков Хункаловых. В соседней деревне Тав-Базаре, примыкающей к Тюп-Кенегезу, было 3 мечети. Крестьяне этой деревни арендовали землю у мурз Сунгазы Мустафы. В Тюп-Кенегезе, как и в Тав-Базаре, после Крымской войны почти не осталось жителей – кроме семьи Аледи-Шейхмамбета [6]. С этого времени мечети стали разрушаться. В мае 1923 г. по заявлению жителей села Тюп-Кенегез в Церковный отдел НКВД Джанкойского округа был составлен Договор о передаче общине первой мечети. В Госархиве сохранились фамилии односельчан из этой мусульманской общины, подписавшихся в заявлении в Джанкойский окружной исполком: А. Кула, А. Аедин, Аджимамбетов, А. Абул Меннан и др. [7].

Сейчас в с. Калиновка организовано общество мусульман. Но нет мечети. Но мы надеемся, что усилиями местного джемаата, медресы и спонсоров в деревне будет построено джами. Тем более, что из Тюп-Кенегеза был один из самых известных подвижников ислама в Крыму

и в Центральной Азии – Бекмамбет-азиз. Дюрбе Бекмамбет-азиза находится под Бухарой, в Узбекистане, и очень почитаемо местным населением [8]. В Тюп-Кенегезе родился известный крымскотатарский художник Шевкет Дервишев [9]. Собран материал об участии тюпкенегезовцев в ВОВ, в том числе о погибших и не вернувшихся с фронта. Фонды Джанкойского райисполкома, фонды районного архива дают нам сведения о советском периоде. К сожалению, в село не вернулись прежние жители, жившие до 1944 г. Было бы замечательно, если бы откликнулись тюпкенегезовцы, поделились воспоминаниями о родном селе.

К Тюп-Кенегезу (ныне – Калиновка) вплотную примыкает Тав-Базар (ныне – Овощное). В Тав-Базаре сохранились немецкие дома, имени помещика Кильбера. История села практически также изучена: как в дореволюционный период, так и после, аж до наших дней. Но это уже отдельная тема. Думаю, что намечаемая этнографическая экспедиция Республиканского Музея искусств должна охватить изучением как Тюп-Кенегез, так и Тав-Базар. В последнем живет 106-летний Абдураман-ага.

Проект «Тюп-Кенегез» – это этнографическая деревня степных крымских татар, дом-музей «кедаи» Курт-Мамбет-акая, ежегодный фестиваль фольклора. Мной было предложено Рескомитету по делам национальностей и депортированных граждан АРК достроить пять из десяти домов в национальном стиле, начатых еще в 1994 г. УКСом. 8 подобных проектов – жилищ крымского татарина – передано музею в Симферополе академиком, профессором Ирфаном Шемсединовым. Кроме того, проект дома-музея в национальном архитектурном стиле предлагает доктор архитектуры Зарема Нагаева. У нее также есть опыт разработки проектов в этом направлении. В одном из этих достроенных домов можно устроить музей «кедаи» и в дальнейшем собрать материал об «ашугах» – сказителях, носителях народного эпоса бывшего Перекопского уезда, а также при музее открыть архив ногайских «бейтов» – то есть архив фольклора крымских татар – степняков. В этом мы надеемся на помощь заслуженного артиста АРК Д. Османова и представителей вузов Крыма – КИПУ, ТНУ и др. Организация фестиваля фольклора степных крымских татар «Тюп-Кенегез», международного фестиваля ашуг-кедаев, различные конференции и семинары, в том числе по сельскому туризму, – так мы представляем главные цели при организации этноцентра в Калиновке. Интересно было бы когда-нибудь устроить в Крыму и состязания ашуг-кедаев, в том числе между степными и южнобережными мастерами слова. Подробно идеи

проекта были освещены на прошлогодней международной конференции, посвященной памяти О. Акчокраклы [10], а также по радио и в газете «Голос Крыма» [11].

Джанкойская райгосадминистрация поддерживает все эти предложения, а также идею проведения осенью, приурочив к народному празднику Дервиза, ежегодного фестиваля кедаев (ашугов) тюркоязычных стран, посвященного памяти Курт-Мамбет-акая, на его родине в Тюп-Кенегезе. Этот фестиваль будет способствовать возрождению традиций, обрядов уходящего в небытие древнего праздника урожая. А фестиваль свадебных музыкантов или исполнителей ногайских песен? Экспедицией У. Боданинского в 1925 г. были записаны две свадьбы в Тюп-Кенегезе. В состав экспедиции входил будущий метр народной музыки Асан Рефат. Будущий композитор занимался изучением и собиранием фольклора, памятников устного народного творчества: «чинов», «аталар сози» (изречение предков), поверий, примет, загадок [12]. Также в Перекопском уезде, и в частности в Тюп-Кенегезе, сбором рукописного и фольклорного материала – Коранов, толкований к Корану, «дестанов», поэтических сборников и т. д. – занимался О. Акчокраклы.

Экспедиция У. Боданинского в Тюп-Кенегезе прежде всего имела цель записать голос Курт-Мамбет-акая (умер в 1926 г.). Популярность кедаев выходила за пределы Крыма. Курт-Мамбет-акай был в те годы уже глубоким старцем с феноменальной памятью. Был не грамотен, но впитал в себя всю народную мудрость, остроумие, способность быстро и очень хорошо импровизировать. Знал наизусть весь исторический эпос: «Эдиге», «Чора-Батыр» и др. Надеюсь, что со мной согласятся ученые, Союз писателей Крыма, фольклористы, работники Министерства культуры, что необходимо создать в родном селе Курт-Мамбет-акая его мемориальный музей. Тем более что у Министерства культуры есть определенный опыт в этом направлении, например, в с. Останино Ленинского р-на [13].

Создание музея фольклора в Тюп-Кенегезе очень своевременно, поскольку будет способствовать возрождению фольклорной традиции, национальной литературы, ведь многочисленные войны, происходившие в XVIII–XIX вв. на территории Крыма, и массовые переселения крымских татар привели к утрате значительной части рукописного и фольклорного наследия нашего народа. Надеемся, что этой же цели послужит и открытие в КИПУ при кафедре крымскотатарской и турецкой филологии Научно-исследовательского центра «Рукописная книга», который, возможно, перерастет в институт рукописей, в

своеобразный Матенадаран в Крыму. Возвращение книг, рукописных произведений в Крым, в подобные культурные центры, в том числе в «Тюп-Кенегез», будет способствовать возрождению духовной культуры и, главное, возрождению национального самосознания крымских татар. Проект «Тюп-Кенегез» был предложен Министерству культуры (И. Заатову) с просьбой рассмотреть и направить в Рескомнац. Наш проект получил поддержку у руководства Рескомнаца, но комитету необходимо ходатайство со стороны Министерства культуры.

В ГААРК сохранилось дело о совещании, проведенном 15 апреля 1937 г., посвященном изучению и собиранию фольклора [14]. На первой странице – список прибывших кедаев в Малый зал СНК к вечеру 15 апреля 1937 г. – 16 человек. На страницах 10–11 – список сказителей, певцов и поэтов, с указанием имен, фамилий, места проживания, возраста, который включает 37 участников. Есть телеграммы к чиновникам, которые должны были обеспечить явку кедаев на совещание и способствовать работе по сохранению народного фольклора. И в наше время необходимо такое участие к проблемам культуры со стороны правительственных чиновников. Требуется особое внимание к народным поэтам, сказителям, тем более что их осталось не так много.

Список источников и литературы

1. Васильев В. П. и др. Концепция развития сельского туризма в Крыму. – Симферополь, 2007.
2. Там же.
3. Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. – Симферополь, 1986. – С. 101.
4. Материалы о проведении в г. Симферополе совещания по сбору и изучению крымско-татарского фольклора. 15 апреля 1937 г // Государхив при СМ АРК, ф. Р-663, оп. 9, д. 168, л. 1, 2, 3, 13а, 16, 17.
5. Литвин М. О нравах татар, литовцев, москвитян. 1615 // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма.
6. ГААРК, ф. 456, оп.1, д. 12.
7. ГААРК, ф. 427, оп.1, д. 96.
8. ГААРК, ф. Р-663, оп.10, д. 703, с. 7.
9. Абдульваапов Н. // Крым. – 14 июня 2006 г.
10. Абдулхаиров Э. Развитие этноцентров и сельского туризма в Джанкойском районе // II Международная конференция, посвященная памяти О. Акчокраклы (Симферополь, 15 ноября 2006 г.).

11. Голос Крыма. – 26 января 2007 г.
12. Хрестоматия по этнической культуре и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Симферополь, 2004.
13. Крым. Персональный гид. – Симферополь, 2003. – С. 203.
14. Там же.
15. Библиографический словарь. Дервишев Ш. // Крымско-татарские художники. – Симферополь, 2001.

Традиционные напитки крымских татар

Приготовление и культура подачи на стол и употребления напитков – это важнейшая составляющая национальной культуры крымскотатарского народа. Способ приготовления напитков, передаваемый из поколения в поколение, требует знаний традиций народа, мастерства, опыта. Напитки в крымскотатарской кухне имели большое значение. Они были не только дополнением к питанию, но и имели лечебные свойства. Большой популярностью пользовались хлебные напитки. Но самым любимым и традиционным остается кофе [1].

Традиция кофепития вошла, очевидно, после вхождения южной части Крыма (в конце XV в.) в состав Османской империи. Вначале этот ароматный напиток был дворцовым, его пили только знатные и богатые люди. Но со временем он распространился среди населения. «Пить кофе без сливок и сахара, у татар, по их обычаю, есть необходимая вещь, составляющая ежедневное приятное их питье, коим угощают своих приятелей. Они имеют пословицу: „бир каве, бир тутун, зезфет бютюн“, то есть „чашка кофе, трубка табака – вот и весь бал“», – так описывал свои наблюдения Михаил Дмитриевский в 1810-х гг. [2]. Этот же автор писал: «Для публичных забав служат первым местом кофейные дома, в коих наблюдается отменный порядок, чистота и для всех приятная тишина».

Приготовление кофе, подача его на стол – важный крымскотатарский ритуал. Зерна кофе должны быть свежееобжаренными, длительное хранение ухудшает вкус и аромат. Помол должен быть очень мелким. Вода должна быть чистой и свежей. Перед приготовлением «джезве» (кофеварка с длинной ручкой) необходимо ополоснуть кипятком. После приготовления кофе немедленно подают к столу, разогревать напиток не рекомендуется. По наличию пенки определялась умелая хозяйка. Культ кофе придает крымскотатарскому народу неповторимый колорит. Ведь если у японцев, китайцев и англичан существует чайная традиция, то у крымских татар – это, конечно же, кофейная традиция.

Кофейный напиток известен человеку с незапамятных времен. Об этом свидетельствуют рассказы и легенды, дошедшие до наших дней. Можно услышать о шейхе Омаре, враче и священнослужителе, жившем в пещере отшельником. Очень часто на глаза ему попадалась красивая птица, издающая чарующие звуки. Омар попытался поймать

ее, но вместо птицы в его руках остались только благоухавшие цветы и привлекательные плоды. Омар использовал их как приправу для отваров, которыми он лечил приходивших к нему больных. Отвары оказались целебными, и слух о них пошел по всей Аравии. История упоминает о путешественниках, бравших в далекий путь плоды кофейного дерева. Отвар из них помогал преодолевать усталость, давал бодрость и силу.

Первоначально (около 1200 г.) кофе готовили как отвар из вылущенной оболочки кофейных зерен. Затем возникает идея об обжаривании этой оболочки на углях. Обжаренную кожуру и небольшое количество серебристой шкурки засыпали на полчаса в кипящую воду. Получался темно-желтый кофейный напиток.

В XVI в. на керамических или металлических подносах стали обжаривать сами зерна, затем растирали их в порошок и засыпали в кипящую воду. Такая технология улучшала аромат и вкус кофейного напитка.

Довольно быстро кофе на Ближнем Востоке становится любимым и распространенным напитком. Пили кофе, расположившись на коврах в тени деревьев или в кофейнях – в верандах или открытых зданиях восточного типа с диванами вдоль стен и фонтаном в центре. Кофе считался напитком воинов, а также философов, напитком, прибавляющим сил и мудрости. С Ближнего Востока кофе попадает в Турцию и сразу же становится популярным. В середине XVI в. в Стамбуле открываются многочисленные кофейни.

В Крым кофейная культура проникла с Востока, из Стамбула, в результате тесных торгово-экономических связей, а также из Европы во время торговли с Речью Посполитой, Австро-Венгрией, итальянскими городами. В Крымском ханстве кофейни стали неотъемлемой частью культуры. Большое количество кофеен располагалось в Бахчисарае, Карасубазаре, Ак-Мечети. Внутренность каждого кофейного дома разделялась на квадратные пространства, отделяемые друг от друга деревянными решетками, подобные квадраты устроены по ту и другую стороны каждой комнаты, а в середине идет длинный проход в виде коридора. В Крыму кофейня являлась и своеобразным интернациональным клубом, местом общения крымских татар, армян, караимов, крымчаков. Для кофейни чеканилась особая посуда – чашечки, подносы, джезве, ткались «килимы», расшивались подушечки для диванов. Таким образом, восточная кофейня являлась элементом культуры народов Крыма [3].

Кофе является излюбленным напитком крымских татар и сегодня. Кофе в крымскотатарской семье подают в честь радостного события – «козьяйдын къавеси» – и традиционно утром в каждой семье. Когда по-

дают кофе по поводу радостного события, используют выражение «козь-айдын къавесине буюрынъыз» (прошу вас к кофе по поводу радостного события). Напиток заваривают не крепкий, в небольшую чашечку, вмещающую примерно полстакана жидкости, кладут неполную чайную ложку кофе, предварительно смолов зерна в ручной мельнице «дегирмен». Напиток доводится до кипения в небольшом «джезве» – медном кофейнике без крышки, с длинной ручкой (сейчас называется туркой). Разливают кофе вместе с гущей – «тельбе» и добавляют пенку и на любителя сливки – «къаймакъ». При наличии вместе с кофе подают и «къурабие».

При традиционном угощении гостя поднос с кофе ставили на низкий столик – «къона». Гостя усаживали на мягкую подстилку – «миндер», для того чтобы можно было мягко сидеть на полу или «сете». Для того чтобы гость мог помыть руки, как перед едой, так и после угощения, в прежние времена перед ним ставился медный таз, дно которого было прикрыто ажурной крышкой, а на руки поливали из специально медного кувшина – «йыбыркъ», а затем для вытирания рук подавали чистое полотенце – «эльбез».

Традиционным средством поддержания общения было и остается гадание на кофейной гуще – «къаве фалы». Поэтому поводу существует поговорка: «Фал ялданджи, гонъуль эгленджидир» (Гадание – ложь, оно лишь тешит сердце).

Во всех случаях, после того как выпьют кофе, хозяйку благодарят словами «сагъ олунъуз» (спасибо). Хозяйка, в свою очередь, отвечает «афьетлер олсун» (на здоровье).

Иногда пили чай, в который добавляли масло и молоко. Такой чай не только утолял жажду, он согревал зимой, давал ощущение сытости. Наши предки считали, что он снимал усталость, исцелял от многих заболеваний, человек становился более выносливым.

Михаил Дмитриевский в 1815 г. писал, что крымские татары «не пьют ни водки, ни вина, а вот сладкую бузу „татлы максима“, от которой бывают пьяны, употребляют в большом количестве» [4]. Буза была очень популярным национальным напитком. Во многих городах Крыма на базарах и торговых площадях были специальные заведения – «бузни», где она продавалась на розлив. Много путешествовавший врач-исследователь Константин Казанский, знакомый с тюркскими языками и обычаями, собрал фундаментальный материал о приготовлении и употреблении в Крыму слабоалкогольных напитков. Одним из них и была буза.

В своей докторской диссертации он отметил, что буза, приготовленная крымскими татарами, отличается по своему химическому со-

ставу от бузы других народов: «На вкус довольно приятный напиток с резким хлебным пшеничным запахом и вкусом, содержащий минимальное количество спирта – не более 0,25 % и богатый угольным ангидридом и молочной кислотой. Готовится он без солода, зерновым материалом для него служит просо, пшено или пшеничная мука. Компоненты используются в равных количествах, все перемалывается, смешивается с пятью весовыми частями воды. Причем вода смешивается до густоты жидкой кашицы или прибавляется по частям, и сначала замешивается густое тесто, которое разбавляется водой до полужидкой консистенции. В том и другом случае кашлица оставляется для закисания обыкновенно в деревянной посуде, прикрываемой крышкой. Закисшее тесто вынимают по частям по мере надобности. Взятую порцию выкладывают на сито, обливают горячей водой и процеживают в котел, куда добавляют сахар по вкусу. Оставляют в погребке в плотно закрытой посуде, закупоренных бутылках на определенный срок. Когда напиток становился прозрачным, он считался готовым к употреблению» [5].

В начале XIX в. Павел Иванович Сумароков писал, что в горном Крыму из хмельных напитков крымские татары пили «нардек», который делали из выжимок винограда, «максум» и «бузу», «зимой готовили превосходный напиток из проса и ячменя с добавлением меда. Он чист и приятен. Летом же заботятся только о кумысе» [6].

Монах-минорит Гильом Рубрук в 1253 г. писал о кочевниках в степях Крыма и приготовлении ими распространенного напитка кумыса так: «Молоко наливали в емкость, процеживали и бросали 20–30 зерен ячменя, затем прибавляли ложку кислого коровьего молока и немного дрожжей. Сосуд тщательно закрывали пробкой и ставили на некоторое время возле огня или на солнце, чтобы он был еще приятнее на вкус, в него наливали немного вина. Перед употреблением его процеживали через тонкое полотно. По мере того, как кумыс выпивали, в сосуд добавляли новую порцию молока. Если же молоко казалось излишне кислым, в него бросали ячменные зерна. Некоторые, для улучшения вкуса, добавляли корни фиалки или листья кориандра. Народная мудрость гласит: «Кумыс – кровь человека, а свежий воздух – его душа», «Кто кумыс пьет, тот здоров и до 100 лет живет» [7].

Очень популярными среди народа были напитки из молока. Большую часть цельного молока заквашивали, получая «къатык». Для его приготовления использовали способ быстрого заквашивания: в кипяченое молоко, остуженное до определенной температуры, добавляли закваску (из предыдущей закваски катыка бралась одна ложка), хоро-

шо перемешивали, разливали по банкам, укутывали. Через 3–4 часа готовый кисломолочный продукт ставили в холодное место. Катык всегда присутствовал на столе во время трапезы. В жаркую погоду его разводили водой, охлаждали и пили как тонизирующий жаждоутоляющий напиток – «язма». Еще один освежающий напиток готовился так: катык разводили водой, добавляли по вкусу соль, толченый чеснок, кусочки огурца и называли его «айран».

Также готовили напитки из фруктов. Обязательно употреблялся «щербет» – старинный сладкий напиток, приготовлявшийся из «бекмеза». «Бекмез» – сироп, который варили из разного рода фруктов. Сок яблок, груш, слив сливали в специальную посуду и, помешивая, варили 3–5 часов на огне, пока он не становился густым и темным. В долгие зимние вечера был очень популярным компот из сухофруктов – «хошаф», которые в больших количествах заготавливались летом.

Список источников и литературы

1. Кондратюк Г. Н. Культура кофе в кухне народов Крыма (по описаниям путешественников и путеводителям XIX в.) // Культурно-этнографический туризм в Крыму. – Симферополь, 2006. – С. 228–232.
2. Дмитриевский М. Картина Крыма, или Краткое описание татар и других народов, в Таврии живущих // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. – Симферополь, 2004. – С. 215–217.
3. Кондратюк Г. Н. Указ. соч. – С. 228–230.
4. Дмитриевский М. Указ. соч. – С. 212.
5. Казанский К. К. Определение составных частей бузы и положение ее в ряду спиртных напитков: Диссертация на степень доктора медицины // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. – Симферополь, 2004. – С. 472–475.
6. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. – Симферополь, 2004. – С. 192–195.
7. Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. – Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. – Симферополь, 2004. – С. 36–37.

Жанр «иляхи» в крымскотатарском музыкальном творчестве

«Иляхи» – это жанр религиозных песнопений, получивший широкое распространение у ряда мусульманских народов, в том числе и среди крымских татар. Что представляет собой этот жанр и как использовался он в Крыму? Прежде всего необходимо отметить, что жанр «иляхи» (в переводе с арабского означает «божественная») до конца не изучен и многое здесь еще предстоит раскрыть, особенно по части истории его возникновения. Ждет своего решения и целый комплекс проблем, связанных со взаимоотношениями религии и искусства в мусульманской культуре.

Как известно, ислам, особенно на ранних этапах, вступал в сложное взаимодействие с искусством мусульманских народов и в известной мере регламентировал художественное творчество. Но не всегда реальная практика народа шла в ногу с требованиями религии, отвечала ее нормам. Большинство из существовавших ранее религиозных школ мусульман считали профессиональное занятие музыкой недостойным истинного мусульманина, полагаясь на то, что человеческие переживания не могут быть объектом изображения искусства, а значит и объектом творчества художника, что, безусловно, подрывало социальный статус музыканта в исламском обществе. В стремлении оправдать существование музыки в быту мусульман, а иногда даже обосновать ее жизненную необходимость родилась теория о лечебном воздействии музыки, об облагораживающей роли «хорошей музыки», о возможности посредством нее слияния человека с богом, что взяли на вооружение суфийские теоретики. Таким образом, запреты коснулись в основном светской развлекательной музыки, которая якобы вводит в заблуждение истинного мусульманина и уводит его от веры в бога. Этой неофициальной версии придерживалось большинство верующих исламской, да и не только исламской религии.

Культурная музыка мусульман всегда оставалась областью наиболее закрытой, консервативной. Достаточно сказать, что инструментальная сфера, отвергнутая исламом, так и не вошла широко в ее обиход, а основные ее жанры во многом не претерпели существенных изменений, что ценно, поскольку в них, порою довольно отчетливо, выявляются связи с глубинными народно-национальными истоками.

То, что религиозная музыка – область сугубо вокальная, обусловлено, видимо, не только тягой восточных народов к песенным жанрам, но выразительностью человеческого голоса, в частности служителя ислама, призванного взывать к богу и к верующему. Известно, что еще пророк Мухаммед пытался подчинить музыку нуждам религии. Не случайно первыми муэдзинами стали выдающиеся певцы Арабского Востока, послужившие в дальнейшем развитию и приобщению огромных масс к богатой своими вокальными возможностями культовой музыке.

Таким образом, ислам, включивший в сферу своей образной выразительности музыку, обусловил собой накопления ценных профессиональных традиций в данной сфере и в процессе своего исторического развития выработал достаточно развитую выразительную систему средств художественного воздействия.

В сфере религиозных мусульманских обрядов народов Востока утвердились три разновидности музыки: речитация Корана, призывы муэдзинов – «эзан» и древний культовый обряд «зикр» [1], в котором наряду с другими песнопениями широко использовались «илиахи».

С появлением и развитием такого мистического течения как суфизм (XII–XIV вв.) «зикр» (в переводе с арабского – поминание) превращается в сложный обряд прославления имени бога. Регулярное отправление «зикара» приводило «путника» в состояние приближения к богу и погруженности в него. Цель «зикара» – постижение божественной сущности методом вызывания состояния экстатического транса. Отсюда в некоторых суфийских братствах появилась практика использования таких стимуляторов как кофе, курение, опьяняющие напитки. Чтобы не сбиться со счета регламентированного числа поминаний в формуле «зикара», пользовались четками («тесбих»). Однако большая часть суфиев, ввиду вредности подобных стимуляторов для здоровья человека, использовала целый ряд иных технических приемов: голос, музыка, танец, смена ритма, смена частоты дыхания, положения тела и т. д. Многие в этом обряде напоминают и роднит с ритуалом «камлания» шаманов, от которых, возможно, тянутся нити, связывающие их с божественными озарениями суфиев. Особое значение придавали суфии музыке, считая, что именно она полнее всего помогает раскрыться любви к богу, лучше всего просветляет и очищает душу, помогая ее слиянию со своей первоосновой.

Суннитское по своим воззрениям, это мистическое течение оказало большое влияние на классическую поэзию арабов, тюрков, персов и

других народов, поскольку его обряды, как и песнопения «иляхи», создавались и исполнялись на родном языке. Отсутствие же этого жанра у других мусульманских народов объясняется прежде всего тем, что подобная традиция песнетворчества не является обязательным атрибутом ислама, хотя тесно и связана с его религией. Помимо того, такое отсутствие может свидетельствовать как об определенном влиянии ортодоксального ислама или же наоборот вмешательства антирелигиозного фактора, так и об отсутствии в данном регионе каких-либо прежних прочных корней бытования схожего рода жанров культовой музыки.

Так, например, ритуальный обряд «зикр», имевший свое распространение в дореволюционном Крыму, был вскоре искоренен. Сначала закрыли медресе, затем в 1921 г. прекратились занятия во всех мусульманских школах Крыма, где, ко всему прочему, традиционно обучали песнопениям «иляхи». Далее последовали массовые репрессии религиозных деятелей, которые подверглись депортации, причем с семьями. Только за два года – 1928 и 1929-й – из Крыма в дальние районы Советской страны было выслано около сорока тысяч человек. Пытавшихся записать этот жанр также жестоко репрессировали в 30-х гг.; среди них был и известный композитор Асан Рефатов. Затаившись на долгие годы молчания, жанр «иляхи» утратил большое количество своих оригинальных мелодических образцов. Дошедшие до нас тексты, изданные в небольших сборниках за последнее десятилетие, в большей своей части безмолвны и неисполняемы.

Сфера распространения и формы бытования «иляхи» в Крыму была довольно разнообразной. Они имели связи не только с высокоразвитым обрядом «зикра», но и с другими традиционно-реликтовыми обычаями крымских татар, основы которых коренились в рамках семейного быта жизни народа. Так, достаточно ярко и многогранно они предстают в погребальном обряде, особенно при проводах и омовении покойника. Наряду с ними часто отпеваются «иляхи», посвященные верховному божеству и пророку Мухаммеду. Исполняются они, как правило, в поминальных молитвах, но не только. Эти «иляхи» наиболее устойчиво сохранились в быту крымских татар.

Существовали также свадебные «иляхи», которые пелись в момент окрашивания хной и прощания невесты с подругами и родительским домом, а также при проводе жениха в комнату невесты. Ныне все они вышли из употребления. Более того, в прошлом у крымских татар «иляхи» использовали при проводах сыновей-воинов на какое-либо

сражение, а также они исполнялись самими воинами перед вступлением в бой. Примечательной особенностью многих образцов этого жанра является исполнение песнопений от другого лица – невесты, воина, покойного, оставляющих родной очаг. Так, в проводах невесты от ее лица пели подруги, в проводах жениха – его друзья. В проводах сыновей-воинов исполнителями выступали сельчане, ну а при омовении и проводах покойника его прощальную песнь исполняет мулла и его помощники. В ряде случаев, идя вразрез с мусульманскими традициями, «иляхи» исполняют еще до омовения, обычно в ночи, как правило, для смягчения горя потери близкого человека. Тогда, в зависимости от покойника, приглашают исполнителя мужского или женского рода.

По сути «иляхи» – это песни плакальщиц, жрецов-аскетов (суфиев), миссионеров и полонников, почитавших и восхвалявших верховное божество. В большинстве своем они построены в виде обращений и нравоучений, как бы выполняя функцию напутственных песен.

По характеру исполнения «иляхи» разделяются на два вида: хоровые (в унисон) – «иляхи тевхиды» и сольные – «иляхи вакуфы». «Иляхи тевхиды», что в переводе с арабского означает «божественное единение», исполняются группой людей, основная часть которой подпевает рефрен или сопровождает пение выкриками «гъу, хай», чем, собственно, обусловлен его четкий, одномерный ритм. «Иляхи вакуфы», что с арабского означает «божественное стояние», исполняются одним лицом, поскольку их интонационная орнаментика более сложна, а метроритмика свободна. В связи с этим они были более трогательными, ранящими души людей.

Как известно, в суфийских братствах параллельно существовали две традиции «зикра»: индивидуальный, или личный «зикр», отправляемый уединенно, и коллективный «зикр», отправляемый на совместном собрании общины. Такое разделение «зикра» и способа исполнения песнопения, с его недвусмысленными названиями, указывающими на их общую цель, думается, не случайно и имеет прямую взаимосвязь.

Подобно принятым нормам классической восточной поэзии, каждое песнопение заканчивалось строчками или куплетом, в котором указывалось имя автора, написавшего «иляхи». Благодаря этому нам сегодня известны творцы этого уникального жанра. Немалая часть из дошедших до нас песнопений были сочинены такими известными суфийскими поэтами, как Ильяс Низами (XII в.), Джалаледдин Руми (XIII в.), Юнус Эмри (XIII в.), Сулейман Челеби (XIV в.),

Усеин Кефеве (XVI в.), Мемет Кырымлы (?), Абди Кефели (XVII в.), Ахмед Камил (XVIII в.) и другими. Творческая активность подобных деятелей по-новому преобразила этот древнейший жанр песнопений, который вне всякого сомнения, занимал одно из ведущих и значимых мест в духовной культуре народа.

Формы же бытования «иляхи» в Крыму, как, впрочем, и история становления суфизма, – это еще один яркий и наглядный пример непростой борьбы доисламских и исламских верований, в результате которой происходило обоюдное «подстраивание». Ислам проникал в обряды и обычаи народов Крыма, подчинив их своему вероучению. Те же, в свою очередь, попадая под влияние ислама, сохранили некоторые элементы доисламских традиций.

Список источников и литературы

1. Еолян И. Р. Традиционная музыка Арабского Востока. – М., 1990. – с. 128.

Тема депортации в устном народном творчестве болгар Крыма

Устное народное творчество, уходящее своими корнями в глубь веков, – важная часть духовной культуры народа. Оно создавалось, передавалось и хранилось народом даже в самые тяжелые времена его существования. В нем запечатлены исторические события через судьбы отдельных людей и народа в целом. События радостные и трагические нашли выражение в песнях и стихотворениях. В этих произведениях устного народного творчества запечатлены для потомков чувства, мысли предыдущих поколений, их завет памяти. К таким произведениям можно отнести песни и стихи, созданные крымскими народами в местах депортации.

Депортация – величайшая трагедия этносов Крыма, большое человеческое и народное горе, повлекшее разрушение судеб многих тысяч крымчан, человеческие жертвы, уничтожение целого пласта материальной и духовной культуры. Однако, несмотря на то что неоднократно предпринимались попытки стереть любые напоминания об этих народах в Крыму (переименование старых названий населенных пунктов, снос кладбищ депортированных народов и др.), все равно память о них оставалась в сердцах их соседей, друзей, знакомых – людей разных национальностей, которые остались жить на крымской земле. И депортированные крымские татары, немцы, греки, армяне, болгары, итальянцы сохранили в своем сердце память о родном Крыме, как бы он ни был далек от них. Многие тяжело переживают из-за свершившейся несправедливости и с их семьей и с народом в целом. На такое трагическое событие человеческая душа не могла не отозваться грустными, полными боли и отчаянья песнями и стихотворениями. Этой печальной странице истории Крыма, в частности крымских болгар, посвящена данная работа.

Большая часть представленного материала – результат бесед с вернувшимися в Крым болгарскими, ныне проживающими в Краснодарском крае. Большинство из информаторов были детьми и подростками, когда свершилась трагедия, но память о ней хранится до сих пор в их сердце. Так, например, Полина Георгиевна Шеретова, 1935 г. р., уроженка с. Кабурчак (ныне с. Мичуринское Белогорского р-на) вспоминает: «В это время мне и девяти лет не было, но помню все хорошо,

число не помню, месяц июнь был. Приехали военные и приказали быстро собираться и с собой брать, что необходимо, ручной клади. Маме было 46 лет, была старенькая бабушка, и мне восемь. Отец был на войне. Мама моя вернулась домой, взяла челнок, иголки от швейной машинки и ключ от дома. Везли нас до железной дороги по пути. Помню, с нашей деревни везли черешню в город и нас угостили, но мы не знали, куда нас везут».[1]

Полина Георгиевна была в депортации в г. Губаха Молотовской области, а сейчас живет в пос. Виноградном Крымского р-на Краснодарского края. Далее в письме она приводит отрывок из стихотворения о депортации, которое тайно рассказывали в их семье и семьях других спецпоселенцев:

В товарные вагоны нас погружали.
За преступников нас считали.
Месяц везли. На станциях кипятков, еду давали.
На далекий Урал нас сослали,
В холодный, голодный Урал...
От холода, голода пухли, умирали,
Клопы, тараканы, черные блохи и вши нас кусали.
Мы строили дороги, мосты, лес вырубали...[2]

Об условиях жизни спецпоселенцев помимо стихотворения повествует рассказ Полины Георгиевны: «Жили в бараках: 20 комнат, по 3–4 семьи в комнате. На весь барак – стены из круглого леса и пол земляной. Получали карточки, все состояли под спецкомендатурой, чтобы никуда не уезжали. В школу почти не ходили, так как нечего было одеть. Жизнь была очень тяжелой, мороз до 60 градусов».[3]

Суровые условия Урала и Сибири были непривычны крымчанам и унесли много жизней крымских спецпоселенцев. Далее в письме Полины Георгиевны стихотворение «Посвящается 1944 году», которое также было известно болгарам, проживающим в г. Губаха Молотовской области. Интересно, что такое же стихотворение, но с названием «Детям моим» прислали в своем письме из г. Крымска Краснодарского края Степанида Алексеевна Москотова и Мария Федоровна Каражова.

Степанида Алексеевна, 1929 г. р., уроженка с. Дяутель, ныне с. Марфовка Ленинского р-на, вспоминает: «Мне было 15 лет, когда 27 июня 1944 года нас разбудили и голых и босых выселили в Сибирь. Мы попали в город Ленинск-Кузнецк Кемеровской области. Работали там на

военном заводе до 1956 года. Когда сняли спецпоселение, решили вернуться, но в Крыму для нас прописки не было. Переселились в Краснодарский край, там и живем до сих пор».[4]

Приведу стихотворение, известное в среде крымских болгар под названиями «Посвящается 1944 году» или «Детям моим»:

Был правитель такой,
Ныне культом прозвали.
За пятнадцать минут,
Как скот, людей с родных мест угоняли.
Болгары, армяне, греки, татары –
Все проживали на крымской земле.
Но в год сорок четвертый жестокий палач
Всех угонял, невзирая на плач.
А Крым – это родина наша,
Это место, где дом мой отцовский стоит.
В этом доме отцовском,
Что на улице главной.
В этом доме отцовском
Мое детство прошло.
Остались без Родины мы навсегда,
Еще девчонкой тогда я была,
Живя на чужбине, под небом чужим
Свой срок доживаем и крепко грустим.
Часто вижу себя у порога родного...
От счастья кричу: «Я дома, дома!»
Вдруг просыпаюсь, а это во сне.
И снова тревога, тревога...
И снова тревога, и снова печаль.
Тайно культа узнали,
Какой пост занимал.
Пусть история помнит,
Когда культ процветал,
Как грабил народ
И людей угонял.[5]

Хотя имя автора не известно, но это, несомненно, женщина. Стихи не совершенны с точки зрения стихосложения, но написаны от сердца, с большой эмоциональностью.

Варианты одного стихотворения от П. Г. Шеретовой и М. Ф. Каражовой с С. А. Москотовой немного различны, т. к. произведение в силу конспирации не записывалось, а передавалось «устной почтой». Стихотворение, озаглавленное П. Г. Шеретовой «Возвращение в Крым», а М. Ф. Каражовой с С. А. Москотовой «Здравствуй родная земля!» имеет два варианта окончания:

Здравствуй, родная земля!
Почему не встречаешь меня?
От тоски я вернулась домой.
Почему ты мне стала чужой?
Родная Крымская земля!
Почему ты не слышишь меня?
Или не Родина ты у меня?
Или не дочь я у тебя?
Свой старый отцовский дом я нашла,
С волнением большим во двор я вошла.
В этом доме родном
Меня мама встречала
И, как всегда, мне дверь открывала.
Но а теперь никто,
Никто дверь не открыл,
А калитку за мной
Чужеземец закрыл.
А я, вспомнив, как это было, –
Чуждо стало, не мило.
Ох, как время его изменило.
Теперь солнце не греет,
Как грело тогда.
И люди чужие, совсем не такие.
Встань, проснись, родная земля!
Домой мы вернулись
Много лет спустя.
Черные силы нас угоняли,
На верную гибель нас обрекали.
Как перелетные птицы, скитались
И потихоньку назад возвращались.
Мы долго обратной дорогою шли,
Чтоб на покой все спокойно ушли.[6]

В источниках от П. Г. Шеретовой конец стихотворения звучит так:

Как перелетные птицы, скитались,
Но назад, конечно, не возвращались...
В молодые годы нас не пускали,
А теперь уже постарели...[7]

С. А. Москотова и М. Ф. Каражова подписали под стихотворением имя автора – Екатерина Васильевна Вербова-Нешева. Это стихотворение было очень известным в среде бывших спецпоселенцев, его изменяли, дополняли, передавая из уст в уста. Вероятно оно было написано автором после того, как в 1956 году Указом Президиума Верховного Совета СССР с болгар Крыма был снят административный надзор.

Приведем пример еще одного стихотворения этого же автора, повествующего о высылке болгар из Крыма.

Высылка

Случилось все это в далеком Крыму
В тяжелом военном сорок четвертом году.
Мы жили в деревне у самой горы,
И было тогда там полно детворы.
Мы жили спокойно, не знали мы бед.
Пасли мы баранов, варили обед.
Но не прошла стороной нас беда,
И хлынуло горе в деревню тогда.
И прибыл палач к нам
И громко сказал,
Чтоб быстро собрались,
А сам ускакал.
Мы вышли к дороге,
Где толпился народ,
И круг наш был замкнут
У самых ворот.
Людей, как телят, в товарняк посажали,
Куда повезут, ничего не сказали.
Так ехали ночи, так ехали дни...
И ничего мы сказать не могли.
Стоянка была лишь пятнадцать минут.
Бывало, костер лишь опять разведут –

И снова команда, и снова мы в путь,
Никто не успел даже глазом моргнуть.
И так нас везли неизвестно куда.
И много мы бед испытали тогда.
И вот привезли нас всех на Урал,
Где от тоски наш народ умирал.
Но вот пролетели те трудные года,
Но народ это горе не забудет никогда. [8]

Этой же теме посвятила свое стихотворение Галина Ивановна Попова, 1923 г. р., уроженка с. Кабурчак. Она вспоминает: «Мы попали в г. Губаха Молотовской области. Там коксохимический завод и трубы ТЭЦ коптели день и ночь. Нас расселили в бараки недалеко от завода. Дышать было нечем. Вокруг городка в радиусе 15 км все деревья высохли, а вот мы выжили». [9] Галина Ивановна с гордостью сказала, что национальности своей не скрывала и родного языка не чуралась даже в депортации, хотя где-то болгарам запрещали говорить на родном языке. Свое стихотворение о депортации Галина Ивановна назвала «Незабвенный день (27 июня 1944 года)»; именно в этот день их семью вывезли из родного с. Кабурчак.

**Незабвенный день
(27 июня 1944 года)**

Не забыть то июньское утро,
Когда к нам постучали солдаты.
Указ они нам объявили,
Что выселяют из дома.
 Куда и за что, мы не знали,
 Лишь только за то, что болгары.
 Лишенья большие
 Нас ожидали.
Нас погружали в вагоны
И отправляли этапом,
За преступников нас посчитали,
На Урал и в Сибирь нас сослали.
 А мы жили в Крыму, как родные,
 И татары, болгары и греки.
 И в гости ходили друг к другу,
 И все нации мы уважали.

Мы и в ссылке работали споро,
Несмотря на лишенья и холод.
И надеялись, может быть, скоро
Возвратимся в любимый свой город.
 И исполнились наши желанья
 Возвратились к родным берегам мы,
 После стольких мук и скитаний
 Мы на Родине!!! Чудо свершилось!!![10]

В стихотворении, написанном Анной Александровной Зелениной (Чебышевой), уроженкой с. Чату (ныне с. Садовое Нижнегорского р-на), грустная история ее большой семьи, которая была разрушена и уничтожена вследствие депортации:

Жихме ние на Чату.
Татку беше наш овчерь.
Малку видихме нии негу.
Майка гледаше децата,
Готвеше, печеше, чепкаше,
Прядеше, ткаеше димия.
Много дерт изкара майка
Кат умре ни наша Варя,
А пък сетне и Урал.
Брат ни там умре ни млад
Четер дядца той устави.
Майка плачеше сполита
Бяла глава, църен шал.
Имах сестри, имах брат,
Имах лели, имах учу,
Имах стрику – гулям род.
Пък сега си останах една я...[11]

Анна Александровна – участница Великой Отечественной войны, участвовала в Керченско-Феодосийской десантной операции. Но, несмотря на это, она тоже была депортирована в г. Красновишерск Молотовской области. Она, также как и Галина Ивановна Попова, никогда не стыдилась своей национальности и разделила судьбу своего народа. Горький конец ее стихотворения – здесь говорится, что были мать, отец, сестры, брат, тети и другие родственники, а теперь из большого

болгарского рода в живых осталась она одна. В этой трагедии одной семьи, как в зеркале, отражена трагедия целого народа, ведь таких семей, потерявших своих близких вследствие депортации, тысячи.

С этим стихотворением очень близка песня «Ой, Слюмну ля», написанная Г. И. Поповой на Урале в месте спецпоселения г. Губаха. Эта песня о грустной судьбе болгарской девушки, разделившей все тяготы жизни своего народа в Сибири и на Урале.

Ой, Слюмну ля

Ой, Слюмну ля, ой румяну мъри!
Що така ти рано стана,
Рано стана, та ни носиш мъри,
Та ни носиш лошав хъберь?
Че ни дигат от къшите, от топъл край,
Та ни карат на Уралът, мъри.
На Уралът и в Сибирят.
Та остана всичко живо, мъри,
Всичко живо и умряло.
Това край на нас бе страшен, мъри,
Че бе много там студено,
Че там нищо не растеше, мъри,
Не ябълки, не чуреши.
А пак ния сме българи, мъри,
И сме ния научени,
И сме ния научени, мъри
Да живеме в топло място.
Ние нищо не сторихме, мъри,
Да ни дигат от нашият Крим,
От нашият Крим, дет живяхме, мъри
Дет живяхме и пеяхме.
Но ние се дочакахме, мъри,
Дочакахме и дожихме,
Та се върнахме пак тука, мъри,
Да живяме и пяеме.[12]

В песне говорится о страшном крае, куда попали болгары, там очень холодно, ничего не растет и ничто не напоминает о теплом солнечном Крыме, который остался где-то далеко, но всегда любимый.

Еще одна песня, посвященная теме депортации, родилась в Энгельском р-не Гурьевской области на нефтепромысле Косчагыл в Север-

ном Казахстане. Впервые я ее услышала весной 2004 г. в исполнении Матрены Константиновны Кустадинчевой (Крякаловой), 1930 г. р., уроженки с. Кишлав, ныне жительницы поселка Коктебель:

Далеко с Казахстанского края
Шлю родимому Крыму привет.
Я живу здесь с разбитой душою
И не знаю, вернусь или нет.
 Когда ветер с востока подует,
 С головы мне косынку сорвет
 И напомнит веселое время,
 Что, навряд ли, еще раз придет.
Где то теплое Черное море,
Где те алые розы в садах?
Заменили унылой полынью
И казахами на верблюдах.
 Эх, была бы я быстрою чайкой,
 Что летает над вольной волной,
 Распрощалась бы я с Казахстаном
 И стрелой улетала домой.[13]

Автор текста песни, вероятно, женщина. Есть предположение, что музыку написал Христофор Владимирович Клиничев из Кульсар, где он жил с сестрой, которая, вероятно, и написала текст к этой песне.

Крымские болгары помнят также две песни, которые пели их родители в депортации.

Высылка

Это было совсем уж недавно,
Нас из Крыма в Сибирь привезли
На работу в совхоз «Ленинуголь»,
Жрать давали с овса устюки.
 Рано утром комендант будоражит,
 Бригадир тебе цапку сует.
 Целый день об одном лишь мечтали,
 Где бы, как бы набить свой живот.
На работу шли очень рано,
А с работы шли под конвой.
С котелком за баландой гурьбою,
Друг за друга стояли стеной.

И за что нам доля такая,
И за что воевали отцы,
Чтобы ихние дети в Сибири
Замерзали в холодной тайге.
 Наше детство прошло все в мученьях,
 Голых, босых в Сибирь привезли,
 Но мы честно трудились в Союзе,
 Не жалея об этой судьбе.
И оделись, обулись не хуже,
И живем мы не хуже других,
Но обидно, что нас унижали,
Обзывали в измене своих.[14]

Прощанье с Крымом

27 июня ровно в четыре часа
Нас разбудили и объявили,
Что собираться пора.
 Ночной порой, Крым,
 Распрощались с тобой,
 Все уезжали и повторяли,
 Что мы вернемся домой.
Кончилась жизнь городская,
Загнан в телячий состав.
Греки, армяне, болгары, татары
Просили конвоя, оставь.
 Но конвой был очень жестокий,
 И громко и грозно орал:
 «Быстрее садитесь в машины»,
 И отправлял нас всех на вокзал.
И на вокзале в телячьи вагоны
Нас покидали, как мусор в ведро.
Не жалея, что дети кричали
И что было нам всем тяжело.
 Поезд тронулся ночью тихонько,
 И вагоны катились вперед,
 И везли нас составы далеко,
 Где нас ждали мученья и труд.[15]

Устное народное творчество крымских болгар периода депортации заслуживает дальнейшего изучения, ведь это память народа; собрать

и сохранить его – наш долг перед теми людьми, которые, пройдя все испытания, остались верны крымской земле.

Список источников и литературы

1. Из письма Шеретовой Полины Георгиевны Гайворонской Ольге Борисовне из п. Виноградный Крымского района Краснодарского края от 7 февраля 2007 г. – С. 3–4.
2. Там же. – С. 5.
3. Там же. – С. 6.
4. Из письма Степаниды Алексеевны Москотовой и Марии Федоровны Каражовой Гайворонской Ольге Борисовне из г.Крымск Краснодарского края от 17 января 2007 г. – С.1.
5. Там же.- С. 3-4.
6. Там же.- С. 4-5.
7. Из письма Шеретовой Полины Георгиевны Гайворонской Ольге Борисовне из п. Виноградный Крымского района Краснодарского края от 7 февраля 2007 г. – С. .
8. Из письма Степаниды Алексеевны Москотовой и Марии Федоровны Каражовой Гайворонской Ольге Борисовне из г. Крымск Краснодарского края от 17 января 2007 г.. – С. 5-7.
9. Радева Л. И. Птицы всегда поют // «Извор». – 1997. – №7.
10. Из рукописной тетради Поповой Г. И. с авторскими стихами и песнями от 2002 г. – С. 12–13.
11. Болгары в Крыму. 200 лет /Сост. Митрохин Валерий, Радева Людмила – Симферополь: Таврия, 2004, с. 27.
12. Из рукописной тетради Поповой Г. И. с авторскими стихами и песнями от 2002 г., с. 25.
13. Записана в п. Коктебель, март 2004г.
14. Из письма Марии Афанасьевны Каражовой из п. Приморко-Ахтарск Краснодарского края от 23 мая 2008 г., с. 2–3.
15. Там же,с.3-4.

Родильная обрядность крымских татар и мариупольских греков

В соответствии с цикличностью процесса жизнедеятельности людей в традиционных культурах этносов сложились отдельные типы праздников и обрядов. Основными из них являются два: «семейные» и «календарные». «Семейная обрядность» освещала переходные или поэтапные моменты в жизни человека. При этом каждый традиционный обряд и праздник был тесно связан с народными верованиями и поверьями. «Семейная обрядность» пронизана глубоким философским смыслом, так как она устанавливала духовную связь между поколениями, наполняла жизнь оптимистическим смыслом.

«Семейная обрядность» подразделяется на три основных цикла: родильные, свадебные и погребально-поминальные обряды. В свою очередь, в «родильной обрядности» выделяют три последовательных цикла:

- 1) предродильный;
- 2) родильный;
- 3) послеродовой.

В нашей статье будут рассмотрены обычаи и ритуалы обрядности мариупольских греков и крымских татар предродильного и родильного циклов, без включения обрядов «социализации» детей.

Исследование базируется на полевых материалах, собранных автором во время работы Крымской и Приазовской фольклорно-этнографических экспедиций, организованных Крымским отделением Института востоковедения имени А. Крымского НАН Украины под руководством к. и. н. М. А. Араджиони.

Приазовские экспедиции проводились в летние сезоны 1993, 1994, 1995 гг. в местах компактного проживания греков на территории юга Донецкой области (Приазовья). В ходе первой экспедиции (1993 г.) были исследованы урумские – Старобешево (Бешев), Стараласпа (Ласпи), Гранитное (Карань) и румейские села – Раздольное (Аргин Кара-Коба), Стыла (Стыля), Богатое (Чермолык), Старобешевского и Тельмановского р-нов.

Вторая экспедиция (1994 г.) проводилась в греческих селах Великоновосёловского р-на: урумских – Улаклы, Богатырь, Камара (Комар), Старомлиновка (Керменчик); румейских – Константинополь (Демерд-

жи), Красная Поляна (Новая Кара-Коба) и селе со смешанным населением (румеи-урумы) – Великая Новосёлка (Аргин Ени-Салу).

При проведении третьей экспедиции были исследованы села Первомайского и Володарского р-нов – Ялта, Приморское (Гурзуф), Сартана, Малая Янисаль (Малая Енисалу), Чердакли.

Материалы по «родильной обрядности» крымских татар были получены во время опросов крымскотатарских информаторов в Симферопольском, Бахчисарайском и Раздольненском р-нах Крыма в 2000–2004 гг.

Главной функцией семьи у мариупольских греков и крымских татар, как и других народов Крыма, была воспроизводящая – рождение детей, т. е. продолжение родственной линии отца, так как отсчет потомства происходил именно по ней. Кроме потребности в продолжении рода, существовала острая необходимость в увеличении количества работников в семье. Поскольку хозяйство и мариупольских греков, и крымских татар в XVIII–XIX вв. было недостаточно оснащено техникой, количество рабочих рук существенно влияло на уровень жизни каждой семьи.

Многодетные семьи пользовались в обществе уважением. Об этом свидетельствуют многочисленные татарские и греческие пословицы: «Бир бала – бала дугуль, эки бала – ярым бала, уч бала – бир бала» (Один сын – не сын, два сына – половина сына, три сына – это и есть один сын), «Фухере кимдыр? Ушахи чох олан. Зангин кимдыр? – Ушахи чох олан» (Кто бедный? – У кого детей много. Кто богатый? – У кого детей много»)[1]. «Бездетность» семьи считалась большим несчастьем. У мариупольских греков и крымских татар ответственность за бездетность полностью ложилась на плечи женщины, ее называли грешницей. Про отношения греков к таким женщинам мы можем узнать из пословицы: «Женщина без детей, что дерево без плодов» [2].

У мариупольских греков и крымских татар есть пословицы, которые свидетельствуют о сложной психологической атмосфере в доме бездетной семьи: «Баласыз эв мезар» («Дом без детей – могила») [3], «Ту спит юмату балайдъа – хара, ту спит дъихос балайдъа – турму» (Дом с детьми – радость, дом без детей – тюрьма) [4].

Бесплодные женщины, пытаясь вылечиться, выполняли определенные ритуалы и обряды, обращались к помощи божественных сил, языческих святынь, использовали средства народной медицины. Во время проведения приазовских экспедиций нам удалось зафиксировать описания некоторых средств от бесплодия, к которым прибегали

мариупольские гречанки, эти сведения являются главными источниками информации по данной проблеме, т. к. в этнографической литературе XVIII–XX вв. она практически не рассматривалась.

Все изученные нами средства исцеления от бесплодия были разделены на три группы:

- 1) связанные с обращением к христианским святыням;
- 2) поклонения святым местам, которые имеют языческо-христианскую природу;
- 3) средства народной медицины, которые практиковались знахарками.

К первой группе средств мы отнесли обычай посещения православных храмов. Особым почтением у мариупольских гречанок пользовалась икона Божьей Матери – Одигитрии. Эта икона во время переселения христиан из Крыма была вывезена в Мариуполь [5]. До этого чудотворная икона находилась в Успенском скиту, и к ней обращались за помощью не только гречанки, но и татарки [6].

Ко второй группе средств лечения от бесплодия был отнесен обычай посещения святых мест. Одним из таких чудодейственных мест была церковь Святой Анастасии возле источника Анастасии на Качи-Кальоне. Кроме святого источника гречанки и татарки поклонялись дереву черешни, на ветви которого прикрепляли лоскутки материи от своей одежды в надежде исцелиться от всех болезней, и в частности от бесплодия [7]. Характерно, что бездетные женщины поклонялись именно плодовым деревьям, т. е. в данном обычае переплелись приемы контактной и имитативной магии.

Третью группу средств лечения от бездетности составляют методы и способы народной медицины, которые использовали знахарки. В урумском селе Богатырь их называли «бахтаджи хачлай» [8]. Знахарки использовали в своей практике как иррациональные средства лечения от бесплодия – чтение заговоров, так и рациональные – изготовление лекарственных отваров, горячие ванны из молока или лекарственных трав [9; 10].

Таким образом, прослеживаются параллельные действия мариупольских, крымских гречанок и крымских татарок: вера в сверхъестественные силы отдельных предметов (источников воды, деревьев) – фетишизм – и обращение за помощью к знахаркам.

Греки и татары считали, что бездетная женщина, которая использовала средства народной медицины, молилась Богу, посещала святые места, должна была обязательно вылечиться. С наступлением бере-

менности положение молодой женщины в семье существенно менялось. Она входила в период выполнения своей главной миссии – вынашивания и рождения ребенка. Появление первого ребенка было окончательным этапом процесса приобретения гречанкой статуса полноправной замужней женщины. В семье к ней относились с уважением, был обычай вставать при приближении беременной женщины, не переходить ей дорогу [11].

У мариупольских греков, крымских татар, как и многих других народов, существовала система запретов для беременных женщин, которая была направлена на обеспечение благополучных родов, заботу о здоровье и красоте ребенка. При помощи запретов поведение беременной женщины, с одной стороны, и людей по отношению к ней – с другой, было строго регламентировано. В современных условиях гречанки и татарки, зная о существовании подобного рода запретов, придерживаются их во время беременности.

В комплексе запретов для беременных женщин нами были выделены две группы: «рациональные» и «религиозно-магические».

К рациональным запретам нами были отнесены те, что имели в своей основе действительное облегчение состояния беременной женщины, например, запрет поднимать тяжелые предметы, исполнять трудоемкие работы в поле или по хозяйству, употреблять спиртные напитки [12; 13].

К иррациональным запретам (в основе которых была имитативная и контактная магия) принадлежат запрет посещения беременными похорон и свадеб, переступания через веревку, смотрения на кровь и др. [14; 15].

Сам процесс родов у греков Приазовья сопровождался магическими действиями и обереговыми знаками. О родах старались не говорить никому, даже повитуху приглашали в последний момент. Повитухи («манака», «калманица», «баба» – по-румейски; «пкана», «хартана», «бекана», «эбана», «мами» – по-урумски; «эбакан» – по-татарски) были наделены, как и беременная женщина, особым статусом и имели определенные возрастные и функциональные ограничения. Повитухами могли стать самые уважаемые женщины среднего или преклонного возраста, обязательно те, которые сами рожали.

Кроме помощи во время родов обязательным для повитухи был уход за новорожденным и роженицей в первые дни послеродового периода, а также руководство обрядами, которые способствовали первичной социализации ребенка.

Первым делом повитухи, пришедшей в дом роженицы, была подготовка к принятию родов. В селах Старый Крым и Старая Ласпа (где проживают греки-урумы) нам рассказывали, что повитухи приносили с собой «родильный стул» (высотой 40–60 см, с отверстием посередине) [16]. Его заменял в большинстве урумских сел (Старобешево, Богатырь, Старая Ласпа, Камара) триножник – «санджаях», подставка для котлов, в которых на открытом огне готовили еду [17].

В действиях повитухи во время принятия родов тесно переплелись магические, религиозные и рациональные приемы. К магическо-религиозным приемам родовспоможения нами были отнесены:

а) ритуал раскрытия дверей и окон дома роженицы, открытия царских врат в церкви, развязывания всех узлов и распускание волос роженицы [18];

б) возлагание на живот роженицы пояса священника [19] или фартука матери роженицы [20] и др.

Рациональные приемы родовспоможения – массаж живота, использование отваров лекарственных трав [21] и др.

На примере приемов родовспоможения мы видим, насколько тесно в родильной обрядности греков Приазовья переплелись обряды, возникшие в языческие времена, с более поздними христианскими. Так, обычай раскрытия окон и дверей дома сформировался в дохристианскую эпоху, а в связи с распространением христианства возникает такой ритуал, как открытие царских врат в церкви, т. е. языческий обряд, получает новую интерпретацию. Или, к примеру, обычай возлагания пояса священника, который существовал у мариупольских греков, имеет аналоги в родильной обрядности украинцев [22] и турок [23], но турецким роженицам на живот возлагали пояс, над которым совершал намаз мулла.

После того как новорожденный появился на свет, у мариупольских греков выполняли ритуал обсыпания его солью [24] или купания в подсоленной воде [25]. Такой же обычай существовал у крымских татар, турок, армян, равнинных народов Дагестана, болгар, гагаузов.

У мариупольских греков, крымских татар и других народов роженица считалась «нечистой» в течение 40 дней. У греков в этот период ей запрещалось ходить в церковь, прикасаться к каким-либо священным вещам [26], у крымских татар роженица не могла принимать гостей, выходить ночью во двор, бывать на похоронах [27].

Греки, татары верили, что в первые сорок дней после родов роженица и ребенок особо подвержены воздействию «нечистой силы» и

«сглаза», поэтому существовал целый комплекс оберегов для их защиты от «нечисти». Среди подобного рода оберегов мы можем назвать изделия из металла (ножницы, нож, булавка, металлические амулеты); лекарственные травы (чабрец, бессмертник); предметы быта (веник); продукты питания (хлеб, соль) и др.

Перечисленные обереги находят прямые аналогии в родильной обрядности болгар, народов Кавказа, турок. Это может свидетельствовать о тесных контактах перечисленных народов в разные исторические периоды.

Комплекс обрядов родильной обрядности мариупольских греков и крымских татар, как и любая часть традиционной культуры, имеет определенную динамику: многие обычаи упростились, сократился срок их проведения, изменился состав участников. Но в целом обычаи и обряды родильного цикла семейной обрядности относятся к одним из наиболее архаических и устойчивых форм народной культуры.

Список источников и литературы

1. Чакалов И. В. Пословицы и поговорки цалкинских греков. – Солоники, 1997. – С. 112.
2. Ксенофонтова-Петренко О. Н. Семейные обряды в селе Сартана // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М., 1979. – С. 414.
3. Хайрулдинов М. А., Усеинов С. М. Этикет крымских татар. – Симферополь, 2001. – С. 38.
4. Кирьяков Л., Патрича Д. Тысяча жемчужин: Афоризмы, пословицы и поговорки приазовских греков. – Донецк, 1993. – С. 89.
5. Павлович В. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862. – С. 339.
6. Попов А. Н. Вторая учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности. – Симферополь, 1888. – С. 6.
7. Протопопов М. Чуфут-кале, Тепе-Кермен, монастырь Святой Анастасии и Качи-Кальон близ Бахчисарая. – Севастополь, 1905. – С. 28.
8. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1994 // Архив Крымского отделения Института востоковедения Национальной Академии Наук Украины (КОИВ НАНУ), ф. Приазовская фольклорно-этнографическая (ПФЭЭ). – С. 28.
9. Марков С. И. Заметки о быте греков г. Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. – Мариуполь, 1892. – С. 413.

10. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар 2000 г. // Личный архив автора, п./т. № 1. – С. 6.
11. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1994... – С. 77.
12. Там же. – С. 42.
13. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар 2000 г. ... – С. 2, 3.
14. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1994... – С. 43.
15. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар 2000 г. ... – С. 3.
16. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1995 г. // Архив КОИВ НАН Украины, ф. ПФЭЭ, п./т. № 7/1. – С. 8.
17. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1993 г. // Архив КОИВ НАН Украины, ф. ПФЭЭ, п./т. № 1. – С. 19.
18. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1995 г. ... – С. 38.
19. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1994... – С. 27.
20. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1995 г. ... – С. 2.
21. Там же. – С. 8, 80.
22. Зінич В. Т. Пережитки первинної релігії та елементи християнської релігії у весіллі, родині і похороні // Українці. Історико-етнографічна монографія: В 2 т. – К., 1959. – Т. 1 – С. 532.
23. Гордлевский В. Быт османца в суевериях и приметах. – Б. в. д. – С. 4.
24. Ксенофонтова-Петренко О. Н. Указ. соч. – С. 180.
25. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья 1994... – С. 26.
26. Там же. – С. 30.
27. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар 2000 г. ... – С. 6.

Чабанский «кош» в Крыму в XIX – начале XX в.

В средневековом Крыму были распространены две основные формы скотоводства: кочевое – в степной части полуострова и отгонно-пастбищное – на южном берегу. О кочевом скотоводстве в Степном Крыму писали Г. Рубрук, ибн Батутта, И. Шильтбергер, И. Барбаро и др. В первой половине XVI в. хан Адиль Сахиб-Гирей приказал татарам рубить повозки и переходить к оседлому образу жизни. Но еще в XVII в. татары-ногайцы «живут в степи, на повозках, на коих устраивают как бы комнаты... и на этих повозках, запряженных волами, переезжают с места на место, в поисках за пастбищами для скота» [1]. Но скотоводческое хозяйство татары издавна дополняли «кочевым земледелием, которое сочеталось с кочевым образом жизни и не нарушало его. Они распахивали в степи определенные участки земли, обычно связанные с местами их зимовок, уходили кочевать и возвращались для уборки урожая» [2].

В конце XVIII – первой четверти XIX в. скотоводство по-прежнему «являлось основой благосостояния значительной части населения Крыма» [3]. В середине XIX в. богатейшие из татарских хозяев имели от двух до трех тысяч овец [4]. Равнинные земли Степного Крыма и прилегающих к нему районов, непродолжительная зима благоприятны для кочевого скотоводства. По мере распашки крымской степи в XIX в. наиболее распространенной формой скотоводства на полуострове становится отгонно-пастбищное овцеводство.

Среди греков, переселенных из Крыма в Приазовье в 1778 г., «традиции балканского пастушеского отгонно-пастбищного скотоводства были настолько сильны, что иногда греческие чабаны отгоняли овец на летовки не только на близлежащие общественные пастбища, но и в более отдельные регионы – Крымские яйлы, Молдавские Кодры и на Кубань» [5].

В начале XX в. в Таврической области было 1,8 млн овец. Это были как европейские породы, так и местные – «цигей», «малич», «эльтыр», «мерлушки». Правительство поощряло развитие тонкорунного овцеводства. Для этого населению выдавались ссуды, учреждались орден «подарки для лучших хозяев, открывались школы по сортировке шерсти, организовывались шерстяные ярмарки» [6]. Но на яйлах было распространено в основном грубошерстное овцеводство [7].

Принадлежали яйлинские пастбища как частным владельцам, так и сельским общинам. Для отгона скота на пастбище и ухода за ним организовывались «коши». Для этого несколько владельцев овец объединяли скот и нанимали пастухов. Так, в деревне Ай-Серез 15–20 хозяев создавали отару в 1000 овец. Таких отар в деревне было две. За отарой смотрели три чабана, один главный и два помощника [8]. Главный чабан назывался «адаманом» (в Украине – «атаман»). Кроме того, пастухам помогали их дети, дети-сироты.

Отгон скота на горные пастбища происходил весной. Растительность на крымских яйлах горнолуговая, похожая на растительность лугов субальпийского типа, но более бедная, и яйлы в Крыму более низкие: Ай-Петри, Кораби-яйла, часть Чатыр-Дага и Демерджи, выше других только Гурзуфская яйла и Бабуган. В начале лета овец пасли в нижней части гор, затем поднимали выше. Некоторые крымские пастухи путешествовали в своей жизни «только летом на яйлу, которая возвышалась над их деревней и осенью назад» [9].

В XIX в. на Чатыр-Даге кочевало до 35 тыс. отар, по несколько тысяч каждая [10]. Интересно было видеть это овечьё царство: «Вся гора покрыта белым цветом, перерываемым местами черным... Все белые и черные – по целым дням, плотно стеснившись, щиплют и жуют короткую, но сочную траву» [11]. На горных пастбищах овцы быстро поправлялись и набирали вес. Крымские татары и сейчас считают что овцы как можно дольше должны быть на воздухе. В состав стада включали и коз, так как когда волк режет овцу, она молчит, а коза при появлении волка ревет и не дает вырезать стадо, охраняли стадо и белые, лохматые, высокие и худые собаки «барак».

Чабаны, их отары овец, козы и собаки «барак» с весны до осени были почти единственными обитателями высокогорных пастбищ. На этих пастбищах пастухи строили себе жилища «коши». Так как воровства в то время в Крыму не было, «кош» из года в год оставался на «яйле». Он строился из необработанного камня без раствора. Крыша складывалась из веток и травы и присыпалась землей. «Домик чабана» гармонично вписывался в окружающий его ландшафт, рядом с ним находились загоны для скота. В них скот загоняли в дождливую погоду, а также во время дойки и стрижки.

Стрижка овец производилась два раза в год. Первая – в начале мая, вторая – в августе. В горных районах перед стрижкой овец три-четыре раза прогоняли через речку, чтобы шерсть была чистой [12].

Доили овец два раза в день, в течение 2–2,5 месяцев. Начиналась дойка перед рассветом и длилась около трех часов. «Овцы бились и

кричали» [13] от мучительных пожатий чабанов. Молоко текло в «легени» – большие металлические тазы.

При перегоне стада пастухи следили, чтобы «продвижение стада было по возможности медленным, благодаря чему достигается лучшее стравливание корма, а также более успешное отложение жира, затем чтобы овцы имели постоянно перед собой свою тень, чем также обеспечивается более полное использование пастбищ, так как в противном случае овца, ослепнув от прямого солнечного света, больше вытаптывает корма, чем поедает, далее чтобы движение стада не совпадало с направлением ветра» [14].

Чабаны знали все болезни овец и умели их лечить. По описанию П. Сумарокова, «при течении крови растворяют над глазом жилу, при опухоли боков и показавшейся зелени во рту дают нюхать тлеющую тряпицу, очищают щипцами червей, присыпая после табаком или синим камнем и прочее. И ничего в бродящей толпе не укрывалось от их взгляда. Они два раза в неделю, в дождливую же погоду всякий день дают отаре соль, раскладывая оную по камням кучками и примешивая иногда в нее пшеничные отруби для здоровья скота» [15].

Несколько раз в году пастухи гадали на бараньей лопатке. Зарезав барана, они варили мясо, а затем, держа лопатку против солнца, по количеству извилин определяли: 10 марта – каким будет окот, 10 июня – какой будет зима, 10 января – каким будет лето [16]. Да и сами пастухи, постоянно находясь на природе, могли предсказывать погоду.

Пастух работал на яйле не за деньги, а за овец и пищу, как в Библии Иаков и Моисей [17]. Хозяева давали чабанам муку, пшено, овощи, разрешали убивать овец для себя, для гостя и для бедного» [18]. Как оплату пастухи получали 1/10 или 1/20 часть приплода. Даже молодые пастухи имели по 40–50 овец [19].

В конце сезона выпаса хозяева поднимались на пастбища к пастухам и пировали с ними «в возблагодарение за охраненное имущество» [20]. Хозяева овец забирали с пастбищ «къатык» и тулупный сыр, приготовленный чабанами. «Пенир» (сыр) тулупный хранился до шести месяцев. Он был твердый и соленый, заворачивался в козью шкуру. Одна овца давала и «къатыка» и сыра столько, сколько было достаточно одному человеку на зиму. Часть молочных продуктов продавали горожанам.

Готовили сыр на кострах в больших плоских «легенах», помешивая деревянной ложкой. «Къатыка» делали целые кадки, при чем «къатык» из овечьего молока считался более вкусным, чем из коровьего.

Крымский врач В. Н. Дмитриев впервые в Европе организовал производство кефира в лечебных целях. Его книга о кефире была переведена на французский, итальянский, немецкий языки, после чего кефир стал признанным лечебным средством не только в России, но и в странах западной Европы [22]. В Ялте кефир («къатык») делали татары. «Къатык» продавали в аптеках, и заказывать его нужно было заранее.

Чабаны на пастбищах готовили также «каймак», «язму», «кебабы», «хавурму». К чабанским блюдам относятся и «чабан-янтаги», «чабан-кобетеси» [23].

Одежда чабана состояла из широких шаровар, рубашки «ксха-чекмень» – короткой до талии куртки из домотканого сукна с карманом на груди, барашковой шапки. Через плечо у чабанов была широкая перевязь, на которой в черном футляре хранилась молитва Мохаммеду – «молитвы, которых ни один чабан не умеет читать, но без которых ни один же чабан не рискнет выйти на пастбище» [24]. Это было средство сохранять жизнь чабану и отаре.

На поясе у чабанов висели нож и «джюздан» (по-украински «гамаец»), украшенный пуговицами и металлическими бляшками. В нем хранились огниво, кремь, трут.

Долго в чабанском быту сохранялся и «узун-чекмень» – широкая накидка из плотного сукна с длинными рукавами, защищавшая от ветра и дождя. Зимой пастухи носили «узун и ксха эни курк» – бараний тулуп и меховую куртку с короткими рукавами, обували «чарыки» из кожи буйволов, в них было удобно ходить по каменистому грунту. Чабанская палка называлась «таяк». Этим посохом с крюком ловили овец за ногу.

Личность пастуха, его труд были популярны в Крыму. На вершине Карадага был «похоронен один чабан, или пастух, завалившаяся могила которого, священная для мусульман, заботливо обложена разноцветными камешками. Больные и скорбящие приходят к ней по обещанию на молитву и по вере магометан получают облегчение в болезни и утешение в печали» [25].

Популярность чабанов отразилась в топонимике, легендах, сказаниях, детских играх крымских татар. Так, скала у п. Форос, упавшая во время землетрясения 1927 г., называлась Чабан-Таш. Поселение Чабан-Куле (Пастушья балка) есть у с. Приветное Алуштинского горсовета. Башня также с названием Чабан-Куле находится у с. Морское (б. Капсихор-Ай-Серез). Скала Курбан-Кая в Отузской долине, по легенде, – застывшая фигура чабана, ставшего в день праздника жертвой («курбаном»).

В крымских легендах чабан всегда умный, сильный. В сказке «О чабане и хане» чабан, игравший на «къавале», женится на прекрасной дочери хана. В сказке «О лисе и Беш-салкым бее» также чабан женится на дочери падишаха, а в сказке «О мудром ишаке» именно чабан объясняет падишаху, почему его ишак умнее визирей султана. В легенде «Шайтан-сарай» чабан находит клад.

Татарам, в основном степным, был знаком 12-летний календарь, где каждый год имел название какого-то животного. При этом лучшим годом считался год овцы – «коюн», затем год лошади – «йылки», змеи – «йылан», коровы – «сыгыр» [26].

В XIX – начале XX в. чабанские «коши» посещали путешествующие по крымским «яйлам» исследователи, туристы. Только у пастухов, в горах, они могли найти ночлег, погреться у костра, купить еду. Вместе с пастухами в «коше» они спали на шкурах и войлоках, обедали на войлочной «кошме» на полу у маленького круглого столика деревянными ложками, пили чай из горных трав «ляйле» в глиняных кувшинах.

Заезжавших к ним путешественников чабаны развлекали игрой на пастушеских музыкальных инструментах. «Звонко и весело звучал „кавал” – дудочка пастуха. При игре на „тулуп-зурна” (волынка) – музыкальном инструменте из цельной козьей или овечьей шкуры – «дудки поют как свирель, только полнее и резче, а меха гудят и ревут» [27].

О своем впечатлении от игры пастуха на волынке Е. Л. Марков писал: «...в земляном шалаше услышать нежностонущую песнь на инструменте шотландского гайлендера, песнь пропетую полупастухом, полуразбойником, в звериных шкурах. Это не часто приходится испытывать в рутине нашей цивилизованной жизни. Не удивительно, что сильнейшее наслаждение мы получаем именно там, где открывается нам еще что-нибудь неведомое..., мне так стало хорошо в этой землянке кочевого пастуха, что душа проснулась и наслаждалась созерцанием» [28].

Когда же чабаны играли их любимый танец «чабан-авасы», то под эту веселую музыку танцевали не только молодые, но и старики. Известны также чабанские танцы «чабан-кайтарма» и «чабан-оюны» («бейим адаман»). Они и сейчас исполняются крымскими татарами, хотя на пастушеских музыкальных инструментах («кавал», «тулуп-зурна») практически никто не играет. Забыты и детские игры «чабанчек», «Тура» (плеть), игры с костями животных.

Как отметили научные исследователи еще в первой четверти XX в., «овцеводство, бывшее прежде основой татарского хозяйства, совер-

шенно потеряло свое значение. Яркий образ чабана, в одиночестве годами пасшего свои стада на яйле, почти отошел в область преданий. Исчезают из обихода их музыкальные инструменты „тулуп-зурна” и „къавал”, и почти забыта гордость каждого чабана – украшенная серебром кожаная сумка „джиздан”. Вместе с чабанами исчезают их прекрасные песни и сказки» [29].

В настоящее время, когда возрастает интерес к зеленому туризму, одним из туристических объектов в Крыму мог бы стать этнографический комплекс «Чабанский кош». Такой комплекс и подобные ему дали бы возможность сохранять культурные традиции, проявлять крымское гостеприимство, дали новые рабочие места, способствовали экологическому воспитанию.

Список источников и литературы

1. д' Асколи Эмиддио Дортелли. Описание Черного моря и ТатариИ // 300ИД. – 1902. – Т. 24. – С. 130.
2. Якобсон А. Я. Средневековый Крым. – М. – Л., 1964. – С. 134.
3. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1910. – Т. 14: Новороссия и Крым. – С. 321.
4. Радде Г. И. Крымские татары / Авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. – Симферополь, 2005. – С. 402.
5. Араджиони М. А. К вопросу об основных и подсобных занятиях греков южного берега Крыма в середине XVIII в. // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. – Т. 10. – С. 679.
6. Россия: Полное географическое описание... – С. 322.
7. Усов С. А. Историко-экономические очерки Крыма. – Симферополь, 1925. – С. 297.
8. Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском Ханстве // Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / Авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. – Симферополь, 2005. – С. 331.
9. Марков Е. Л. Очерки Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 244.
10. Там же.
11. Васюков С. И. Крым и горные татары. – СПб., 1904. – С. 115.
12. Усов С. А. Указ. соч. – С. 305.
13. Марков Е. Л. Указ. соч. – С. 236.
14. Россия: Полное географическое описание... – С. 325.
15. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду // Хрестоматия по этнической истории и традиционной

- культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, цыгане / Ред.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. – Симферополь, 2004. – С. 203.
16. Шевелев Е. Народные татарские верования // Неопалима Купина. – К., 1995. – № 5–6.
17. Марков Е. Л. Указ. соч. – С. 241.
18. Сумароков П. И. Указ. соч. – С. 203.
19. Марков Е. Л. Указ. соч. – С. 244.
20. Сумароков П. И. Указ. соч. – С. 203.
21. Бененсон М. В. Экономические очерки Крыма. – Симферополь, 1919. – С. 34.
22. Брагина Т., Васильева Н. Путешествие по дворянским имениям Крыма. – М., 2003. – С. 69.
23. Эбубекирова Н. М. Традиционная крымскотатарская кухня. – Симферополь, 2003. – С. 9.
24. Марков Е. Л. Указ. соч. – С. 241.
25. Кедрин И. Хозяйственные очерки. Отузская долина // Крымские татары... – С. 240.
26. Самойлович А. Н. О 12-летнем животном цикле // Крымские татары... – С. 417.
27. Марков В. Л. Указ. соч. – С. 243.
28. Там же.
29. Бонч-Осмоловский Г. А. Крымские татары // Крымские татары... – С. 86.

Традиции теневого кукольного театра «Карагёзис» и проблемы его возрождения в Крыму

Театр теней как форма визуального искусства зародился в Азии свыше 1500 лет назад. Ко второму тысячелетию театр теней имел широкую популярность в Китае и Индии. С войсками Чингисхана он распространился также в других районах Азии. Наивысшей формы развития в Турции он достиг к XVI ст. Активно распространяясь по Османской Империи, возрастая на фольклорной основе народов Восточного Средиземноморья, в конце XVIII в. театр уже приобрел форму общедоступного народного театра, имеющего свои специфические признаки и своих героев [1].

Театр – форма общественного сознания. Он неотделим от жизни народа, его национальной истории и культуры. Расцвет или упадок театра, развитие в нем тех или иных форм, тенденций, идей, само место театра в жизни общества и характер его связей с современностью обусловлены особенностями социальной структуры общества, его духовными запросами. Своего художественного подъема театр достигает обычно тогда, когда он, проникаясь ведущими идеями эпохи, борется за определенные идеалы. Глубоко и правдиво театр раскрывает сложность внутреннего мира человека.

Греческий театр теней «Карагёзис» (в переводе с турецкого – «черный глаз») – один из видов театрального кукольного искусства, выросшего из восточного театра теней. Он также достойно продолжает традиции греческой драматургии. Как «греческий» театр теней насчитывает почти 200-летнюю историю и, являясь старейшим из существующих в Греции, тем не менее остается одним из популярнейших в народе театральных жанров. Греки боготворят свой национальный театр теней, знакомство с которым начинается с раннего детства и длится до глубокой старости. А бедный, постоянно преследуемый, но неунывающий, жизнерадостный и остроумный герой Карагёзис (рис. 1) означает для греческого народа то же, что для русского – знаменитый Петрушка.

Рис. 1

Театр рассказывает о бесконечных комических приключениях бедного голодного грека, перебравшего множество профессий, чтобы заработать на жизнь. Он постоянно попадает впросак, терпит массу неудач, тщетно пытается выбраться из нищеты. Откуда же появился этот горбатый большеглазый человечек с висячим носом?

В Турции с давних пор существовал театр теней «Хамам». Действия спектакля всегда разворачивалось около бани (хамам), расположенной в центре сцены. С одной стороны сцены женщины шли в баню, а с другой – стоял Карагёзис и отпускал саркастические шутки. Затем появлялся еще один персонаж – Бекри Мустафа – грубый, тупой представитель правосудия. Начиналась перепалка, которая завершалась наказанием Карагёзиса. В ходе пьесы Карагёзис высмеивал распутное поведение военной элиты, османских султанов, глупость представителей власти и т. д. Его поражение было только внешним. Все симпатии зрителей оставались на стороне любимого героя.

После обретения Грецией независимости в 1829 г. театр теней «Карагёзис» продолжал распространяться, и к середине XIX в. его можно было увидеть в разных уголках страны. На первых порах несколько вульгарный Карагёзис из театра «Хамам» еще выступал перед зрителями, но далеко не всегда соответствовал греческим эстетическим идеалам, а растущее национальное самосознание требовало изменения форм и репертуара. Греческие народные драматурги создали новый репертуар, опираясь на местные фольклорные традиции, с учетом вкусов своего народа. Кроме того, многие кукловоды внесли новшества и в оформление сценических панно. Турецкий колорит постепенно исчезал из «Карагёзиса».

Имея давние театральные традиции и талантливых приемников жанра, Эллада стала родиной «своего» театра теней. Сформировавшийся как греческий и народный, театр «Карагёзис» начал выполнять свою просветительскую функцию – развлекая учил. Он всегда имел своего специфического зрителя, состоящего из мелких служащих, рабочих, студентов, стариков и ребятишек. Поэтому главный актер, который являлся по совместительству режиссером и музыкантом, художником и постановщиком, пользовался только народным языком, употребляя идиомы, которые понимались в данном социуме и принимались им. Актер «Карагёзиса» непременно должен был обладать талантом, знать и уметь петь народные песни, воровские баллады, имитировать множество диалектов. Он должен был уметь говорить и на древнегреческом языке, и на искаженном греческом, на котором гово-

рит один из персонажей – еврей и т. д. Если актер был действительно талантлив, он мог добавлять новые пьесы в репертуар театра.

Отцом современного театра теней в Греции считают Димитриса Сардуниса. Он ввел в репертуар 30 комедий и драм. Наиболее известными из них были: «Свадьба Карагёзиса», «Капитан Катсандионис», «Капитан Грис» и т. д. Именно при нем в левом углу сцены появился полуразрушенный домик, который символизировал бедный район, обитель Карагёзиса. Справа – дворец, символ богатства и всевластия паши.

Греческий Карагёзис, блистающий за натянутым холстом, отличался тем, что постоянно хотел вмешиваться в дела других. Его били, изгоняли. Он вновь оказывался в своей халупе, нищий, как и прежде, всякое невезение воспринимал как результат собственной глупости и равнодушия судьбы. Невзгоды переносил с постоянной уверенностью, что в следующий раз непременно повезет. Кроме главного героя, в пьесах появлялись и другие персонажи. Одним из них, который был добавлен в 1924 г., был Ставракос – олицетворение греческого преступного мира. На Крите театр теней обрел новых персонажей – это капитан Манос и Критикос – типичный выходец с острова, имевший даже реальный прототип. Женскими персонажами в театре теней были простолюдинка Аглая – жена Карагёзиса и Везиропула – дочь паши, богатая наследница. Также среди героев были: Али Паша – олицетворение богатой турецкой власти; Барба Йоргос – олицетворение греческого храброго воина, «ура-патриота» в отставке, Съёр Дионис – местная «новая интеллигенция», персонаж, очень похожий на комичный образ Голохвастова из пьесы «За двумя зайцами»; Велингекас – служащий паши и др.

В этом театре раскрывалась тема, волновавшая людей с давнего времени и волнующая и по сей день, – тема маленького человека, не приспособившегося к так называемому цивилизованному миру, не понимающего и не желающего принять нормы его поведения. Карагёзис всегда общался со зрителем, особенно с детьми, тем самым активно используя смысловую активизацию (т. е. вовлекая зрителя в сюжет пьесы). Даже сегодня не во многих театрах в достаточной мере используется подобный прием для достижения поставленных перед театром целей.

Давняя традиция изображения мастерами персонажа Карагёзиса была очень бедной. Греческие драматурги искали новые подходы для того, чтобы отвечать возросшим требованиям новой эпохи в жизни

театра. Изменения происходили не только в репертуаре пьес и введении новых персонажей, они коснулись и сценических и рекламных панно, которые выставлялись на площадях деревень. Зарегистрированы факты, которые свидетельствуют о том, что актер «Карагёзиса» Василарос, который работал в основном на Пелопоннесе и в Румелии (Северо-Восточная Греция), привлекал к творчеству по созданию сценических панно специалистов по росписи икон [2].

В период становления театра художником по костюмам очень часто был сам актер, позже предпочтение отдавали работе специального художника, который приспособлял свои рисунки к сценическим потребностям и стилю театра. С большой точностью художник чертил на бумаге размер, а затем актер переносил чертеж на ткань или на кожу. Актер видоизменял образ согласно своим потребностям, словно автором данного рисунка является он сам. Зачастую было сложно идентифицировать создателя, поэтому авторство декораций и фигур Карагёзиса оспаривалось многими художниками и актерами.

Какой же видим мы сегодня куклу Карагёзиса и других персонажей театра. При их создании мастера-кукловоды используют вместо кожи и материи пластмассу, т. к. данный материал считается более дешевым и удобным. Фигурки подвижные и состоят из нескольких соединенных между собой деталей. Находящийся за экраном кукловод управляет куклой с помощью специальных стальных прутьев, а зрители видят тени кукол, которые проецируются на ярко освещенном экране (рис. 2). Не вступая в противоречие с нарисованными двухмерными декорациями, Карагёзис, будь он цветным или нет, никогда не «стареется» быть трехмерным.

Рис. 2

Как правило, актер устанавливает фигуру прямо в центре экрана, не касаясь его – словно тень, создавая ложное чувство перспективы пространства. Иной раз перспектива или пространство в целом требуют по существу спектакля демонстрации какого-то предмета или объемного тела, например печи. Решение является простым. Существует первая декорация с установившейся традицией изображения султанского дворца и бедного домика, а также маленькой печи в центре. На второй декорации здания уходят вглубь сцены, становясь очень маленькими, в то время как печь, вокруг которой будет разыгрываться сюжет, становится очень крупной. В данном приеме расположения декораций (впервые использовал актер «Карагёзиса» Харидимос) память сохраняет разницу двух изображений и создается иллюзия перспективы.

Проследив историю греческого театра теней «Карагёзиса», можно выделить ряд основных исторических периодов, повлиявших на его развитие и становление. Так, в 1913 г. в стране происходят крупные политические и социальные события, нашедшие отражение в репертуаре театра. В пьесах стали появляться танки, автомашины, самолеты. Появились и новые комические персонажи. Многого менялось в жизни Греции, но судьба народа, олицетворением которого был знаменитый герой теневого театра, оставалась трудной. В 1924 г. театр «Карагёзис» переживает эволюцию. Черные и белые фигуры из жести и картона заменяются цветными фигурами. В тот же период был изобретен способ разворачивания фигур на 180 градусов. Впервые, что очень важно, театральные пьесы начали записывать, ранее они передавались в устной форме. Но, несмотря на все внешние изменения, главный актер продолжал импровизировать.

Начиная с 1930 г. театр испытывает кризис. Причиной является острое конкурирование театра и кинематографа, который начал активно развиваться. Также в период 1930–1950 гг. в общественном сознании существовало предубеждение о том, что искусство актера «Карагёзиса» не является достойным и почитаемым. Чтобы быть по-прежнему востребованным жанром искусства, актерам, музыкантам и художникам пришлось мобилизовать все свои силы, чтобы вновь перейти на новый уровень. Вновь создаваемые пьесы были основаны на фактах и проблемах, которые напрямую связаны с современностью. Обсуждались темы, услышанные в кофейнях. Мифы о героях и привидениях стояли в одном ряду с политическими и общественными проблемами.

Только к 1949 г. театр теней достиг своего расцвета. На его сцене, порой импровизированной, вновь проходили короли, диктаторы, глупцы и мошенники. Герои переживали войну, нищету, голод, но не теряли чувства юмора, несмотря на превратности собственной судьбы и нелегкую жизнь. Это был действительно истинный народный театр: в нем нашли отражение социальные и политические перемены, османское иго, сильное иностранное влияние, внутренняя запутанная политическая ситуация.

В наши дни с появлением новых видов развлечений театру теней, как и многим другим видам традиционного народного искусства, угрожает исчезновение. Тем не менее до настоящего времени не угасает актуальность этого театра, и он продолжает жить в Греции. Как и раньше, нет свободных мест и публика внемлет учениям иногда смешного и грустного, иногда глупого и мудрого, иногда трусливого и смелого, но родного каждому Карагёзиса. К счастью, пока современные кино и телевидение соперничают друг с другом за зрителя, продолжает оставаться группа греческих народных художников, которые ежегодно высаживают на сцене театра теней «Карагёзис» новые цветы творчества, чтобы развивать и сохранять для потомков это замечательное истинно народное греческое искусство, не перестающее быть современным и новым.

Учитывая популярность театра теней в Греции и Турции, мы можем предположить возможность существования такого театра и в Крыму, который длительное время находился в составе Османской империи и поддерживал тесные связи с Грецией. Будучи центром торговых путей и культурных контактов, Крым мог привлечь заезжие группы актеров театра, а возможно нашел своих последователей у населения полуострова. В каком виде пришел театр теней в Крым – как турецкий «Хаммам» или как греческий театр «Карагёзис», – неизвестно. Это вопрос дальнейших изысканий.

Список источников и литературы

1. Соломоник И. Н. Традиционный театр кукол Востока: основные виды театра плоских изображений. – М., 1983. – С. 85.
2. Ανιχνεύοντας το Σήμερα, Προετοιμάζουμε το Αύριο. Πολυθεματικό βιβλίο Γυμνασίου για την Ευέλικτη Ζώνη Καινοτόμων Δράσεων του Υπεύθυνου του φορέα του Σ. Αλαχιώτη. – Αθήνα, 2004. – С. 67.
3. Белинский В. Г. О театре. – М., 1982.
4. Дружинина А. А. Греция далекая и близкая. – М., 1989.

5. Ελληνικός πολιτισμός 2. Υπουργείο Εθνικής παιδείας και θρησκευμάτων. Παιδαγωγικό Ινστιτούτο. Τμήμα πρωτοβάθμιας εκπαίδευσης του φορέα του Β. Ασημομυτης. – Αθήνα, 2002.
6. Σ. Τλούπα / Πολιτιστικό Πανόραμα. Νέα ελληνικά και Πολιτισμός. – Θεσσαλονίκη, 1994.
7. Χ. Σαμουηλίδη. Ιστορία του ποντιακού ελληνισμού. Εκδοτικός Οίκος Αδελφών Κυριακίδη. – Θεσσαλονίκη, 1992.
8. Материалы личного архива, собранного в Греции в период участия в летней культурно-образовательной программе «ФИЕСПА» Афинского национального университета, 2007 г.
9. Θέατρο Σκιών – Ο Καραγκιόζης του Τάσου Ανδρι [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.geocities.com/karagiozis2003gr/argiki.htm>
10. Η γέννηση του караγκιόζη [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.neolaia.de/2opseis/DaneiaeeU/periodiko11/Eanaaeueaeco/eanaaeueaeco.html>
11. Θρακικό θεατρο σκιων [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://alex.eled.duth.gr/ACADEMY/KARAGIOZIS/8.htm>

К вопросу о градостроительном наследии народов Крыма

В ходе исторического развития человечества, при взаимосвязи человека и природы путем создаваемых человеком поселений и культивируемых ландшафтов формировалась органичная среда обитания и жизнедеятельности людей.

Место жительства, культивируемый ландшафт, обжитое пространство, сложившийся образ жизни определяют менталитет народа, его обычаи, культуру, традиции. В данных условиях растут и развиваются наши дети, формируется их характер как основа дальнейшей жизни. И от того, как мы сумеем воспитать молодое поколение, зависит будущее государства.

Одним из направлений по защите культурного наследия народов является сохранение и восстановление градостроительной среды, которая, фокусируя память поколений, создает генетически неразрывную нить культурных традиций, воспитывающих молодое поколение.

Бережное отношение народа к своей культуре и уважение к культуре других народов, а также заинтересованность государства в этом вопросе – непереносимое условие воссоздания неповторимого колорита Крыма в целом.

В Крыму в настоящее время насчитывается более полутора тысяч памятников архитектуры, зарегистрированных в реестрах различных уровней. Среди них значительное количество памятников крымскотатарского зодчества и сооружений караимов и крымчаков. Состояние памятников различное. Большая часть по общим требованиям сохранности не соответствует нормативам. Многие памятники нет в каталогах. Мечети, дворцы, общественные сооружения, крепости, ханы (караван-сарай), мавзолей-дюрбе, текие, медресе, кенасы и многие другие сооружения архитектуры, к сожалению, находятся в неудовлетворительном состоянии (см. рис. 1, 2, 3).

Кроме того, следует учесть, что архитектурные сооружения подвержены разрушению от воздействия природных условий.

Отсутствие должного внимания и финансового обеспечения со стороны государства, различного ряда ведомств и организаций, порой варварские действия коммерческих структур наносят огромный вред памятникам культуры и природе Крыма.

Рис. 1. Надгробия во дворе джами хана Узбека (г. Старый Крым).

Рис. 2. Бейбарс-Джами XIII в. (г. Старый Крым).

Рис. 3. Исмихан-Джами XIX в. (г. Бахчисарай).

Программа создания (в контексте развития туризма) культурно-этнографических комплексов в исторически сложившихся центрах полуострова в условиях отсутствия финансирования и контроля пока не дала ощутимых результатов. Например, проблема создания «Крымскотатарского культурно-этнографического комплекса» в Евпатории не решена до сих пор в связи с отсутствием финансирования и возникшими вокруг объекта коммерческими интересами, не позволяющими объединить усилия для ее решения.

Поселки с компактным проживанием крымских татар представляют собой застройку, которая сложилась без учета крымскотатарских градостроительных традиций и не имеет характерной образности народного зодчества. Поселки практически не отличаются друг от друга по своему облику.

Градостроительная среда сельских поселений практически утрачена. Сохранились фотографии, свидетельства очевидцев, описания в литературных источниках, по которым можно судить о неповторимом колорите каждого села. Практически не сохранилась жилая застройка, имевшая когда-то в различных регионах Крыма свои характерные особенности в планировке и внешнем облике. Искусство камнерезов, которым славился Крым, в основном исчезло, за исключением редких образцов, например в Бахчисарайском дворце и др.

Особое место в градостроительном наследии крымских татар занимают «азисы» – святые места поклонения народа, имеющие историческое и культурное значение. В настоящее время многие «азисы» практически разрушены (урочище Багълар-Баши в Алуште; Азиз-Оба, Къыркъ-Азизлер, Гъязы-Мансур в Бахчисарае; Оджакълы в Евпатории; Гъязы-Шах-Сарай в Старом Крыму; Салгир-Баба в Симферополе; Къыркъ-Азизлер в с. Зуя Симферопольского р-на и др.). Необходимо провести их обследование, выполнить проекты восстановления и вести работу по возрождению.

С начала XX в. значительно пострадали культовые сооружения крымских татар. Если в конце XVIII в. в Бахчисарае было 38 мечетей, то в настоящее время их 8, причем только 2 из них действующие, остальные используются под кухню интерната, жилой дом, кинотеатр «Старт», колбасный цех, общество инвалидов. В Белогорске (Къарасувбазаре) в конце XVIII в. была 21 мечеть, из них сегодня не сохранилось ни одной. В Евпатории (Гезлеве) в начале XVII в. размещалось 26 мечетей, из них осталось только 3. Общее количество мечетей, сооруженных в шести городах и 1474 деревнях Крыма к 1786 г., составило

свыше 1600, в 1850-е гг. сократилось до 1492. В 20-е гг. XX в. действующих мечетей было 632, в 1937 г. – 23.

Памятники архитектуры караимов и крымчаков также требуют пристального внимания и заботы государства в связи с их плачевным состоянием. Об этом свидетельствуют данные Министерства архитектуры и строительной политики АРК.

Главными центрами сохранения и развития этнокультуры караев в Крыму являются национальные святыни:

– родовое гнездо город-крепость Джуфт-Кале (Парная крепость) с храмами, ритуальной площадкой, Святым Путем (Айрук йол), кладбищем-святыней со священными дубами «Балта Тиймез» (Топор не коснется) и др.;

– комплекс храмов-кенас в Евпатории с национальной библиотекой, музеем, караимским духовным училищем (семинарией) и т. д. (до революции в Крыму было 11 храмов-кенаса, до 20 национальных школ и училищ).

Святыня Джуфт-Кале по-прежнему находится в катастрофическом состоянии. Разрушаются архитектурные сооружения и старинные кладбища, погибают надгробные памятники того времени.

На пожертвования в Евпатории была восстановлена Малая кенаса. Нуждается в реставрации и Большая. Не возвращено здание караимского духовного училища (семинарии), где мог бы разместиться этнокультурный центр, включая возрождаемые библиотеку и музей.

В Национальной библиотеке «Карай битиклиги» в Евпатории в 1920 г. было 8000 томов книг и 1500 ценных рукописей. В 1928 г. при директоре Я. Благодарном (Гершевиче) большая часть фонда уничтожена. Часть книг и рукописей вывезена в 1929 г. в Ленинград (библиотека и музей Академии Наук) и Москву (Румянцевский музей, библиотека). По нашим данным, ныне эти материалы находятся в Петербургском отделении института Востоковедения РАН и в бывшей Ленинской библиотеке в Москве. В 1930-х гг. разорена и библиотека имени И. Казаса в Симферополе.

В 1930 г. уничтожен национальный музей при библиотеке «Карай битиклиги» в Евпатории. Ценные ткани с орнаментальным шитьем проданы артели по пошиву тюбетеек. В местные краеведческие музеи попали предметы материальной культуры, храмовая утварь и литература из закрытых караимских кенас и школ. Эти материалы находились в музеях Бахчисарая, Симферополя, Евпатории, Феодосии, Ялты. В период депортации в 1944 г. при уничтожении этнографического

отдела в Краеведческом музее Симферополя, наряду с крымскотатарским, пропал ценный материал крымских караимов из экспозиций и фондов музея.

По нашему мнению необходимо:

1) провести новую инвентаризацию архитектурных памятников народов Крыма с подробным описанием объектов и их состояния; собрать и систематизировать материалы с целью формирования банка данных, каталогов по объектам различного назначения; проводить планомерные исследования в плане изучения материалов о градостроительной культуре Крыма с определением характерных особенностей;

2) определить отдельные здания, группы зданий, градостроительные ансамбли, участки (территории) земли с характерным ландшафтом, которые связаны с важными историческими событиями в жизни этих народов, и ходатайствовать о взятии их под охрану государства;

3) не допускать использования территорий с исторически сложившейся застройкой и ландшафтом для строительства промышленных и других объектов, разрушающих характерную структуру среды жизнедеятельности, не передавать их в аренду, не продавать юридическим и физическим лицам, не имеющим отношения к этим территориям;

4) в процессе реконструкции градостроительной среды бережно относиться к существующей застройке, трансформируя ее с учетом традиций в архитектуре; осуществлять поэтапное восстановление памятников по сохранившимся фотографиям и чертежам;

5) создавать музейные комплексы для сосредоточения и хранения материалов, связанных с памятниками архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, с залами для экспозиций, хранилищами, современным оснащением; музейный комплекс должен стать одним из центров по изучению исторического и культурного наследия, возрождения традиций в искусстве и архитектуре, одним из базовых учреждений в воспитании и образовании; следует осуществлять контроль за сбором и хранением предметов искусства в музеях, не допускать «утекание» этих предметов в частные руки и за рубеж;

6) положительным является опыт создания макетов, в определенном масштабе воспроизводящих исторические ансамбли в различных населенных пунктах Крыма с характерными региональными особенностями; возможно создание макета полуострова в целом с восстановлением топонимики; эти экспонаты должны быть выставлены в этнографическом музее; в экспозицию вновь создаваемого музея должны

быть привлечены материалы, хранящиеся в запасниках, частных коллекциях, архивах;

7) придавать облику существующих и создаваемых поселков компактного проживания крымских татар, по мере нового строительства и реконструкции, характерные черты, используя традиционные градостроительные приемы, планировочные решения, элементы оформления фасадов с применением соответствующих материалов и цвета.

Необходимо воссоздать среду жизнедеятельности народов Крыма, показать на примере этих поселений бережное отношение народа к земле, природе, к родине.

Интерес к жизни предков никогда не угаснет в человеке: сопоставление прошлого и настоящего – это средство постижения закономерностей исторических процессов бытия, понимания менталитета, характера и традиций того или иного народа. Осмысление традиций неразрывно связано с изучением и сохранением культурного наследия.

В заключение необходимо сказать о том, что в настоящее время, к сожалению, нет адекватной программы охраны, и многие вопросы в этом направлении остаются нерешенными.

Из-за отсутствия систематизированной базы сведений по наследию невозможно охватить весь спектр проблем. Только в совместной работе государства, исполнительных ведомств, общественных организаций, специалистов по архитектуре и градостроительству, творческих объединений и др. можно решить наиболее острые проблемы охраны градостроительного наследия народов Крыма.

Конфессиональные традиции и элементы быта у крымских татар в эпоху образовательных реформ в России во второй половине XIX в.: организация питания в Симферопольской татарской учительской школе

В середине XIX в. российское правительство реализовало ряд реформ, направленных на интеграцию «инородцев», проживавших в национальных регионах империи, в российское языковое и культурное пространство. В связи с этим особенную актуальность приобретал вопрос сохранения представителями национальных меньшинств этнического и конфессионального самосознания в условиях проведения русификации традиционной системы народного образования крымских татар. На примере реформирования крымскотатарских конфессиональных учебных заведений можно проследить динамику их трансформации в национально-светские образовательные учреждения; проанализировать взаимоотношения между учебной администрацией и ученическим контингентом русско-татарских школ и училищ.

Как известно, «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» были утверждены российским правительством 26 марта 1870 г. А уже 27 марта 1872 г. по ходатайству губернских властей был издан императорский указ об открытии учительских школ в Симферополе и Казани. Основной задачей этих учебных заведений было «приготовление сведущих и знающих основательно русский язык учителей для начальных училищ в татарских селениях» [1]. Симферопольская татарская учительская школа (СТУШ) была открыта 12 декабря 1872 г.

Воспитанниками этого учебного заведения были крымскотатарские юноши мусульманского вероисповедания суннитского толка. СТУШ относилась к учебным заведениям закрытого типа; учащиеся находились в ней постоянно, за исключением каникулярного периода и дней, выпадавших на «высокоторжественные, мусульманские и христианские праздники». По сословному составу ученики разделялись на следующие категории: выходцы из дворянского сословия, дети духовных лиц, городские и сельские жители. В 70–80-х гг. XIX в. большинство учащихся составляли дворяне, однако в последующие годы количество детей мещан и крестьян заметно увеличилось [2].

На обучение тридцати находившихся на государственном обеспечении («казеннокоштных») воспитанников требовалось 1860 руб. в год. Эта сумма определялась из следующего расчета: на каждого учащегося расходовалось до 62 руб. ежегодно. Содержание «своекоштных» (т. е. обучавшихся за свой счет) воспитанников и земских стипендиатов проводилось согласно смете, составленной «на обучающихся от казны». «Своекоштные» воспитанники должны были платить за обучение по 120 руб. в год и 10 руб. – одновременно при поступлении [3]. С 15 января 1881 г. по разрешению МНП сумма на содержание каждого воспитанника была увеличена до 120 руб. (за счет сокращения числа земских стипендиатов) [4]. Начиная с 1885 г. число стипендиатов в СТУШ редко превышало два-три человека [5].

Так как воспитанники находились при школе постоянно, их питание осуществлялось в этом учебном заведении стационарно. В штате СТУШ состояли эконом и повар, непосредственно отвечавшие за приготовление пищи для учащихся и закупку необходимых продуктов. В первые годы существования школы, согласно смете расходов, на четырехразовое питание каждого ученика (завтрак, обед, полдник и ужин) отпускалось по 20 коп. в сутки. В ежедневное довольствие воспитанника входили следующие продукты: 1 фунт (0,409 кг) мяса (8 коп.), 2 фунта пшеничного хлеба (6 коп.), 1 фунт черного хлеба (2 коп.), масло, крупа, соль, зелень и пр. (4 коп.) [6]. В этой связи интересно проследить динамику цен на основные продукты питания в Симферополе: например, в 1880 г. 1 фунт белого крупитчатого хлеба (франзоль) стоил 7 коп., 1 фунт пшеничного – 5 коп., 1 фунт ржаного – 4 коп.; 1 фунт говядины 1-го сорта стоил 11 коп., 2-го сорта – 10 коп.; 1 фунт баранины (передняя и задняя части туши) – 11 коп., 1 фунт курдючного (бараньего) сала – 18 коп., а 1 фунт молодой баранины – 12 коп. [7]. В 1891 г. масло коровье стоило 40 коп. за 1 фунт, яйца куриные – 15 коп. за десяток, 1 фунт картофеля – 10 коп.; 1 фунт крупы – 5 коп., риса – 10 коп., макарон и вермишели – 12 коп. В 1891 г. цены на хлеб несколько упали по сравнению с 1880 г., а на мясо – остались на прежнем уровне [8].

Питание воспитанников, содержащихся за государственный счет, было четырехразовым; «своекоштные» воспитанники пользовались в «пансионе» только обедом и полдником. Что касается порциона обслуживающего персонала СТУШ (на питание служителям, сторожу и др. выделялось по 10 коп. в сутки), то каждому сотруднику полагалось по 2 фунта черного хлеба и по 0,5 фунта мяса [9]. В 1880-х гг. на пи-

тание повару и трем служителям отпускалось 292 руб. ежемесячно (по 73 руб. каждому) [10]. Надзиратели и эконом столовались в самой школе, поэтому деньги на питание им не полагались. Жалованье повара СТУШ в среднем составляло от 140 до 170 руб. в месяц [11].

С 1874 г. Таврическое земство по ходатайству руководства СТУШ стало отпускать дополнительно на нужды школы 1820 руб., из которых 1100 руб. предназначалось на выплату жалованья персоналу, и 420 руб. – «на улучшение пищи воспитанникам» [12]. На «пищевое довольствие» каждого пансионера сумма ежедневных расходов была увеличена до 25 коп. [13]. В хозяйственной смете СТУШ был обозначен и такой пункт: «на лекарства и улучшение пищи для больных». По этой статье ежегодно расходовалось до 60 руб. (из расчета 2 руб. на человека) [14].

Ежедневный распорядок приема пищи воспитанниками СТУШ был следующим: в 7.30 утра им подавался чай и белый хлеб, в 11.30 – завтрак, состоявший обычно из одного блюда, в 14.30 – обед из двух блюд и, наконец, в 19.30 – чай и белый хлеб. Сахар к чаю подавался из расчета 9 золотников (ок. 40 грамм) на одного воспитанника, а хлеб – по 0,5 фунта на человека [15].

В 1893 г. для I Всероссийской гигиенической выставки, проводившейся в Москве, инспектор СТУШ И. И. Казас по распоряжению попечителя Одесского учебного округа (ОдУО) предоставил председателю IV секции выставки А. В. Вирениусу чертежный план здания школы и рацион питания учащихся [16]. Из этого документа становится ясно, что меню составлялось руководством СТУШ на каждые три недели с учетом узкоспециального профиля данного учебного заведения, а также этнической и конфессиональной принадлежности учащихся. Вот что представлял собой этот рацион: на завтрак ученикам обычно подавался турецкий «пилав» из баранины с рисом, кабачки с фаршем из баранины, голубцы из баранины или говядины с рисом (т. н. «дол-масы» или «сармасы»). Кроме того, в меню присутствовали: рагу из баранины или телятины с картофелем, макароны «по-итальянски» с сыром и маслом, куриные яйца, приготовленные «вмятку» («ймирта») и, конечно же, чебуреки. Большим разнообразием отличались и всевозможные соусы, в приготовлении которых использовалось баранье мясо: из баклажанов («турлю»), зеленого горошка, капусты, кабачков, айвы («айвалы»); кроме того, популярна была и «кавурма» – соус из кислого щавеля, риса и провяленной баранины, прожаренной в собственном жиру с луком. После основных блюд учащимся подавался традиционный кофе – с белым хлебом и молоком [17; 18].

Обеденное меню в СТУШ было составлено из следующих блюд: на первое подавались борщ с помидорами, с кислой или свежей капустой, щи (со свежей, кислой капустой или зеленые – со щавелем, шпинатом и яйцами), а также супы («шорба» – суп с пшеном, приправленный «катыком», т. е. кислым молоком; с вермишелью, макаронами, рисом, клецками или «катыком» – «айля»). Вторые блюда состояли из различных видов мяса и гарнира: картофель или картофельное пюре, котлеты из говядины, говядина, тушенная с картофелем или макаронами, баранина, тушенная с картофелем, тефтели с соусом из изюма, голубцы из виноградных листьев с бараниной и рисом («япрак сармасы»), «битки» с картофелем, телятина с картофелем или макаронами, бифштекс с картофелем и жареная рыба (судак, кефаль, камбала и пр.) [19]. В праздничные и «высокоторжественные» дни воспитанникам СТУШ разрешался десерт. В этом случае «третье блюдо» состояло из «конфekt», рахат-лукума, пирога с яблоками, пирожных или фруктов (яблока, груш, апельсина, винограда, арбузов) [20].

А вот как выглядел график обучения в СТУШ в те дни, когда начинался 30-дневный мусульманский пост Ураза: вместо 6 часов утра подъем в школе переносился на 8.00; занятия в классах продолжались с 9.00 до 14.30 – при этом уроки ремесла не проводились. С 16.00 до 19.00 воспитанникам разрешался сон. После захода солнца учащиеся осуществляли ежевечернее разговение («ифтар») – им подавался завтрак, который был «несколько обильнее обыкновенного», и чай [21]. По окончании трапезы дети в сопровождении надзирателя отправлялись в соседнюю со школой мечеть для молитвы («теравих»), которая длилась немногим более одного часа. По возвращении из мечети с 11 часов вечера до двух часов ночи ученики с небольшими перерывами готовили уроки. Потом им подавался обед (до рассвета); с трех ночи до восьми утра воспитанники отдыхали [22]. В том случае, если Рамадан приходился на зимнее время года, уклад жизни в СТУШ практически не менялся – занятия начинались и заканчивались в отведенное для них время; воспитанники готовили уроки до и после вечерней молитвы. Обед им подавался ночью, а рано утром ученики пили чай (прием пищи должен был осуществляться до рассвета) [23].

Необходимо заметить, что перед руководством СТУШ на протяжении длительного времени стояла еще одна проблема, непосредственно касающаяся организации питания учащихся. Речь идет о непригодности помещений здания школы под ее нужды. Неоднократно в своих отчетах, адресованных учебному руководству, И. И. Казас от-

мечал, что основной корпус и четыре флигеля во дворе до такой степени обветшали, «что ежегодно требуют значительных расходов на поправку, починку и приспособление той или другой части» [24]. В 1881 г. на ремонт одного флигеля, в котором размещались учебный зал и столовая, было израсходовано 1498 руб. [25]. В 1884 г. инспектор СТУШ сообщал, что флигель, в котором располагалась кухня и мастерские, «пришел в совершенную ветхость» [26].

Несмотря на мелкий ремонт и частичную перестройку, места все равно не хватало. Отсутствовали специально приспособленные помещения и для обслуживающего персонала школы: люди вынуждены были размещаться кто на кухне, кто в прачечной, кто в буфете, что «производило тесноту и грязь» [27]. Не было отдельной комнаты для повара [28]. Кардинальных улучшений удалось добиться только в 1896 г., когда при деятельном участии почетного попечителя СТУШ полковника И. Муфтий-заде для школы по подписке было собрано более 15 тыс. руб. На эти средства было построено новое, двухэтажное здание и приобретен соседний с учебным заведением двор [29].

Таким образом, представленные материалы позволяют сделать ряд выводов относительно сохранения крымскими татарами религиозных установлений ислама и элементов традиционного быта в условиях реформированной системы народного образования российских «инородцев». В частности, при анализе мероприятий крымских педагогов, направленных на организацию питания учащихся в СТУШ в конце XIX в., становится очевидно, что предпринятые меры позитивно сказались на общем ходе учебного процесса в этом учреждении. Прежде всего необходимо отметить, что руководство школы при составлении рациона питания для учащихся старалось учитывать национальный характер этого учебного заведения. В широком ассортименте присутствовали образцы восточной кулинарии – в меню преобладали блюда, приготовленные из баранины и говядины. Помимо блюд крымско-татарской кухни, рацион питания учащихся составляли также блюда русской, украинской и итальянской кухни. Продуманная организация распорядка дня в СТУШ во время мусульманских постов позволяла крымским татарам легче адаптироваться к условиям обучения, не испытывая дискомфорта в отношении соблюдения традиций и обычаев своего народа. Подобный позитивный опыт прошлого может быть использован и при решении современных образовательных проблем тюркоязычного населения Крыма.

Список источников и литературы

1. Обзорение действий МНП за 1872 г. // ЖМНП. – 1873. – Ч. CLXV, отд. 5. – С. 21–22.
2. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь, 1998. – С. 88.
3. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 169, л. 7.
4. Там же.
5. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год (1871–1911) / Под ред. Л. Я. Александрова. – Симферополь, 1912. – Т. I. – С. 289.
6. ГААРК, ф. 100, оп. 1, д. 1346, л. 33.
7. Такса на продажу хлеба и мяса в Симферополе // Таврида. – 1881. – 7 мая.
8. Гидалевич А. Я. Медико-топографическое описание города Симферополя. – Симферополь, 1891. – С. 116.
9. ГААРК, ф. 100, оп. 1, д. 1346, л. 33.
10. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 158, л. 17, 18.
11. Там же, л. 17, 18, 37.
12. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год... – С. 286, 287.
13. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 358, л. 28.
14. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 158, л. 17.
15. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 358, л. 23.
16. Там же, л. 23, 23 (об.).
17. Там же, л. 23.
18. Озенбашлы Э. Крымцы: Сборник работ по истории, этнографии и языку крымских татар. – Симферополь, 1997. – С. 23.
19. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 358, л. 23 (об.).
20. Там же.
21. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 255, л. 6.
22. Там же.
23. Там же.
24. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 169, л. 6.
25. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 7, л. 7.
26. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 212, л. 36.
27. Там же.
28. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 253, л. 15.
29. ГААРК, ф. 111, оп. 1, д. 412, л. 62.

Благотворительные традиции еврейской общины Крыма (XIX – начало XX в.)

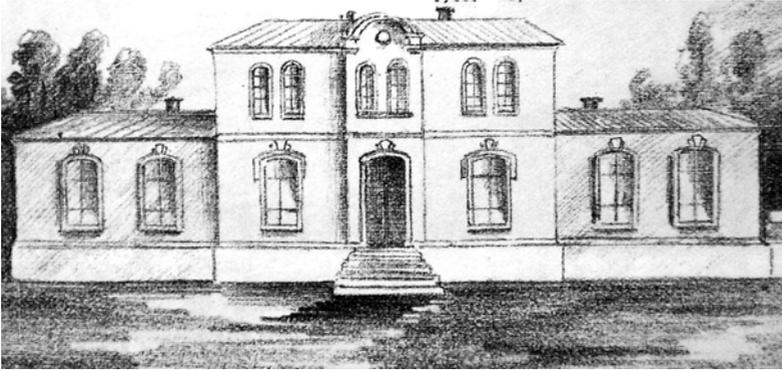
В условиях становления и развития украинской государственности особую актуальность приобретает проблема изучения такого социокультурного феномена как благотворительность и меценатство. Сегодня история возникновения и развития филантропии в Крыму только начинает восстанавливаться [1]. Все еще не изученными остаются благотворительные традиции национальных меньшинств полуострова. Изучение данной проблемы может способствовать развитию культурного диалога между народами, проживающими на территории АРК.

Проживавшие на территории Крыма в XIX – начале XX в. евреи смогли создать наиболее развитую и распространенную сеть благотворительных организаций и учреждений. Этому, безусловно, способствовала философская глубина и гуманистический подход к личности человека, которые свойственны пониманию благотворительности в иудаизме [2]. Согласно Торе, благотворительность – это различного рода проявление сочувствия к ближнему путем материальной и нравственной поддержки, выражающейся в следующих формах:

- 1) гостеприимство («гахнашат орхим») и прокормление голодных;
- 2) снабжение бедных одеждой и обувью («малбиш арумим»);
- 3) посещение больных и уход за ними («бикур холим»);
- 4) погребение мертвых и присутствие на похоронах («галваят гамет»);
- 5) утешение скорбящих по усопшим («нихум обелим»);
- 6) выкуп пленных («пидион шебуим»);
- 7) выдача замуж бедных девиц («гахнашат кала») [3].

Первое благотворительное заведение еврейской общины (больница и богадельня) в Симферополе было открыто 1 февраля 1854 г. Данное учреждение возникло благодаря стараниям губернатора В. И. Пестеля и членов еврейского общества Самуила Розенштейна, Исаака Фронштейна, Самуила Неймана, которые пожертвовали значительные денежные средства на постройку больницы и богадельни. По поводу необходимости учреждения заведения, где бы больным евреям предоставлялась медицинская помощь, В. И. Пестель отметил: «Бедный класс евреев в случае болезни большей частью остается дома

и, не будучи в состоянии воспользоваться необходимыми средствами, умирает, заражая болезнью прочих членов семейства» [4].

Еврейская больница

Первоначально больница могла разместить лишь 8 больных. К началу 90-х гг. XIX в. их число достигало уже 49 чел. В то время богадельня, существовавшая при больнице, была рассчитана всего на 12 коек [5]. Данное учреждение существовало благодаря пособиям от Симферопольской городской управы, Таврической губернской земской управы и на пожертвования зажиточного еврейского населения.

Первые еврейские благотворительные общества стали возникать на территории Таврической губернии лишь в начале XX в., поскольку только к 1906 г. появились «Временные правила об обществах и союзах». Они позволяли евреям наравне с другими подданными Российской империи организовывать различного рода общества и организации [6]. Вследствие чего именно период с 1906 по 1917 г. является рассветом еврейской благотворительности в Таврической губернии. На территории практически всех уездов Таврической губернии создаются «Общества пособия бедным евреям». Основная цель этих организаций – «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных евреев» [7]. Основная деятельность обществ была направлена на:

- 1) предоставление одежды, пищи, приюта, денежных пособий нуждающимся;
- 2) помощь в поисках работы, а также обеспечение необходимыми материалами для нее;

3) снабжение неимущих больных лекарствами, оплату оказанных врачом услуг, а также помещение их в больницы за счет общества;

4) определение престарелых и бедных в богадельни, дома призрения, а беспризорных детей в сиротские дома, приюты и учебные заведения;

5) распространение среди нищих евреев книг нравственного содержания;

6) предоставление неимущим средств для возврата на родину [8].

«Общества пособия бедным евреям» были созданы в уездах Днепровском, Евпаторийском, Мелитопольском, Перекопском, Симферопольском, Феодосийском, а также в Керчь-Еникальском градоначальстве. Симферополь являлся центром благотворительной деятельности еврейской общины. Именно здесь был создан целый ряд благотворительных организаций и учреждений, которые оказывали помощь нуждающимся евреям. С 1898 по 1916 г. в губернском центре возникают следующие еврейские филантропические организации: «Общество для доставления средств бесплатному женскому профессиональному еврейскому училищу им. А. М. Коган», которое занималось содержанием учебного заведения, где обучались неимущие еврейские девушки [9], «Общество для открытия и содержания еврейского сиротского приюта им. А. Б. и Ц. М. Ковлер» [10], «Общество для доставления средств дешевой столовой для бедных евреев» [11], «Симферопольское еврейское общество по оказанию помощи пострадавшим от войны» (имело отдел в Евпатории) [12], «Еврейское погребальное братство» [13]. За недолгий промежуток времени еврейской общине Симферополя удалось организовать целую систему благотворительных организаций и учреждений, способную оказать помощь значительному количеству нуждающихся.

Кроме того, необходимо отметить, что еврейские благотворительные общества способствовали консолидации этноса в условиях нарастания антисемитизма в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Именно в этот период евреи России подвергаются наибольшим гонениям. Охватившие Российскую империю в 1905 г. социальные волнения негативно сказались на ситуации в Крыму. В октябре 1905 г. в Феодосии, Старом Крыму и Карасубазаре прошли еврейские погромы. Самым крупным являлся Симферопольский, произошедший 18–19 октября, в котором было убито 43 представителя еврейской национальности [14]. В таких условиях национальные меньшинства Таврической губернии вынуждены были сплотиться, дабы оказать помощь подвергшимся нападениям. Формировались комитеты по сбору

пожертвований в пользу пострадавших от погромов. Основную роль в организации данных комитетов взяли на себя «Общества пособия бедным евреям», которые организовали сбор пожертвований в Симферополе, Ялте, Джанкое [15]. Всего было собрано 25 тыс. рублей, которые были распределены между семьями убитых, ранеными и лицами, у которых пострадало личное имущество [16].

Еврейские благотворительные общества перестали функционировать к 1918 г. в связи с всеобщим коллапсом Российского государства. После прихода к власти большевиков, сформировавших Комиссариат социального обеспечения для организации государственной помощи нетрудоспособным и несостоятельным гражданам, практически все благотворительные организации царской России прекратили свое существование [17].

Таким образом, еврейская благотворительность имела четкую систему и определенную направленность, которая позволяла неимущим евреям выжить. При этом следует отметить глубокую рационалистичность, обусловленную необходимостью оказать помощь значительному количеству нуждающихся соплеменников, которая тем не менее, не помешала оказывать помощь в масштабах, превосходивших благотворительную деятельность других национальных меньшинств. Зародившись в Таврической губернии в середине XIX в., еврейская благотворительность достигает апогея своего развития в начале XX в. Именно в этот период существуют «временная» (вид оказания помощи в определенный промежуток времени: выдача милостыни во время религиозных праздников) и «закрытая» формы еврейской благотворительности, позволявшие бороться с различными проблемами с помощью организованных структур. Благотворительные традиции еврейской общины Крыма оказали значительное влияние на становление и развитие филантропии в Таврической губернии.

Список источников и литературы

1. Бобкова О. М. Организация и деятельность Сиротского дома тайного советника А. Я. Фабра // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 85. – С. 100–105; Савочка А. Н. Благотворительные заведения досоветского Симферополя (XIX – начало XX века) // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 18. – С. 144–156; Савочка А. Н. Из истории становления благотворительности на юге Украины: Таврический приказ общественного призрения // VII Таврические научные чтения: Сб. материалов: В 2 ч. / Крымский республиканский краеведческий музей. – Симферополь, 2007. – Ч. 2. – С. 77–82.

2. Функ Ю. В. Еврейская Благотворительность в Беларуси в XIX – начале XX в. и источники ее исследования: Дис... канд. ист. наук / 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторических исследований; Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. – Минск, 1999. – С. 3.
3. Тора. – Иерусалим, 1990. – Быт. 3, 21.
4. Цит. по: Святский Н. А. История богоугодных заведений и благотворительных обществ города Симферополя // Третья учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / Сост. Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1890. – С. 138.
5. Справочная книга по г. Симферополю за 1911 год / Симферопольское городское управление. – Симферополь, 1911. – С. 147.
6. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1906. – Собр. 2. – Т. 6. – № 24299. – П. 1.
7. Устав Общества пособия бедным евреям г. Симферополя. – Симферополь, 1897. – С. 3.
8. Там же. – С. 4–5.
9. Устав Общества для доставления средств бесплатному женскому профессиональному училищу, учрежденному А. М. Коган. – Симферополь, 1898. – С. 4.
10. Устав Общества для открытия и содержания еврейского сиротского приюта им. А. Б. и Ц. М. Ковлер. – Симферополь, 1912. – С. 3.
11. Отчет правления Общества для доставления средств столовой для бедных евреев города Симферополя за 1910 год. – Симферополь, 1911. – 46 с.
12. Отчет евпаторийского отдела Симферопольского еврейского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны. – Евпатория, 1916. – С. 5.
13. Отчет Еврейского погребального братства. – Симферополь, 1913. – 31 с.
14. Кохан А. А. Еврейские погромы 1905 года в Крыму и полиция // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 97. – С. 108.
15. Отчет комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от погрома 18 Октября 1905 года. – Симферополь, 1906. – С. 3.
16. Там же. – С. 7.
17. Коржихина Т. П. Общественные организации СССР в 1917–1976 гг. – М., 1981. – С. 61.

Приложение

Основные направления концепции Крымского республиканского учреждения «Этнографический музей»

В соответствии с действующим законодательством КРУ «Этнографический музей» основывается на базе Крымского этнографического музея путем выделения из состава КРУ «Центральный музей Тавриды» (реорганизация).

Настоящая концепция (основные направления) разработана в соответствии с Законом Украины «О музеях и музейном деле» во исполнение Указа Президента Украины от 22 марта 2002 г. № 489 «О неотложных мерах по развитию музеев Украины», Постановления Кабинета Министров Украины от 30 марта 2002 г. № 442 «Об утверждении программы развития музейного дела в период до 2005 г.», Постановления кабинета Министров «Об утверждении перечня музеев...» и Постановления Совета Министров Автономной Республики Крым от 24 сентября 2002 г. №391 «Об утверждении Мероприятий по развитию музейного дела в Автономной Республике Крым в период до 2005 г.», а также во исполнение постановления Верховной Рады АР Крым «О мерах по развитию КРКМ» от 16 января 2002 г., и других постановлений Совета Министров АРК, на основе концепции развития КРКМ (утверждена коллегией Министерства культуры 26 октября 2001 г.).

В основу концепции развития музея и эффективного использования помещений КЭМ положена расширенная тематическая структура экспозиции КЭМ, получившие положительные отзывы, рецензии ряда научных организаций Крыма, Украины, России, национально-культурных обществ, а также исходят из сложившейся исторической и политической ситуации в Крыму.

ВВЕДЕНИЕ

Крымский этнографический музей основан в 1992 г. на правах филиала КРКМ (ул. Пушкина, 18) приказом № 251 от 30 декабря Управления культуры Совета Министров Крыма с 01 января 1993 г. в г. Симферополь. Постановлением Совета министров Автономной Республики Крым от 10 января 2006 года № 4 «О переименовании учреждений и организаций культуры» Крымский республиканский краеведческий музей переименован в Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды».

Сегодня КЭМ является одним из ведущих научных и культурно-просветительских учреждений Крыма. КЭМ по своему направлению работы является единственным в Крыму и на юго-востоке Украины. Его коллекция насчитывает более 7000 экспонатов, и дает представление о культурах 25 народов и этнических групп. Коллектив музея в настоящее время включает 20 сотрудников, в том числе 12 научных.

С первого дня основания, сотрудниками активно проводится собирательская, выставочная, научно-исследовательская и просветительская работа. С 1993 г. музеем исследовано более 130 крымских сел, города, совершены поездки за пределы полуострова (Донецкая и Херсонская обл., Республика Армения) с целью сбора экспонатов и этнографического материала. С 2001–2003 г. музеем ежегодно организовывались экспедиции по русской культуре (поддержана Фондом «Москва-Крым» и РКЦ) и немецкой культуре (поддержана Институтом германских и восточноевропейских исследований, г. Геттинген, Германия). Формирование коллекции проходило в период экономического и культурного кризиса, но несмотря на это 80% ее было подарено жителями Крыма. Коллекция музея формируется и в настоящее время путем сбора и закупки экспонатов.

Сотрудниками музея подготовлено более 100 стационарных и ряд передвижных выставок, которые экспонировались в музеях Крыма и за его пределами (Киев, Одесса), на праздниках и фестивалях национально-культурных объединений, различных конференциях и семинарах, а также школах, ПТУ, вузах. Музей является местом проведения практик студентов ТНУ им. В. И. Вернадского и РВУЗ «КИПУ», организатором научно-практических конференций и семинаров.

КЭМ играет уникальную роль в системе музейных учреждений АРК. Это единственное место, где ныне сосредоточена наиболее полная информация по этнографии и культуре народов Крыма. КЭМ объективно является важным информационным и воспитательным центром, своего рода «моделью» Крыма, и уникальным путеводителем по его народам и культурам. Находясь в столице АРК Крымский этнографический музей выполняет роль визитной карточки Крыма, «витрины» его культуры и символа отношения к прошлому, которое господствует в обществе. Кроме общих для музея задач собирания, хранения, изучения и популяризации памятников исторического и культурного наследия, на КЭМ, как на центральное учреждение ложится и ряд дополнительных функций. В числе наиболее важных из них — работа с национальными культур-

ными обществами и объединениями, а также представительские функции в мероприятиях, связанных с культурными республиканскими программами, показ Крыма с точки зрения его богатого культурного наследия в процессе туристической коммуникации.

Главная задача КЭМ в настоящее время — дальнейшее расширение полнопрофильной экспозиции по культурам народов Крыма, показ современных этнокультурных процессов, сохранение культурного наследия народов Крыма, развитие и показ народных ремесел и декоративно-прикладного творчества, работа с подрастающим поколением и национально-культурными объединениями АР Крым.

В 2009 г. исполнится 140 лет с окончания постройки здания музея и освящения в 1869 г. здания Приюта для девочек графини Адлерберг, в котором находится КЭМ. Здание музея является памятником архитектуры и градостроительства (Решение Крымского облисполкома от 05.06.1984 г. №284).

Основные мероприятия по развитию КЭМ в 2005 – 2007 гг.

1. С 2005 г. на базе музея открыт Информационно-методический центр межкультурного просвещения и толерантности, цель которого — содействовать распространению идей толерантности в обществе, межкультурного просвещения, взаимоуважения и сотрудничества различных этнических и конфессиональных групп Крыма. Одна из главных задач центра — разработка и распространение специальных образовательных программ для школьников с использованием потенциала Крымского этнографического музея, оказание методической помощи культурно-этнографическим центрам Крыма и школьным этнографическим музеям.

2. В 2006 г. в музее открылась экспозиция «Мозаика культур Крыма» (XIX – 40-е годы XX в.), которая рассказывает о хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, обычаях, обрядах, традициях и праздниках 20 народов Крыма армян, белорусов, болгар, греков, евреев, итальянцев, караимов, крымских татар, крымчаков, немцев, поляков, русских, украинцев, французов, цыган, мордвы, швейцарцев, менонитов, чехов и эстонцев (экспозиционная площадь более 500 кв. м, представлено около 1500 экспонатов). Стационарной экспозиции предшествует вводный зал «Этническая история Крыма» в керамических фигурах автора А. В. Бородкина, расположенные по трем историческим периодам — античное время, период средневековья и новое время. В настоящий момент в коллек-

ции музея хранится 62 керамические фигуры. Реализация проекта этнической карты расширяет работу музея с дошкольными учебными заведениями.

3. Написание проекта «Крымский ларец» по показу декоративно-прикладного искусства Крыма и дальнейшего расширения экспозиции КЭМ. Проект поддержан в виде гранта Посольства США в Украине в размере 9898, 00 долларов США. В настоящее время осуществляется реализация проекта, презентация – май 2008 г.

С целью активизации работы этнографического музея, эффективного использования бюджетного финансирования (республиканского и государственного), возможности национально-культурных обществ и финансовых доноров по освоению здания на улице Пушкина, 18, дальнейшей работы по расширению созданной экспозиции по культурам народов Крыма, показа современных этнокультурных процессов, сохранения, развития и демонстрации народных ремесел и декоративно-прикладного творчества, работы с подрастающим поколением и национально-культурными объединениями, изучения и популяризации традиционной культуры народов и национальных меньшинств Автономной Республики Крым необходимо выделение Крымского этнографического музея в самостоятельное юридическое лицо — Крымское республиканское учреждение.

Целью развития музея как самостоятельного юридического лица является:

1. Превращение Крымского этнографического музея в ведущее музейное учреждение по этнографии и национальным культурам в Автономной Республики Крым и юго-востоке Украины.

2. Формирование в структуре музея и на его базе Центра национальных культур (культурно-этнографического центра).

3. Повышение роли музея в гармонизации межнациональных отношений, построении мультикультурного общества, укрепление межэтнического и межконфессионального согласия и решение задач в области национальной политики Украины и Крыма.

4. Научно-исследовательская, научно-просветительская деятельность, содержащая в своей основе пропаганду культуры народов Крыма и Украины.

5. Превращение Крымского этнографического музея в республиканский методический центр этнографического музееведения в образовательной и туристической сферах Крыма.

Основные мероприятия развития КРУ «Этнографический музей» предполагают:

1. Расширение полнопрофильной музейной экспозиции (первый этаж).

Созданная экспозиция должна в дальнейшем быть расширена по современным этнокультурным процессам и национальным объединениям (25 народов). Экспозиция расскажет посетителям музея о современной этнической истории и культурах народов Крыма, т. е. комплексы должны дополняться фотоальбомами, аудиозаписями фольклора и различным видеоматериалом, возможностью просмотра компакт-дисков. Техническое оснащение экспозиции раскроет информационные ресурсы музея и введет новые технологии в музейную практику.

Собранная коллекция позволяет музею создавать специализированные выставки которые будут более подробно раскрывать культуры народов Крыма, например, экспозиция «Самовар. Традиции чаепития», «Славянский узор» (декоративно-прикладное искусство и вышивка восточных славян Крыма), выставка «Крымский ларец»

2. Создание центра национальных культур.

2.1. Создание Галереи народных ремесел и декоративно-прикладного искусства народов Крыма (в соответствии с Законом Украины «О народных промыслах» от 18 июня 2001г. и Постановлении Совета министров АР Крым № 222 от 12 июня 2001 г.). Среди мастеров декоративно-прикладного творчества в Крыму особо выделяются следующие направления: художественная обработка дерева, керамика, вышивка. Хотелось бы отметить возрождающуюся традиционную вышивку у крымских татар золотом и серебром, а также ткачество и ювелирное искусство. Отличительной чертой Крыма является многонациональность декоративно-прикладного искусства и мастеров. Площадь галереи более 130 кв. м.

2.2. Работа двух выставочных залов, демонстрирующих выставки об этнической истории и культуре народов Крыма. Основное направление выставочной деятельности — история, этнография, культура народов Крыма.

2.3. Создание в музее этнографического класса – экспозиция «Этнография детства». Музеям принадлежит важная функция работы с дошкольными учреждениями, школами, ВУЗами.

Разработка досуговых и познавательных программ, детских студий, проведение встреч, мини концертов, фольклорных инсценировок

позволят этнографическому музею активными формами пропагандировать и популяризировать культуры народов Крыма, а также выполнять роль методического центра. Одним из перспективных направлений работы является участие в реализации учебного многоуровневого курса «Культура добрососедства», т. е. организация и проведение практик (например, проходящая в настоящее время практика студентов КГИПУ по теме “Народный костюм: традиции и современность”).

2.4. Использование ресурсов Информационно-методического центра межкультурного просвещения и толерантности. Осуществление компьютеризации и создание сайта о народах Крыма (история и современность), обеспечение его доступности для посетителей.

2.5. Создание комплекса во внутреннем дворе «Этнографический дворик», включающего в себя творческие мастерские мастеров народного творчества, сценическую площадку для выступления фольклорных коллективов, кафе национальной кухни народов Крыма, сувенирную лавку по продаже изделий народных промыслов.

Таким образом, созданная материально-техническая база в структуре музея, позволит национально-культурным обществам использовать ее с целью сохранения и популяризации своих национальных культур. При должном техническом оснащении (компьютеры, проекторы, видео-, телеоборудование) данный комплекс будет нести в себе важную функцию сбора, сохранения и оперативного распространения информации.

3. Оборудование фондовых помещений в соответствии с нормами хранения с целью сохранения культурного наследия Украины.

4. Приведение сигнализации КЭМ в соответствие с требованиями инструкции МВД и Министерства культуры и туризма Украины.

5. Проведение научных конференций, издание этнографической литературы.

6. Превращение Крымского этнографического музея в республиканский методический центр этнографического музееведения в образовательной и туристической сферах Крыма.

Средства реализации концепции

Реализация запланированных мероприятий базируется на использовании средств:

- а) республиканского бюджета АР Крым;
- б) Государственного бюджета Украины;
- в) средств, полученных от реализации услуг КЭМ;
- г) спонсорских средств.

Основные этапы реализации концепции

Первый этап. Расширение полнопрофильной музейной экспозиции, создание специализированных выставок, открытие галереи народных ремесел и декоративно-прикладного искусства, а также ремонт фондовых помещений и оборудование их в соответствии с нормами хранения (специальное оборудование и пожарно-охранная сигнализация), создание в музее этнографического класса. Реализация данного этапа позволит сделать музей методическим центром по сохранению и возрождению национальных культур Крыма.

Предполагаемое финансирование: 450 000,00 грн.

Начало реализации освоения комплекса «Этнографический дворик» – разработка проектно-сметной документации.

Предполагаемое финансирование: 200 000,00 грн.

Сроки: 2008 – 2011 гг.

Второй этап. Подготовка проектно-сметной документации реставрации фасада здания и электрооборудования.

Предполагаемое финансирование: 300 000,00

Проведение работ по реконструкции электрооборудования и распределительных щитов, реставрация фасада здания.

Предполагаемое финансирование: 900 000, 00 грн.

Сроки: 2008 – 2010 гг.

Третий этап. Создание комплекса «Этнографический дворик». Осуществление ввода в строй мастерских национальных ремесел, сценической площадки, кафе и т. д.

Сроки: 2010 – 2012 гг.

Предполагаемое финансирование: 1 000000, 00грн.

В итоге Крымское республиканское учреждение «Этнографический музей» становится ведущим музейным учреждением АР Крым,

- центром национальных культур по работе с национально-культурными обществами АР Крым;
- центром сбора, сохранения, изучения материальных и духовных памятников народов Крыма;
- центром культурно-просветительской работы среди всех социальных и возрастных групп;
- универсальным центром детского национального и эстетического воспитания;

- одним из центров научно-исследовательской работы в области этнографии и национальных культур Крыма;
- центром по оказанию методической помощи создаваемым культурно-этнографическим объединениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные этапы концепции целесообразно осуществлять, выделив Крымский этнографический музей в самостоятельное музейное учреждение.

С этой целью необходимо:

1. Принять Постановление о создании КРУ «Этнографический музей» Верховной Раде и Совете Министров АР Крым;
2. Разработать структуру музея и утвердить новое штатное расписание;
3. Разработать и утвердить целевую программу по развитию КРУ «Этнографический музей».

Ориентировочная программа по развитию КРУ «Этнографический музей» эквивалентна сумме 2 850 000 (два миллиона восемьсот пятьдесят тыс.) гривен.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Музеи Украины и народная культура: комплектование коллекций и их изучение, массово-просветительская деятельность. История этнографических коллекций и музеев в Крыму.

<i>Е. М. Баранова.</i> Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея (2000–2005 гг.).....	4
<i>Т. В. Величко.</i> Экспозиционное отражение семиотического статуса предметов традиционной культуры (из опыта Крымского этнографического музея).....	10
<i>С. М. Дутка.</i> Преимственность традиций (на примере массовой работы музея «Степова Україна»).....	15
<i>Л. А. Науменко.</i> Русский самовар: история, традиции чаепития (на основе самоваров и предметов чайной церемонии из фондов Крымского этнографического музея).....	18
<i>И. В. Спирина.</i> Внедрение информационных технологий в работу Крымского этнографического музея.....	23
<i>Е. Е. Таратухина.</i> Коллекция ювелирных изделий в фондах КЭМ.....	27
<i>Н. В. Чмыхал.</i> Лекция-презентация как одна из форм изучения русской культуры в Крыму.....	34

Раздел II. Теория и практика этнологических исследований на современном этапе: отечественный и зарубежный опыт. Тенденции и проблемы развития этнических культур, структуры идентичности населения Крыма. Проблемы этнического просвещения населения и формирования толерантности в полиэтнических регионах.

<i>Р. Р. Акинина.</i> Этнические особенности и формирование толерантности на Николаевщине.....	40
<i>А. И. Ганчев.</i> Патриархальность вчера и сегодня: греки Крыма в начале XXI в.....	45
<i>И. В. Брунова-Калисецкая.</i> Образы истории крымчан как фактор идентичности.....	50
<i>Е. В. Коротун.</i> Национальные школы Севастополя в системе народного образования в 1920–1930-е гг.....	61

Ю. В. Космынин. Обеспечение общественного согласия – задача органов власти.....	70
С. В. Коч. Методологические проблемы этнографических исследований в городе: на примере изучения греков Измаила.....	76
А. А. Пригарин. Современное греческое население Крыма в этнодемографических измерениях: группа «Перевала» (сельсовет Доброе)	88
Р. В. Топка. Використання усної історії в історико-етнографічних дослідженнях першої половини ХХ ст.....	100
А. Н. Яковлев. Пространственные аспекты межэтнических отношений в современном Крыму.....	105

Раздел III. Источники и история изучения этносов Крыма.

Н. Н. Колесникова. Путешествие в Крым Анатолия Демидова.....	112
Л. П. Кравцова. Немецкие колонии Крыма в этнографических исследованиях Государственного института истории искусств: 1927–1929 гг.....	121
Т. Э. Саргсян. Переселение армян из Аксарая в Крым и его датировка. К рассмотрению вопроса в работах XIX–XXI вв.....	125
Н. М. Терещук. Историко-научный потенциал метрических книг по изучению истории греческого населения Севастополя	133
Е. К. Чернухин. Источники по истории крымских/мариупольских греков XVIII–XIX вв. в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского ...	139
Э. Р. Якубова. Жизнь и деятельность Полины Яковлевны Чепуриной	144

Раздел IV. Вопросы этногенеза и этническая история населения полуострова

Э. Г. Абдулхаиров. Религиозные общины немцев Перекопского уезда в XIX – начале XX в.....	152
И. Ю. Андриевская. К вопросу о крымчакской общине Евпатории	157
М. А. Араджиони. Основные занятия и ремесленная специализация греков-горожан Крыма в конце XIX – первой трети XX в.	162
Я. В. Бойко. Размещение русского этноса в Крыму (конец XIX – начало XX в.).....	181
С. А. Волкова. Чехи Крыма в 20–30-е гг. XX в.....	187
А. С. Петроградская, Н. В. Киселева. Динамика расселения крымских татар по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв.....	195

<i>В. С. Пукиш.</i> До питання про сучасний стан громад кримських татар і кримських болгар на Кубані	201
<i>В. Ф. Санжаровец.</i> О национальном составе населения Керчи в 1771–1856 гг.	211
<i>Н. М. Терещук.</i> Греческие священнослужители сева­стопольских церквей	218

Раздел V. Хозяйственная деятельность, традиционные ремесла и декоративно-прикладное искусство народов Причерноморья. Духовные традиции, обрядность и фольклор.

<i>Э. Г. Абдулхаиров.</i> «Тюп-Кенегез» – этнографическая деревня степных крымских татар	226
<i>Э. Э. Арифова.</i> Традиционные напитки крымских татар	232
<i>Л. Р. Асанов.</i> Жанр «иляхи» в крымскотатарском музыкальном творчестве	237
<i>О. Б. Гайворонская.</i> Тема депортации в устном народном творчестве болгар Крыма	242
<i>В. В. Дмитриева.</i> Родильная обрядность крымских татар и мариупольских греков	252
<i>О. А. Желтухина.</i> Чабанский «кош» в Крыму в XIX – начале XX в.	259
<i>М. С. Лазариди.</i> Традиции теневого кукольного театра «Карагёзис» и проблемы его возрождения в Крыму	267
<i>З. С. Нагаева.</i> К вопросу о градостроительном наследии народов Крыма	275
<i>Д. А. Прохоров.</i> Конфессиональные традиции и элементы быта у крымских татар в эпоху образовательных реформ в России во второй половине XIX в.: организация питания в Симферопольской татарской учительской школе	280
<i>А. Н. Савочка.</i> Благотворительные традиции еврейской общины Крыма (XIX – начало XX в.)	286

Приложение

Основные направления концепции Крымского республиканского учреждения «Этнографический музей»	292
--	-----

Научное издание

**Этнография Крыма XIX–XXI вв.
и современные этнокультурные процессы**
Материалы и исследования
Выпуск 2

(на русском, украинском языках)

Наукове видання

**Етнографія Криму XIX–XXI ст.
і сучасні етнокультурні процеси**
Матеріали та дослідження
Випуск 2

(російською та українською мовами)

**Відповідальні редактори: Маргарита Араджионі, Юрій Лаптев;
Наукова редакція: Маргарита Араджионі;
Коректор: Ірина Гладка;
Макет: Антон Прокоф'єв.**

Підписано до друку 18.09.2012 г. Друк ризографічний.
Папір офсетний 70 г/м. Формат 60x84 1/16
Замовлення __ Наклад 200 экз. Ум. друк. арк. 18,5

Видавництво: ВАТ «Сімферопольська міська друкарня» (СГТ)
95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 8
Голова Правління – В.В.Чепурін
Свідоцтво Держкомінформу України
ДК № 2359 від 02.12.2005 р.

Віддруковано у СПД-ФО Рубінчук О.Ю.
95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 8
Тел.: +38 (0652) 70-18-70